

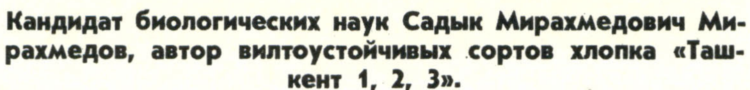
ОГОНЁК

№ 11 МАРТ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

«Молодежи, которой всегда присуще чувство нового, открывается самое широкое поприще для приложения энтузиазма, энергии, знаний...»

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану.

Кандидат биологических наук Садык Мирахмедович Мирахмедов, автор вилтоустойчивых сортов хлопка «Ташкент 1, 2, 3».

ВЕСНА ПЯТИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 11 (2280)
Основан 1 апреля 1923 года
13 МАРТА 1971

Ташкентская область. Колхоз имени Ахунбабаева. Сев на богаре.

См. 3-ю страницу обложки.

«В УЗБЕКСКОЙ ССР... Обеспечить дальнейший подъем хлопководства, с доведением в 1975 году производства хлопка-сырца до 4,9 млн. тонн... Развивать... производство фруктов, винограда, овощей, бахчевых культур...»

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану.

Вяч. КОСТЫРЯ
Фото И. Тункеля.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Весна!.. Первая весна девятой пятилетки. Деловитое гудение тракторов, буксирующих по взрыхленным полям сеялки с ячменным и пшеничным зерном, вплетается в лирическое воркование горлинок; ликующие выкрики детворы на школьных дворах, превращающихся во время переменок в стадионы, концертные площадки, в полигоны для запусков бумажных змеев. Вот-вот среди зелени трав салютно выстрелят алым пламенем бутоны степных тюльпанов. Еще несколько теплых солнечных дней — и бело-розовые клубы цветущего миндаля и урюка начнут соперничать с рассветными облаками и туманами.

...Март, а на опытных участках научно-исследовательского института садоводства, виноградарства и виноделия имени Шредера красно от махровых гвоздик. Длинными праздничными колоннами выстроились нарциссы, каллы, гладиолусы.

— Театр, как известно, начинается с вешалки, а наше хозяйство с цветочков,— говорит директор института, кандидат сельскохозяйственных наук Махмуд Мирзаевич Мирзаев.— А затем уж и ягодки пойдут... На восемнадцати тысячах гектаров трудится около четырехсот научных работников. Опытные посадки обрабатывает большой коллектив садоводов и виноградарей. Они-то и производят наши «ягодки»: ежегодно мы даем Узбекистану и другим республикам восемнадцать миллионов высококачественных саженцев и черенков плодово-ягодных, орехоплодных, субтропических культур и винограда, цветочных и лесодекоративных культур.

Первая весна девятой пятилетки для института — это пора больших трудов и больших, далеко идущих замыслов. Интенсификация производства фруктов и винограда, совершенствование их сортимента — вот путь к тому, чтобы каждый гектар давал товарной продукции в три-четыре раза больше. Будут освоены новые районы в Горно-Пригорной зоне, в Каршинской и в Голодной степях, на Шерабадском массиве, в Центральной Фергане. В честь XXIV съезда партии мы заложим в каждой области республики показательные сады и виноградники. Все это ответ коллектива института на высокую награду — орден Ленина.

...Март, а на окраине Ташкента, в тепличном комбинате,— помидоры с кулак, чудо-огурцы в аппетитных пупырышках, элитные редиска, лук, укроп и, конечно же, по-весеннему густо-зеленые массивы рассады. Мы поднимались в люльке автогидроподъемника на двенадцатиметровую высоту. И все равно глазу не охватить все сразу, потребовались комментарии директора комбината Салахитдина Юлдашевича Сотбаева.

— Начинали с одного гектара,— рассказывает он.— А к концу восьмой пятилетки объем продукции вырос до восьмисот тонн в год. В 1975 году наше хозяйство будет с полной отдачей работать на обеденные столы советских людей.

...Март, а в пригородном ташкентском колхозе имени Ленина ощущается дыхание всех времен года. Тут и помидоры, и огурцы, и капустная рассада, и совсем уж непривычное — килограммовые лимоны! Цитрусовые здесь выращивает заслуженный агроном республики Зайнутдин Фахрутдинов.

— Перед новым годом мы сдали десять тысяч штук лимонов,— говорит он.— А сейчас готовы к отправке в город еще десять тысяч. Посмотрите-ка на это лимонное дерево...

Было чему удивляться: на ветвях — все стадии развития лимона, от цветка до плода. Как при замедленной киносъемке!

...Март, а в институте селекции и семеноводства хлопчатника вы уже можете наблюдать весь цикл развития самого прекрасного «цветка»

СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЕ ЧЕСТЬ И СЛАВА!

5 марта в Москве, в Большом театре, на торжественное собрание, посвященное празднованию Международного женского дня, собрались представители партийных, советских и общественных организаций, передовики предприятий столицы и Подмосковья, деятели культуры, науки и искусства.

Горячими аплодисментами встретили собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

Торжественное собрание открыла секретарь МГК КПСС Р. Ф. Дементьева. Она огласила текст приветствия ЦК КПСС советским женщинам, с воодушевлением воспринятого всеми присутствующими.

С большим воодушевлением участники торжественного собрания приняли приветственное письмо ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР.

Фото А. ПАХОМОВА.

Узбекистана — хлопчатника. Здешние селекционеры Б. П. Страумал, Ю. П. Хуторной, А. А. Автономов создали высокоурожайные, скороспелые и, главное, устойчивые против страшной болезни — вилта — ценнейшие тонковолокнистые сорта. Из них получают первоклассные маркизет, батист, ситец, транспортерные ленты и нитки.

— Хлопководческие колхозы и совхозы, взявшие на вооружение наш сорт «С-6030», получили в минувшем году доход с каждого гектара на тысячу рублей больше, чем обычно,— говорит Юрий Петрович Хуторной.— В новой пятилетке будем держать курс на создание еще более скороспелых, высокоурожайных, вилтоустойчивых сортов. И еще одна особенность: форма куста удобна для машинной уборки. Такова наша генеральная линия.

Вилт... Это нечто вроде ракового заболевания хлопчатника. В последние годы вилт яростно обрушился на хлопковые поля старого орошения. Известный промышленный сорт «108-Ф» уже не в состоянии сопротивляться его напору. Как быть? Этот вопрос второе десятилетие не дает покоя ученым-селекционерам Института экспериментальной биологии растений Академии наук Узбекской ССР. До самых истоков культуры хлопчатника дошел селекционер Садык Мирахмедов, выделив дикую мексиканскую форму, обладающую устойчивым иммунитетом против вилта. Но дикарь — высокорослый, коробочки — мелкие, волокно — бурое... Поиски привели к мысли скрестить «дикаря» с современным скороспелым, продуктивным и наиболее вилтоустойчивым сортом «С-4727». И вот победный результат. Новые сорта хлопчатника «Ташкент-1», «Ташкент-2», «Ташкент-3». Теперь их иначе и не зовут, как «три богатыря»! Садык Мирахмедович Мирахмедов рассказывает:

— Там, где сорт «108-Ф» почти на сто процентов поражается вилтом, наши новые сорта стойко выдерживают его натиск: гибнет лишь от одного до шести процентов. Урожайность новых сортов на вилтовом поле почти в два с половиной раза выше, созревают они на шесть—восемь дней раньше. На опытах с этими сортами, которые мы вели в содружестве с членом-корреспондентом Академии наук УзССР Саодатом Садыковичем Садыковым, вырос целый отряд молодых исследователей.

В 1970 году сортами «Ташкент-1-2-3» засевали всего 9 тысяч гектаров, в нынешнюю весну ими засеваются 250 тысяч гектаров, а на будущий год — все площади, где дает себя знать вилт. Это 300 миллионов рублей дополнительной прибыли. «Три богатыря» в немалой мере помогут хлопкоробам Узбекистана решить задачу, которая поставлена перед ними проектом Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану.

...Март. Маслянисто поблескивает вспаханная земля. Но уже все голубее и просторнее становится небо Узбекистана. Только черные стаи ворон, что еще кружатся над полями, напоминают о минувшей глухой поре непогоды.

Мы приехали в колхоз имени Ахунбабаева и сразу попали в атмосферу предпосевных забот. Председатель колхоза Миразиз-ака Рузматов, сняв лисий малахай, вытаскивает из бокового кармана пиджака тюбетейку, молодецки водружает ее на бритую голову — весна пришла! — и ведет нас на поля.

— Вот здесь рождаются и наш достаток и наше доброе имя.

И сразу же цифры — продали государству хлопка-сырца на три тысячи тонн больше, чем требовалось по плану. Фонд артельных накоплений составляет теперь семьсот тысяч рублей. Ежемесячно колхозник получает только деньгами 134 рубля, а механизаторы и того больше — 201 рубль. За годы минувшего пятилетия построили для членов артели 520 новых коттеджей, два клуба, две школы, пять медпунктов, столовую, четыре чайханы. И снова комментарии.

— Забыл про нашу баню... Азиатского типа... Тоже новостройка... В такой бане побываешь, на пять лет помолодеешь, килограмма три-четыре мигом испарится!.. И еще запишите: среди наших долгожителей три аксакала скоро справят свое столетие. Без палок ходят! Ну и, конечно, построили то, что будет давать максимальный доход в ближайшие годы: автопарк, мастерские, нефтебазу, утепленные животноводческие фермы, овчарники, заасфальтировали тридцать пять километров дорог, капитально спланировали четыреста гектаров пахотной земли, значительно улучшили породность скота.

О проекте Директив XXIV съезда партии по новой пятилетке председатель говорит восторженно:

— Читал и радовался: такой размах! И думал: сейчас без науки, без новой техники не обойтись. Очень нас интересуют новые сорта хлопчатника. И еще думал о том, что теперь руководить хозяйством без образования нельзя, не получится...

Председатель умолчал, что сумел без отрыва от производства закончить Ташкентский сельскохозяйственный техникум. Он считает, что это минимум...

Миразиз-ака Рузматов задумчиво смотрит, как уходит за хребты Саткала стайка облаков. Завтра совсем тепло будет! Есть такая примета. И он снова погружается в мир предпосевных забот...

ТОРЖЕСТВО ЧЕЛОВЕКА

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Мороз пробирает, как говорится, до костей. Голубой столбик термометра резко снижается за сороковое деление. Дымится котлован. Будто в облаках выплывают гигантские краны. Есть такое строительство. О нем скупо сказано: «Ввести в действие первые агрегаты на Усть-Илимской ГЭС». Так записано в проекте Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. Всего одна строчка, одна...

Усть-Илим! Кто не знает эту новую гигантскую стройку ниже по течению Ангары, у Толстого мыса, куда перешли строители Братска. Они идут мощными колоннами по величественной сибирской реке, взрывают скалы; грохот слышит вековая тайга, но это не взрывы фугасных бомб в Индокитае — там «боинги» рассевают зерна смерти, здесь же движутся наземные орудия труда, сорокатонные самосвалы Белоруссии, завоевавшие золотую медаль на Лейпцигской международной ярмарке.

Десять тысяч граждан таежного рабочего поселка называют наиболее прославленных вожаков-бригадиров: М. Васильева, Н. Корначева, В. Михайлова, Ф. Завадского, Ю. Ачкасова, Г. Глухова, Ю. Шестакова... Они укладывают бетон, намывают песок, монтируют пролеты бетоновозных эстакад, проходят дренажный тоннель, строят крупнейший бетонный завод, жилье, магазины, кинотеатры, больницы — да мало ли что приходится строить!

Их девиз — максимально уплотненный рабочий день, все на «отлично»!

Сибирь! В обнародованном Центральным Комитетом партии для всесоюзного обсуждения проекте Директив по пятилетнему плану большое внимание уделено Сибири и тому, чем будут заняты там в ближайшие пять лет: «Обеспечить высокие темпы роста энергоемких производств черной и цветной металлургии, химической, лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, топливной промышленности и электроэнергетики... Создать в Западной Сибири крупнейшую в стране базу нефтяной промышленности», построить газоперерабатывающие заводы, железные дороги, газопроводы и т. д.

Сравнительно недавно, ну, сколько прошло, десяток лет, что ли, в редакции журнала «Октябрь» выступал министр геологии, с лукавой улыбкой отмечавший на развернутой карте «белые пятна» Сибири. Казалось, что разгадка далека и еще не родились Колумбы Россние для свершения этих открытий. И вот теперь мы видим бьющие из-под таежной земли черные фонтаны, следим, как вращаются буры разведочных вышек, как мощные вертолеты таскают в своих клювах тяжелые металлические конструкции и люди в скованных морозом дебрях тянут автомобильные дороги в глухие чащобы, опять-таки обязуясь, рапортуя, называя своих пионеров.

В первое посещение Братска я застал еще палатки, бревенчатые жилища и острог Аввакума, близко возле уреза Ангары. Энергетический бог Иван Иванович Наймушин с хмурой улыбкой на волевом лице скупо рассказывал о том, как он впервые, увязая в снегу, вместе со своими спутниками разведывал угрюмый Падун. Теперь древний скит вынесен высоко, разлилось новое море, а нержацкое поселение превращено в отличный современный город.

И. И. Наймушин в детстве служил истопником у одного из сибирских архиереев. Теперь он отапливает Сибирь! Из неграмотного мальчишки получился строитель энергетических узлов, открывающих новую жизнь величественному краю.

И тут я подошел к теме, которая, собственно говоря, и волнует меня. Как бы ни были красочны цифры, какие бы ни назывались проценты, они несравнимы с успехами в строительстве нового человека. Зарубежные лжецы, бандиты эфира, принялись агитировать нас за «социализм с человеческим лицом». Мы достаточно наслышались о пресловутой конвергенции, о желательности «отмены склеротических форм идеологий», о постепенном сращивании двух полярно противоположных социальных структур... Теперь наши «друзья» принялись с другого бока мотыжить идеологическую почву.

Они преднамеренно стараются не замечать главной цели существования Коммунистической партии — строительства, формирования нового человека, освобождения личности от самоубийственного индивидуализма.

Пятилетки с их могучим размахом — прежде всего материальная база для достижения этой цели. Забота о развитии и укреплении каждой личности тесно связана с творческим ростом личности, что помогает материальному и духовному оснащению общества в целом, помогает движению вперед и выше.

Академик В. С. Пустовойт сумел создать свыше 20 сортов подсолнечника с высокой масличностью и открыть дорогу своим сортам в ряд зарубежных стран лишь потому, что советское общество предоставило ему полную возможность развернуть свой талант и обеспечило ему плацдарм для его опытов.

Академик П. П. Лукьяненко по той же причине сумел значительно увеличить вес пшеничного колоса, избавить растение от грибков, полегания, изменив путем селекции вес колоса и соломы. Опытные делянки дали урожай почти в 80 центнеров с гектара! Академик ВАСХНИЛ М. И. Хаджинов, ученик Н. И. Вавилова, этого знаменитого ученого, славы России, добился мировых успехов в создании урожайной высоколизиновой кукурузы, что позволит при скармливании скоту намного увеличить производство свинины.

Хорошо, это академики... А если взять рядового рабочего?

Передо мною статья Ф. Морозова, рабочего одного из краснодарских заводов. Статья называется «Источник успеха», и опубликована она передовицей в краевой газете «Советская Кубань».

В чем видит Ф. Морозов источник успеха? О чем он говорит в преддверии XXIV съезда?

Он требует от каждого рабочего и администратора режима экономии, выполнения ленинского завета о всемерном поднятии производительности труда, для чего необходимы, по его мнению и по опыту собственной работы, ритм, ни одной потерянной минуты рабочего времени, автоматизация, рационализация (эффект по заводу только за три квартала — 176 тысяч рублей), постоянное повышение квалификации, качественность продукции, экономии металла и увеличение выпуска продукции на существующих площадях.

Мной сознательно подчеркивается эта мысль. В проекте Директив по новой пятилетке мы прочтем: «Увеличить мощности, прежде всего на действующих предприятиях, путем внедрения передовой технологии, модернизации и замены устаревшего оборудования и осуществления других мероприятий, позволяющих повысить выпуск продукции, как правило, без расширения производственных площадей, с меньшими затратами и в более короткие сроки по сравнению с новым строительством».

Так мудро сказано в проекте Директив по новому пятилетнему плану. Пожалуй, да и наверняка, эти опять-таки скупые строчки программируют одну из центральных задач индустрии. Есть хозяйственники, которые ради престижа стараются заполучить как можно больше денег на новое строительство. Нередко такие люди не оглядываются по сторонам, поверхностно оценивают имеющиеся у них резервы, им бы побольше строить... А построенные объекты работают в одну или полторы смены, рабочих нехватка, станки простаивают, колесо крутится вхолостую.

Мне пришлось около десяти лет работать на производстве. Подобные хворости существовали на разных этапах развития отечественной промышленности. Но если на заре индустриализации жадность строительства была понятна и носила прогрессивную функцию, то теперь раздел под римской цифрой VI должен быть внимательно и по-хозяйски изучен с привлечением вот таких, как Ф. Морозов,— их миллионы в рабочей среде.

Будущая пятилетка, вынесенная на всенародное обсуждение, впервые в нашей истории такое место отводит промышленности группы «Б». Каждому понятно, что это означает на практике. Однако увеличение производства предметов потребления отнюдь не означает ослабления главной, ведущей группы. Пришло время как бы собирать урожай. Не всегда же только сеять, надо и молотить. Кроме действующих заводов и фабрик, проектируются новые предприятия группы «Б», увеличивается доля изготовления предметов обихода на заводах крупной индустрии, где отнюдь не в ущерб тракторам или станкам будут попутно выпускаться кастрюли и ложки, утюги и холодильники.

Наблюдая в ряде городов, на новостройках, в общении с людьми отношение к предстоящей перспективе, с удовольствием улавливаешь деловой, заинтересованный тон, отсутствие равнодушия. Естественно, что каждый прежде всего углубляется в свою отрасль деятельности, а потом уже сопоставляет, изучает, думает. К примеру, колхозники Кубани, совершившие в юбилейном году великий подвиг, сняв после стихийных бедствий самый высокий урожай за всю историю края, дотошно изучают планирование выпуска тракторов, земледельческих орудий, минеральных удобрений.

Дать стране изобилие риса — прямая забота кубанцев. Поэтому день и ночь трудятся на стройке Краснодарского водохранилища над созданием своего кубанского моря, откуда в любое время года можно будет отшлюзовать нужный кубовый метраж воды для рисовых систем, которые в спешном порядке ювелирно разделываются в низовьях Кубани, где осушаются плавни, истребляются последние рассадники комаров...

Немного остается времени до того торжественного мига, когда раскроются зеркальные двери Дворца съездов и в кремлевские залы войдут посланцы партии со всех сторон нашей великой страны, войдут люди, опаленные солнцем Средней Азии и Кавказа, украинские и белорусские коммунисты, люди высоких широт, тайги и тундры, те, кто живет на берегах вод, зачерпнутых казачьей горстью Дежнева, Хабарова, Ермака Тимофеевича, делегаты с Янтарного берега, многоводной Невы, Центральной России, Урала и Сибири...

Они трезво, спокойно, обстоятельно обсудят дела партии, наметят дальнейший путь динамичного движения общества, путь дальнейшего совершенствования социалистического человека, с его крепкими нравственными идеалами, традициями, прекрасной судьбой, которая всецело доверена их собственным рукам, их мудрому мозгу — партии.

В цехе автоматов завода «Калибр» обсуждают проект Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану. Слева направо: секретарь партбюро, инженер-нормировщик Ю. Цепнов, фрезеровщик А. Алешин, токарь П. Степанов, шлифовщик В. Пискунов, токарь В. Махнев.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

З. ХИРЕН

ТОЧНОСТЬ — ИХ ПРОФЕССИЯ

Репортаж с собрания коммунистов

Это у нас уже вторая встреча с калибровцами за два дня. Первая была в зале Центрального Дома Советской Армии имени Фрунзе, где заводскому коллективу вручали орден Октябрьской Революции. Присутствовало там не менее тысячи человек. Среди них и те, кто в 1931 году заложил на пустыре, за Крестовской заставой, фундамент будущего инструментального завода, и те, кто лишь в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов переступил его порог. Открывая собрание, секретарь парткома К. Калинкин сказал, что XXIV съезд КПСС завод встречает успешным выполнением планов первых двух месяцев 1971 года, а директор завода А. Иванов как бы подвел итог событиям, завершившимся прикреплением к заводскому знамени ордена Октябрьской Революции. За пять лет освоено около ста новых, отвечающих уровню мировых образцов, контрольно-измерительных инструментов, приборов и автоматов. Сотни автоматических линий на предприятиях страны оснащены автоматами «Калибра». Практически в стране нет города, нет населенного пункта, где бы не пользовались изделиями «Калибра». И вот мы на открытом партийном собрании в одном из ведущих цехов — цехе автоматов. Собрание это представилось нам логическим продолжением всего того, что происходило при вручении ордена. Там подводился итог, а здесь коммунисты открывали первую страницу новых, не менее захватывающих планов.

Участники собрания расположились неподалеку от своих рабочих мест, где лежали готовые изделия, сделанные руками тех, кто сейчас пришел на обсуждение проекта Директив XXIV съезда КПСС.

— Готовы ли мы сегодня к выполнению задач, поставленных проектом Директив съезда партии?— спросил докладчик начальник цеха Герман Михайлович Егоров.— Да, готовы.

И тут же пошел разговор о росте производительности труда, о товарном выпуске, о новом оборудовании, о повышении квалификации рабочих. Назывались фамилии наиболее выдающихся мастеров своего дела — слесарей Петрова, Пиленова, Лосева, Вавилина, Верещако.

— Я думаю, что мы поступим правильно,— продолжал докладчик,— если внесем в проект Директив такое дополнение: ныне, в век технического прогресса, высшее и среднее техническое образование требуется уже не только для управления предприятием, но и для выполнения таких работ, которые производятся у нас. Вы, товарищи, так же, как и я, внимательно читали проект Директив XXIV съезда партии. Там есть немало строк, которые непосредственно адресованы нам, нашей отрасли индустрии. Всюду, где речь идет об автоматических линиях, потребуются высокой точности измерительные приборы, автоматы. Чтобы их создать, нужно немало знаний. Причем самых современных.

В ближайшем будущем вступит в строй новый прецизионный корпус, где цеху будет отведено много дополнительных производственных площадей. Планы на будущее уже сегодня подкрепляются практическими делами. Думается, что мы поступим правильно, если здесь, на собрании, обменяемся мнениями о том, как лучше использовать эти новые производственные площади.

По сути дела, каждый из выступавших на этом партийном открытом собрании вносил свои кон-

---

ПЕРЕЧЕРКНУТЫЕ ЦИФРЫ

В ночь на первое марта все руководство московского магазина «Свет» номер 10 на улице Кирова занималось приятным делом — на табличках с ценами красной тушью перечеркивали старые цифры и тут же выводили новые: стиральная машина «Сибирь-5М» — 135 рублей вместо 155, стиральная машина «Прожектор» — 65 рублей вместо 75...

У прилавка толпится народ. Вопросов так много, что продавец отдела стиральных машин Борис Харламов не успевает на все отвечать, ему помогает директор магазина Прасковья Герасимовна Зайцева.

— Машина «Ревтруд»? Она для частых и мелких стирок, только с ней лучше справляется молодежь. А для пожилых людей больше подойдет «Сибирь»...

— Покупателей заметно прибавилось,— говорит нам директор.— Первого марта продано четыре машины «Сибирь», одна «Рига» и один «Прожектор», третьего марта — семь машин, а четвертого — сорок шесть!

В разговор вступила одна из покупательниц, Анна Ефимова из Подмосковья.

— Мы с мужем недавно квартиру получили и составили целый план на год, когда что покупать. Теперь весь план, к нашему удовольствию, рушится: стиральную машину купим на месяц раньше, а телевизор возьмем за ту же цену, но уже с бо́льшим экраном. Решили купить себе плащи — это «сверх плана», за счет снижения цен.

Б. СМИРНОВ

На снимке: в торговом зале магазина «Свет».
Фото К. Каспиева.

кретные дополнения к проекту Директив XXIV съезда КПСС.

Большой интерес у присутствующих вызвало выступление начальника ОКБ С. С. Подлазова. В стенах конструкторского бюро и зарождаются те идеи, которые затем получают свое воплощение в работе цеха, завода. Сергей Сергеевич сообщил, что из 600 автоматических линий, которые будут пущены на машиностроительных предприятиях страны, триста будут оснащены измерительными приборами «Калибра». Программное управление станками потребует от цеха большой работы. Если до недавнего времени такая скорость шлифовальных станков, как 30 метров в секунду, считалась вполне приемлемой, то ныне силовая шлифовка достигнет 100—150 метров в секунду. Значит, понадобятся новые измерительные приборы, которые соответствовали бы новым скоростям шлифовки.

Мера требовательности к продукции «Калибра» в годы девятой пятилетки резко повысится. И заместитель главного инженера завода Н. Лесин говорит об этом с большой озабоченностью: «Мы должны быть готовы к тому, что от нас потребуют новые и новые гаммы измерительных приборов, автоматов».

...Выступают рабочие, инженеры. Их думы, заботы не только о своем заводе, своем цехе. Бригадир Юрий Байковский говорит, что в проекте Директив XXIV съезда партии его очень заинтересовала проблема размещения производительных сил в стране. «Тут многое зависит и от нас. Мы должны позаботиться о том, чтобы снабдить все республики самыми совершенными приборами и автоматами. Мы в ответе за технический прогресс тех предприятий, что вырастут в новых экономических районах страны».

Коммунисты говорили о новой технике, о ее творцах и в первую очередь о людях молодых. «Молодые рабочие, поступающие сейчас на наш завод, неплохо разбираются в новейшей технике и, соприкоснувшись с ней в цехе автоматов, вносят много нового. Этот интерес молодых к современной технике надо укреплять и направлять». Это мнение члена парткома Т. Л. Тараненко горячо поддержали коммунисты.

Так на открытом партийном собрании одного из цехов завода «Калибр» мы узнали, чем живут в эти дни коммунисты, что их волнует, о чем бы еще хотели они прочитать в Директивах съезда партии.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВАЖНАЯ И НЕОТЛОЖНАЯ ПРОБЛЕМА

Владимир НИКОЛАЕВ

Одна из наиболее важных и неотложных международных проблем, от которых зависит общее состояние международной обстановки,— так охарактеризована задача урегулирования ближневосточного конфликта в недавнем Заявлении Советского правительства. Не случайно внимание всей мировой общественности приковано к решению этой проблемы.

Седьмого февраля президент ОАР Анвар Садат в своем выступлении по радио и телевидению заявил: «Нашей стране брошен вызов. Отвергая ноябрьскую резолюцию ООН 1967 года, Израиль полностью разоблачил свои экспансионистские устремления». Президент ОАР подчеркнул серьезность создавшегося положения и сделал вывод: «Мы не связаны более никакими соглашениями о прекращении огня. Однако ОАР будет продолжать прилагать усилия к политическому урегулированию ближневосточного кризиса».

В последнее время стало ясно, что переговоры между арабскими странами и Израилем при посредничестве Гуннара Ярринга, специального представителя генерального секретаря ООН, подошли к решающему этапу. Такое положение сложилось благодаря настойчивым действиям всех миролюбивых сил, а также в результате конструктивной политики Объединенной Арабской Республики, искренне заинтересованной в разрядке напряженности на Ближнем Востоке. Показательно, что даже те западные круги, которые отнюдь не отличаются объективностью по отношению к ОАР, вынуждены сегодня констатировать реальность и позитивность усилий республики по урегулированию конфликта. Так, американский журнал «Ньюсуик» отмечает: «В глазах читателя, который в массе своей составляет то, что называется мировым общественным мнением, именно Египет кажется стороной, активно добивающейся мира. На долю же Израиля выпадает только отказ от всех практических решений».

Если уж так заговорил «Ньюсуик», то без труда можно представить себе, какова сейчас на самом деле ситуация в этом беспокойном районе земного шара. Да, только «отказом от всех практических решений» можно, мягко говоря, назвать внешнеполитические действия Израиля. А говоря по существу, эту политику не назовешь иначе, как саботажем, шантажом, бесконечной цепью провокаций, направленных на срыв усилий по разрядке напряженности на Ближнем Востоке. Одним из последних таких преступных актов было недавнее заявление правительства Израиля о том, что оно не выведет свои оккупационные войска с захваченных арабских земель и «не отойдет на линии перемирия от 4 июня 1967 года».

До каких же пор израильские агрессоры будут уклоняться от выполнения известной резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, до каких пор они будут игнорировать мировое общественное мнение? Почему правители Израиля продолжают занимать столь агрессивную позицию, казалось бы, рассудку вопреки? Все дело в том, что за ними стоит американский империализм. И вовсе не случаен тот факт, что новые поджигательские заявления Израиля совпали по времени с новым расширением агрессии США в Индокитае. Израиль был и остается ударным орудием американского империализма по срыву политического урегулирования, по созданию на Ближнем Востоке новых опасных осложнений. Да, правящая клика Израиля, финансируемая американским, прежде всего сионистским, капиталом, послушно проводит политику американского империализма, направленную против национального освободительного движения арабских народов.

Как сообщает буржуазная печать, за 20-летний период, с 1948 по 1968 год, экономическая помощь американского правительства Израилю составила 11 миллиардов долларов, а переводы из частных источников — 25 миллиардов, то есть общая сумма составила 36 миллиардов долларов! И это для страны с населением всего в 2,5 миллиона человек. Показательно, что с 1968 года такого рода долларовые инъекции резко увеличились. В 1970 году они достигли 800 миллионов, а в 1971 году составят около полутора миллиардов. Бесконечным потоком следуют в Израиль из-за океана военные самолеты, ракеты, электронные системы... Мало этого! Соединенные Штаты проводят в отношении Израиля свою особую политику и в области ядерного оружия. По свидетельству западной прессы, США предоставили Израилю самые современные технические и политические данные, касающиеся эффективного использования ядерного оружия на Ближнем Востоке. Согласно сообщениям, израильские ядерные реакторы уже несколько лет производят такое количество плутония, которого достаточно для создания десяти 25-килотонных бомб в год.

Таковы факты. Они не могут не вызывать беспокойства. В Заявлении Советского правительства подчеркивается, что каждое правительство, каждый ответственный политический деятель должны отдать отчет в том, что на Ближнем Востоке альтернатива такова: политическое урегулирование или военное столкновение. Советское правительство, весь советский народ решительно выступают за мирное разрешение ближневосточного конфликта. Советский Союз, друг арабских народов, твердо стоит на стороне их справедливой борьбы против израильской агрессии.

Иван ЩЕДРОВ

Сто, двести, пятьсот шагов по битому кирпичу. А впереди, дальше снова обгоревшие одинокие стены, целые холмы искореженного железобетона, воронки. И тишина. Страшная тишина легла на залитые ярким солнцем, изуродованные, мертвые улицы и переулки. Кажется, что я вижу какой-то тяжелый сон. Хочется крикнуть: нет, этого нет, не может быть! Взгляд падает на надпись у входа в землянку: «Год 1965». И я вспоминаю: это же было бомбоубежище. Тогда, в феврале шестьдесят пятого, я стоял на этом самом месте, а кругом гремел бой. Небо — в белых хлопьях от разрывов зенитных снарядов. Над головой — американские самолеты. С северной и южной окраины тогда еще живого, сражающегося города поднимались вверх огромные клубы дыма. Горели жилые кварталы.

11 февраля, шесть лет назад, здесь шел один из первых боев на северовьетнамской земле. Первый, увиденный нами — журналистами из Советского Союза, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Франции. В тот день отсюда, из города Донгхоя, были переданы первые военные репортажи в Москву, Париж, Прагу, Берлин. 11 февраля, шесть лет назад...

Когда 31 октября 1968 года уходящий с политической сцены американский президент Джонсон объявил о том, что Соединенные Штаты прекращают воздушные налеты на Демократическую Республику Вьетнам, для Донгхоя это уже не имело значения. Потому что он перестал существовать. Но жители его, отстаивая свое право на эту землю, бросив родное пепелище, взяли в руки винтовки, чтобы сражаться...

Оглушенный тишиной, я иду по улицам разбитого города. Хочется крикнуть: этого не должно быть, не может быть!

Но это так. Через треск и шум помех из транзистора пробивается голос диктора: «27 января 1971 года американские самолеты подвергли бомбардировке некоторые районы провинции Куангбинь. Среди гражданского населения есть жертвы...» Донгхой — административный центр этой провинции.

«...Фугасные и шариковые бомбы были сброшены на общину Хыонглап, расположенную южнее Донгхоя, которая подверглась массированным бомбардировкам в течение пяти дней — с 25 по 29 января...» Да, да, здесь нет никакой ошибки. Идет год тысяча девятьсот семьдесят первый. «Министерство иностранных дел ДРВ осуждает...»,— продолжал диктор читать последние новости.

Я смотрю на знакомую надпись у входа в землянку, снова в памяти всплывает шестьдесят пятый.

...Это было 12 февраля в старой крепости, оставшейся еще от феодальных времен. При свете прожекторов мы, журналисты разных стран, спустя полчаса после очередного налета увидели американского пилота, сбитого на наших глазах. Мы увидели того, кто бомбил город, где жили ремесленники и рыбаки, художники и цветочницы... Конвоиры с примкнутыми штыками ввели рослого светловолосого человека лет 35, в зеленом комбинезоне. Он старался держаться вызывающе, и когда кто-то из нас задал ему вопрос, летчик бросил небрежный взгляд сверху вниз, а затем спросил: «Извините, сэр, с кем имею честь?» Но отвечать на вопросы ему все же пришлось. Пилот говорил заученными фразами: «Налет на Донгхой — месть за южновьетнамский Плейку, где погибли американские солдаты. Мы бомбили Северный Вьетнам, чтобы обеспечить безопасность наших ребят (он имел в виду американских интервентов.— **И. Щ.**), воюющих в Южном Вьетнаме».

Многого мы тогда не знали, а многое даже трудно было представить. Ведь до эскалации огненный смерч войны полыхал лишь в Южном Вьетнаме, а над остальными странами Индокитая лишь нависали грозовые облака. Американские дипломаты, признавая, что с февраля 1965 года авиация США бомбит Северный Вьетнам, продолжали упорно отрицать первые налеты на партизанские базы патриотов в Лаосе.

Но уже тогда, в феврале 1965 года, в показаниях пойманного с поличным воздушного пирата сквозила бандитская логика, оправдывающая нападение США на любую страну, лежащую по соседству с Южным Вьетнамом. Любопытно, что думает сейчас по этому поводу первый плененный на донгхойской земле американский пилот — Робер Шумейкер, в свое время готовившийся стать космонавтом. Ведь за шесть лет плена многое можно понять и осмыслить. Можно многое понять. Но можно ли сделать вид, что агрессия США — это всего лишь акт «самозащиты», как это пытается кое-кто сегодня утверждать. Например, один из дипломатов этой страны, Фрэнк Брэдли, несколько месяцев назад уверял меня, что, мол, если с весны 1965 года и до ноября 1968 года Соединенные Штаты резко расширяли военное вмешательство, то потом ими был взят курс на постепенный вывод американских войск из Южного Вьетнама и восстановление мира в Индокитае. «Но,— многозначительно сказал он,— мы вынуждены будем для обеспечения без-

«Вьетнамизация» в действии: сайгонские каратели допрашивают пленного, применяя пытку водой.

Операция по «очистке территории» в камбоджийской деревне. Жителям угрожает расстрел за связь с патриотами.

Одна из девяти крупных военно-воздушных баз США в Таиланде, в районе города Корат. С этих баз стартуют американские самолеты, чтобы бомбить мирные города и селения Вьетнама, Камбоджи, Лаоса.

ЗЕМЛЯ, ОПАЛ

Патриоты Южного Вьетнама атакуют. Фото ТАСС.

опасности вывода американских войск из Южного Вьетнама предпринять кое-какие необходимые шаги». «Что вы имеете в виду?» — спросил я дипломата напрямик. «Скажем,— ответил Фрэнк Брэдли осторожно,— кое-какие превентивные акции в отношении баз противника на территории Камбоджи, Лаоса... Ну и, возможно, Северного Вьетнама, если этого потребует обстановка». Он подчеркнул, что это не его личное мнение, а просто «концепция, не раз уже изложенная президентом и государственным секретарем». Слушая эти рассуждения, я вспомнил крепость Донгхоя и американского пилота Робера Шумейкера. Ведь еще 6 лет назад он говорил примерно то же самое.

Сотни городов Индокитая лежат, поверженные в прах, безмолвны тысячи покинутых деревень, которые уже заросли кустарником и травой... Более миллиона убитых вьетнамцев, лаосцев и камбоджийцев оплакивают их матери, вдовы, дети. Миллионы изувеченных на всю жизнь осколками американских бомб и снарядов, испепеляющим напалмом и ядовитыми химическими веществами. У миллионов детей отнято детство. Вот она, цена «логики» американских официальных лиц, безуспешно пытающихся прикрыть громкими фразами политику империализма!

Американская пропаганда твердит, что с ноября 1968 года происходит необратимый процесс, ведущий якобы к «скорейшему прекращению конфликта».

Побывав в последнее время на фронтовых тропах Лаоса, встретившись со своими давними знакомыми — партизанами из южновьетнамских освобожденных районов и познакомившись с камбоджийскими патриотами, я убедился, что дело обстоит совсем не так. Пропагандистская легенда, рожденная на грязной американской кухне психологической войны, призвана оправдать всеми средствами новые преступления, совершаемые против народов Индокитая.

Война полыхала в Южном Вьетнаме. Затем она перекинулась на Камбоджу и Лаос. До сих пор продолжаются налеты и обстрелы вооруженными силами США южных районов ДРВ. Прочный мир так и не вернулся на северовьетнамскую землю. 1971 год 50 миллионов жителей Индокитая встретили в суровой, фронтовой обстановке. Окопавшись на окраинах Индокитая, интервенты и их прислужники в Южном Вьетнаме контролируют одну пятую, в Камбодже — треть, а в Лаосе — менее одной трети территории. Американские агрессоры не собираются кончать войну ни в этом году, ни в ближайшем будущем. Полтора года назад на южновьетнамской земле было полмиллиона американских солдат и офицеров. Теперь же, если верить пентагоновским данным, их осталось «всего около 350 тысяч». Некоторые голоса из Вашингтона уже озабоченно кричат: нас осталось там совсем мало! В январе «Нью-Йорк таймс» привела американскому читателю такие доводы: в 1968 году, мол, на долю американцев приходилось двое из трех убитых солдат в американо-сайгонской армии, сейчас — всего лишь одна пятая. И это выдается за прогресс: ведь кровь наемников не в счет.

Сколотив в Индокитае под своим прямым командованием разношерстное воинство численностью около двух миллионов, Вашингтон пытается лишь сократить потери «своих», то есть американских, солдат и меньше всего заботится о скорейшем окончании развязанной им бойни. Зато мобилизованных силой или купленных на доллары таиландских, сайгонских и прочих солдат натравливают на своих братьев, вкладывая им в руки оружие. Планы военных операций тоже разрабатываются в Вашингтоне. И вот результат: за последние два года воздушная война, развязанная США в Индокитае, достигла громадных масштабов. Лишь на один Лаос, на вечнозеленое горное плато Боловен и солнечную Долину Кувшинов с октября до середины декабря прошлого года было сброшено 100 тысяч тонн бомбового груза, что в пять раз превышает мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Разглагольствуя о выводе американских вооруженных сил, Пентагон уже в январе — феврале этого года организовал под прикрытием своих военно-воздушных и военно-морских сил новые крупные вторжения в Камбоджу и Лаос.

И все-таки американским «режиссерам» придется уйти с этой земли рано или поздно. Пентагон ведет подсчет официальных потерь своих солдат и офицеров на фронтах Индокитая с января 1961 года. За десять лет сменилось три американских президента, за эти же годы убито и ранено, даже по пентагоновским данным, около 350 тысяч солдат и офицеров.

Но выстояла в огне жестокой войны и окрепла Демократическая Республика Вьетнам. Под контролем патриотических народных сил — уже более двух третей остальной территории Индокитая, на которой проживает более 15 миллионов вьетнамцев, камбоджийцев, лаосцев. Народы Индокитая продолжают свою мужественную борьбу за свободу и независимость. И в этой борьбе они не одиноки. Рядом с ними Советский Союз, весь социалистический мир, все прогрессивное человечество.

ЕННАЯ ВОЙНОЙ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ВСТРЕЧИ С ГРАБАРЕМ

ВЕЧЕР У КИРОВСКИХ ВОРОТ

Осенний вечер 1947 года. Старая, тихая квартира. Бывший дом страхового общества «Россия» в узком переулке у Кировских ворот. Квартира как квартира — три комнаты... На стенах картины. Пейзажи. Около двадцати. Автор — Левитан...

Эту коллекцию собрал Владимир Федорович Миткевич, академик, электротехник, энергетик. Он участвовал в составлении плана ГОЭЛРО, работал над планированием системы высоковольтных электропередач. В столице его собрание широко известно. Поэтому в доме часто бывают художники, искусствоведы, коллекционеры. Сегодня у него в гостях Игорь Грабарь.

Грабарь... Живой классик. Имя его стало почти легендарным. Ученик Репина. Современник Серова, Врубеля, Левитана. Друг Бенуа. Автор блестящих исследований по истории искусства. Крупнейший знаток музейного дела, реставрации. Выдающийся педагог. Академик... Словом, можно часами рассказывать о его феноменальной по охвату и эрудиции деятельности.

Небольшого роста, крепко сбитый, с гладко, до блеска выбритой головой, необычайно подвижный и в то же время предельно собранный, он поражал своей энергией. «Крепыш» — так ласково называл его в письмах Бенуа. И это очень точно сказано. Казалось, ему не было износу.

Грабарь... Как сейчас, вижу его идущего в большой группе профессоров Изоинститута. Рядом с ним массивный, ширококостный Сергей Герасимов, спортивный, весь словно на пружинах Александр Дейнека, мудрый Борис Иогансон, нарядный Александр Осмеркин, молчаливый Егор Ряжский, добрейший Василий Почиталов. Счастливая пора...

Но вернемся в дом у Кировских ворот.

Обед подходит к концу. Произнесен шутливый тост за «бессмертных» академиков. Ведь Грабарь и хозяин дома — почти ровесники: 1871 и 1872 года рождения. Подняты бокалы за святое искусство, за радость видеть и любить прекрасное.

Осеннее солнце озарило стены просторной комнаты. Мерцают тусклым золотом рамы. Одинокий луч скользнул по холсту Левитана, зажег краски.

«Летний вечер». Эскиз к знаменитой картине.

Околица. Печальный миг прощания с солнцем. Еще минута, другая, и последние лучи пробегут по далекому лугу, сверкнут в вершинах леса, зажгут багрянцем листву берез. Но пока еще розовеет небо. Еще холодные тени не поглотили ликующие краски русского раздолья. Последняя вспышка зари окрасила бледным золотом изгородь, деревянные ворота. Тень наступает, она погасила яркий изумруд трав, покрыла лиловым пологом дорогу... И видно, как спешит, спешит нервная кисть Левитана, чтобы остановить прекрасное мгновение. Запечатлеть миг последнего озарения.

— Полотна Левитана,— произнес Грабарь,— вселяли в нас бодрость и веру, они заражали и поднимали. Хотелось жить и работать... Этот этюд написан накануне смерти. Известно, как тяжело угасал Левитан. Он знал о приближающемся конце. Знал. И все же вопреки запретам врачей работал. Такова стезя великих — работать до конца!

Грабарь замолчал...

В большой комнате стало совсем тихо. Только слышно было, как тикают старинные часы.

— Последние годы в жизни живописца,— прервал молчание Грабарь,— какими чувствами порою переполнены они! Никогда не забуду одну из последних моих встреч с Валентином Александровичем Серовым... Это была глубокая осень 1911 года, я пригласил художника поглядеть на новую экспозицию его работ в Третьяковской галерее... Серов сразу подошел к «Девушке, освещенной солнцем». Долго-долго, пристально рассматривал. Молчал. Тогда только я впервые по-настоящему понял, как он плох. Лицо серое. Погасший взор... Вдруг Серов глубоко вздохнул, махнул рукой, сказал не столько мне, сколько кому-то третьему: «Написал вот эту вещь, а потом всю жизнь, сколько ни пыжился, ничего уж не вышло: тут весь выдохся». Он цепко взял меня под руку и подвел вплотную к холсту: «Каков валер?»

Я,— продолжал Грабарь,— с какой-то удивительной ясностью увидел тончайшие переливы цвета, нежнейшую пластику портрета. Все неуловимые рефлексы пленэра, всю глубину духовной жизни девушки...

«И самому мне чудно,— глухо звучал голос Серова,— что я это сделал... Тогда я вроде с ума спятил. Надо это временами: нет-нет да малость спятишь. А то ничего не выйдет...»

Грабарь подошел к «Околице». Казалось, он хотел проникнуть в самое сокровенное...

— А ведь знаете, Владимир Федорович, если бы я послушал Малявина, мне пришлось бы бросить писать пейзажи... Как-то Малявин зазвал меня к себе в рязанскую глушь. Я пробыл у него несколько дней, в течение которых мы, конечно, только и говорили что о живописи, лишь изредка прерывая эти беседы рыбной ловлей, в которой ничего не понимали: мы были горе-рыболовами. Зато тем неистовее спорили об искусстве. Малявин меня убеждал:

«Как же ты не понимаешь, что после Левитана нельзя уже писать пейзажа! Левитан все переписал и так написал, как ни тебе, ни другому ни за что не написать. Пейзажу, батенька, крышка. Ты просто глупость делаешь. Посмотри, что за пейзажи сейчас на выставках? Только плохие подделки под Левитана».

Как я ему ни доказывал, что ни пейзаж, ни портрет и вообще ничто в живописи не может остановиться, а будет расти и эволюционировать, то понижаясь, то вновь повышаясь, он стоял на своем. На том мы и расстались.

Я слушал Грабаря, затаив дыхание.

«Какое счастье,— думал я,— столько прожить, столько сделать и столько увидеть...»

Пробили старинные часы. Семь мерных ударов нарушили тишину. Грабарь внимательно выслушал бой. Посмотрел на свои часы и продолжил:

— На днях ко мне приехали старые знакомые из Ленинграда. Решили сходить в Третьяковскую галерею. Незаметно оказались у моих ранних пейзажей «Сентябрьский снег», «Февральская лазурь», «Мартовский снег»... Друзья стали расхваливать качества этих полотен. И вдруг мне стало страшно. Да, страшновато! Я с какою-то непередаваемой остротой вспомнил встречу с Валентином Серовым и его последний разговор со мною... Ведь я писал эти холсты сорок лет тому назад, а ничего подобного по свежести, колориту, ощущению России в пейзаже больше не создал...

Солнце ушло за высокие дома. Стемнело. Зажгли свет. И вдруг внезапно ярко выделился висевший дотоле в тени «Пьеро» Сомова. Великолепная акварель.

Электрический яркий свет прогнал тишину, вдруг стал слышен шум города, звон посуды на кухне.

Бледный Пьеро внимательно разглядывал молчаливую группу людей у левитановской околицы.

Принесли чай.

ФЕВРАЛЬСКАЯ ЛАЗУРЬ

Сложен, многотруден творческий путь Игоря Грабаря. Ученик Репина в Академии художеств, весьма успешно владевший кистью, вдруг решает уехать со своим другом Кардовским в Мюнхен к Ашбэ.

Прошло несколько лет, и, проведя тысячи часов за штудией у Ашбэ, а также в академиях Жюльена и Колоросси в Париже, Грабарь понял, что его судьба художника сложится дома, в России. Сотни сожженных холстов, картонов, досок были прощальным факелом...

И. Грабарь. 1871—1960. В. И. ЛЕНИН У ПРЯМОГО ПРОВОДА 1927—1933 (фрагмент). Центральный музей В. И. Ленина.

И. Грабарь. ФЕВРАЛЬСКАЯ ЛАЗУРЬ. 1904.

Государственная Третьяковская галерея.

Через полвека живописец рассказывает:

«Вернувшись в 1901 году в Россию, я был несказанно потрясен красотою русского пейзажа! Нет нигде таких чудесных березовых рощ, таких восхитительных весен, золотых осеней, сверкающих инеев».

Утоленная тоска по родине дала волшебные результаты. Грабарь нашел свою музу.

«Февральская лазурь». Этот пейзаж написан в 1904 году. Вот что рассказывает сам Грабарь об истории его создания:

«В то необычайное утро природа праздновала какой-то небывалый праздник — праздник лазоревого неба, жемчужных берез, коралловых веток и сапфировых теней на сиреневом снегу. Я стоял около дивного экземпляра березы, редкостного по ритмическому строению ветвей. Заглядевшись на нее, я уронил палку и нагнулся, чтобы ее поднять. Когда я взглянул на верхушку березы снизу, с поверхности снега, я обомлел от открывшегося передо мной зрелища фантастической красоты: какие-то перезвоны и перекликания всех цветов радуги, объединенные голубой эмалью неба... Если бы хоть десятую долю этой красоты передать...»

Поглядите на этот пейзаж в Третьяковке, и вы убедитесь, что мечта Грабаря осуществилась. Это полотно — гимн России, белоствольным березам, сверкающему февральскому небу.

За этим холстом следует другой — «Мартовский снег». И опять живописец с восторгом вспоминает о тех счастливых днях:

«С этого времени в течение всего февраля, марта и половины апреля я переживал настоящий живописный запой,— пишет Грабарь.— Меня очень заняла тема весеннего, мартовского снега, осевшего, изборожденного лошадиными и людскими следами, изъеденного солнцем. В солнечный день, в ажурной тени от дерева, на снегу я видел целые оркестровые симфонии красок и форм, которые меня давно уже манили. В ближайшей к Дугину деревне Чурилкове я нашел такой именно, нужный мне уголок. Пристроившись в тени дерева и имея перед собой перспективу дороги, которую развезло, и холмистой дали с новым срубом, я с увлечением начал писать. Закрыв почти весь холст, я вдруг увидел крестьянскую девушку в синей кофте и розовой юбке, шедшую через дорогу с коромыслом и ведрами. Я вскрикнул от восхищения и, попросив ее остановиться на десять минут, вписал ее в пейзаж. Весь этюд был сделан в один сеанс. Я писал с таким увлечением и азартом, что швырял краски на холст, как в исступлении, не слишком раздумывая и взвешивая, стараясь только передать ослепительное впечатление этой жизнерадостной, мажорной фанфары».

Вспомним рассказ Валентина Серова о том, как он писал Машу — «Освещенную солнцем», как он тогда «вроде с ума спятил». Видите, это своеобразное «сумасшествие» не один раз давало в истории живописи блистательные результаты.

ДВАДЦАТЫЕ БУРНЫЕ ГОДЫ...

Грабарь глубоко переживал сумбур и шумиху, поднятую на «изофронте» представителями «супрематизма» и прочих «измов» в начале двадцатых годов. Он с горечью пишет в своей «Автомонографии» о засилье левачков, «безраздельно властвовавших в советском искусстве». Все реалистическое, жизненное, даже просто все «предметное» считалось признаком некультурности и отсталости. Многие даровитые живописцы стыдились своих реалистических «замашек», пряча от посторонних глаз простые, здоровые этюды и выставляя только опыты кубистических деформаций натуры, газетных и этикетных наклеек и тому подобный вздор.

В этом свете любопытен диалог между Луначарским и Грабарем. Игорь Эммануилович рассказал наркому, что в искусстве Запада намечается поворот от кубизма и экспрессионизма к новому культу рисунка и формы. И что это все весьма мало похоже на то, что творится в Москве, где «левые» не только не думали о сдаче своих позиций, а, напротив того, казалось, только еще начинали разворачивать свои силы.

Луначарский хотя и удивился переменам в искусстве Запада, но был обрадован и даже приветствовал их.

Грабарь этим был поражен и спросил его:

— Какой же вы после этого защитник футуристов?

— Защищал, пока их душили, а когда они сами начинают душить, приходится защищать уже этих новых удушаемых...

Немало чудес происходило в то время. Художники «левых» взглядов устраивали бесконечные споры и дискуссии, ничего не выяснявшие и все запутывавшие. Грабарь, шутливо именовавший себя «музейщиком», отчаянно сражался с этими «художниками», стараясь сохранить великое наследие культуры прошлого во имя будущего. Чем же это кончилось? «Художники» отделились от «музейщиков».

«Мы в нашей коллегии,— вспоминал Грабарь,— переименованной вскоре в «Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины», всецело ушли в работу, отвечавшую точному смыслу этого длинного названия. Мы «музействовали» и «охраняли», тогда как «художники» больше разрушали».

Грабарь — художник, ученый обрел в эти бурные двадцатые годы еще одно качество, качество б о й ц а.

С гордостью вспоминает Грабарь ту суровую пору:

«Одним из первых больших дел «Отдела» была разработка декретов о национализации крупнейших частных художественных собраний, об учете и охране произведений искусства и о национализации Троице-Сергиевой лавры. Инициатива всех этих декретов исходила от В. И. Ленина. Они шли от нас к нему на утверждение, и некоторые из них, как декреты о национализации частных собраний и лавры, он лично исправил, значительно усилив ответственность заведующих за их сохранность. Особенно много исправлений он внес в декрет о национализации Троицкой лавры. Владимир Ильич вообще придавал чрезвычайное значение делу охраны исторических сооружений. Он всегда запрашивал, можно ли расширить то или другое окно в старом здании или пробить дверь где-нибудь, не давая никаких распоряжений до положительного ответа. Я был в курсе всех этих переговоров».

Еще не оценена до конца огромная роль Грабаря как создателя реставрационных мастерских, носящих ныне его имя. Ведь он и его ученики вернули людям гениальные творения Андрея Рублева и Феофана Грека, спасли от гибели сотни памятников русской культуры.

Мне говорил Андрей Дмитриевич Чегодаев, с каким увлечением читал Грабарь в Московском университете курс музееведения и реставрации, с какой гордостью он рассказывал о заботе Ленина о сохранении традиций русской классики, русского древнего зодчества.

Л е н и н. Это имя было свято для Грабаря. И он пишет свою лучшую композицию. Шесть лет неустанной работы...

«В. И. Ленин у прямого провода». Светает. Позади ночь. Долгая, бессонная. Голубой рассвет брезжит в окне. В комнате с красными стенами горит электричество. Свет лампы бросает резкие тени... Стынет недопитый стакан чая.

Ленин диктует телеграмму. Строго, спокойно. Жест его руки тверд.

Художник выбрал миг, когда в комнате царит тишина. Застыл в ожидании телеграфист. Ленин на мгновение задумался...

За окном пробили куранты. Утро.

Художник чрезвычайно деликатно, умно решил композицию. Она внешне статична, но за этой кажущейся тишиной ясно ощутима бурная жизнь, грозный грохот боев гражданской войны.

Еле слышно шелестит лента в руках Николая Петровича Горбунова, еще мгновение — и прозвучит слово, которое поведет народ к победе.

Грабарь понимал важность задачи. Вот строки его воспоминаний: «Я отдавал себе отчет в том, что моя тема не просто жанр, не случайный эпизод, а историческая картина. Не о пустяках же говорил Ленин с фронтами во время всяких интервенций с севера, востока, юга и запада, говорил ночи напролет, без сна и отдыха, давая передышки только сменявшимся по очереди телеграфистам. Совершались события всемирно-исторического значения, в центре которых был Ленин. Как же его дать? Как показать? В каком плане?

...Как происходили ночные переговоры?

По-разному. Ленин обычно брал клубок бесконечной ленты, прочитывал ее и, бросив на пол, начинал диктовать, прохаживаясь по комнате и останавливаясь перед аппаратом и телеграфистом в моменты, требовавшие наибольшей сосредоточенности и внимания».

Таким и изобразил Ильича художник.

НАДЕЖДА НАША

Летом 1952 года в одном из больших банкетных залов Москвы собралось около двухсот человек.

Художники... Маститые, увенчанные славой, и молодые, полные надежд и желаний. Это профессора и бывшие студенты Московского изоинститута. Они встретились, чтобы отметить знаменательную дату — десятилетие первого выпуска вуза, дипломников 1942 года. В сверкающем люстрами зале — гости, юбиляры, их жены, молодежь более поздних выпусков.

Вот, прищурясь, лукаво посмеивается лобастый, плечистый Виктор Цыплаков, рядом с ним не по годам массивный, шумный Коля Горлов и кряжистый, с черными маслинами глаз Степан Дудник... У белой колонны группа могучих парней: Костя Китайка, Павел Судаков, Василий Нечитайло... О чем-то тихо беседуют огненно-рыжий, иронически улыбающийся Анатолий Никич и бледнолицый, застенчивый Юрий Кугач... Десятки молодых людей, десятки характеров — своеобычных и разных.

Время летит... По залу бродят парами, группами. Слышен смех, шутки, настроение прекрасное. Вот вспоминают Самарканд Давид Дубинский, Николай Пономарев, Владимир Цигаль, Иван Голицын. Звенят институтские поговорки, побаски.

Из соседнего зала доносятся звуки вальса... Танцуют.

Вдруг грянули аплодисменты. Художники приветствовали своих учителей, появившихся за длинным столом, стоявшим в глубине. Любовь и признательность лились из десятков молодых и горячих сердец к профессорам и доцентам, вложившим столько души и терпения, передавшим им весь свой опыт и мастерство.

Учителя тоже аплодировали ученикам. Зрелость приветствовала молодость.

Сияющий, обаятельный Сергей Герасимов своим можайским, чисто русским говорком открыл вечер, поздравил всех с юбилеем и под молодой гром оваций предоставил первое слово Игорю Грабарю.

Из-за стола поднялся маленький, бесконечно знакомый, близкий, хрестоматийно знаменитый человек, так много сделавший для славы отечественного искусства. Любимый профессор, столько сил отдавший воспитанию молодежи.

Грабарь стоял, ошеломленный грохотом аплодисментов. Он неторопливо снял очки, достал белоснежный платок и долго-долго тщательно протирал стекла. Наконец как-то особенно, по-своему наклонил набок голову, как бы прислушиваясь к чему-то, ему единственно слышимому, вдруг поднял коротенькую руку, губы его пошевелились... Шум перекрыл слабый звук голоса.

Сергей Васильевич Герасимов поднялся и развел руками... Стало тихо.

— Дорогие друзья! — начал свою речь Грабарь.— Простите, но мне восемьдесят лет и я не Шаляпин, поэтому не взыщите... Должен признаться, что я бесконечно тронут вашим вниманием. Но сегодня не мой юбилей, а наш общий, и поэтому отношу ваш восторг ко всем нам.— И он, как бы представляя, поклонился своим коллегам.— Должен признаться, что, придя на эту довольно позднюю по времени

встречу, я нарушил самое свое заветное правило или обычай, как вам угодно, ложиться рано спать и вставать с петухами. Но ради такого события я готов впервые в жизни переступить этот свой закон.

Друзья мои! Я прожил долгую, очень долгую жизнь. Поверьте, самое прекрасное в жизни — молодость. Надо ее ценить. Надо работать, работать, работать, набираться новых сил, достигать новых высот. Мне пошел девятый десяток. Я немало пережил и перечувствовал и изрядно потрудился, приобретя некоторое моральное право давать советы. Я пережил дни восторга и горечи, дни удач и невзгод, подъема и падений, переживал не раз минуты разочарования в своих силах, бывал близок к отчаянию. Но, памятуя золотые слова Чайковского, до полного отчаяния не доходил, пересиливая волевой встряской упадочное настроение. Советую и вам, молодые, сильные, смелые, пришедшие и идущие нам на смену, в черные дни сомнений не предаваться отчаянию, а лишь втрое интенсивнее работать, чтобы снова вернуть веру в себя. Помните, что человек при настойчивости и трудовой дисциплине может достигнуть невероятных, почти фантастических результатов, о которых он никогда и мечтать не дерзал...

В зале стояла тишина. Только глаза, глаза художников, сияющие и острые, пытались запечатлеть, запомнить эту встречу.

— Я упомянул здесь,— заговорил Грабарь,— имя великого Чайковского. Я не раз писал о своей встрече с ним. Но последняя книга вышла пятнадцать лет тому назад, может быть, кто-нибудь и забыл ее, а может быть, по молодости и не читал. Я позволю себе повторить этот исторический для меня разговор.

Представьте Петербург лет эдак шестьдесят с лишним тому назад и вашего покорного слугу — студента-юриста, юного и восторженного... Как-то вечером мне довелось провожать домой Чайковского.

Сначала мы шли молча, но вскоре Петр Ильич заговорил, расспрашивал меня, почему я, задумав сделаться художником, пошел в университет. Я объяснил, как умел, прибавив, что я мог бы ему задать тот же вопрос,— ведь он до консерватории окончил Училище правоведения и по образованию тоже юрист. Он только улыбнулся, но промолчал.

...Надо ли говорить, каким счастьем наполнилась моя душа в эту незабываемую лунную ночь на набережной Невы! После долгого молчания я вдруг отважился говорить, сказал что-то невпопад и сконфузился. Не помню, по какому поводу и в какой связи с его репликой высказал мысль, что гении творят только по «вдохновению», имея в виду, конечно, его музыку. Он остановился, сделал нетерпеливый жест рукой и проговорил с досадой:

— Ах, юноша, не говорите пошлостей.

— Но как же, Петр Ильич, уж если у вас нет вдохновения в минуты творчества, так у кого же оно есть?— попробовал я оправдаться в какой-то своей, неясной мне еще оплошности.

— Вдохновения нельзя выжидать, да и одного его недостаточно: нужен прежде всего труд, труд и труд. Помните, что даже человек, одаренный печатью гения, ничего не даст не только великого, но и среднего, если не будет адски трудиться. И чем больше человеку дано, тем больше он должен трудиться. Я себя считаю самым обыкновенным, средним человеком...

Я сделал протестующее движение рукой, но он остановил меня на полуслове.

— Нет, нет, не спорьте, я знаю, что говорю, и говорю дело. Советую вам, юноша, запомнить это на всю жизнь: «вдохновение» рождается только из труда и во время труда; я каждое утро сажусь за работу и пишу, и если из этого ничего не получается сегодня, я завтра сажусь за ту же работу снова, я пишу, пишу день, два, десять дней, не отчаиваясь, если все еще ничего не выходит, а на одиннадцатый, глядишь, что-нибудь путное и выйдет.

— Вроде «Пиковой дамы» или Пятой симфонии?

— Хотя бы и вроде. Вам не дается, а вы упорной работой, нечеловеческим напряжением воли всегда добьетесь своего, и вам все дастся, удастся больше и лучше, чем гениальным лодырям.

— Тогда выходит, что бездарных людей вовсе нет?

— Во всяком случае, гораздо меньше, чем принято думать, но зато очень много людей, не желающих или не умеющих работать.

Мы повернули с набережной мимо Адмиралтейства к Невскому и шли молча. Когда мы остановились у его подъезда, на Малой Морской, и он позвонил швейцару, я не удержался, чтобы не высказать одну тревожившую меня мысль, и снова вышло невпопад.

— Хорошо, Петр Ильич, работать, если работаешь на свою тему и по собственному желанию, а каково тому, кто работает только по заказу?— решился я спросить, имея в виду свои заказные работы.

— Очень не плохо, даже лучше, чем по своей охоте: я сам все работаю по заказам, и Моцарт работал по заказу, и ваши боги — Микеланджело и Рафаэль. Очень не плохо, даже полезно, юноша. Запомните и это.

Грабарь умолк... Он, видимо, устал... Мы слышали дыхание друг друга и глядели, глядели на этого маленького, такого внешне ординарного человека, боясь пропустить хоть миг, хоть единое слово...

— Очень бы советовал тем молодым и даровитым художникам,— тихо промолвил Грабарь,— которые склонны к художественной спеси и чванству, ибо несколько неосторожно и слишком рано были возведены в гении, оглянуться назад, на историю искусства и хотя бы вслушаться в то, что мне некогда говорил Чайковский.

Я думаю, они не будут на меня в обиде за этот совет...

Мы, сидящие в этом зале,— закончил Грабарь,— кое-что сделали. Да, мы кое-что сделали, но в искусстве, как и в жизни, надо мечтать и верить, что главное — впереди... Я хочу еще раз повторить: мы должны работать, работать, работать во имя нашей Родины, нашего светлого завтра, и в вас, в молодежи, в с я н а ш а к р е п к а я с е г о д н я ш н я я н а д е ж д а!

Тишина. Тишина встретила эти слова Грабаря. Каждый из нас в это мгновение подумал: а что он сделал и что еще должен, обязан сделать во имя этого светлого завтра?..

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

ПЕТРОГРАДСКИЙ

О событиях Февральской революции 1917 года я знал только из учебников. И очень обрадовался, когда мой бывший сослуживец Петр Павлович Разумов как-то в разговоре заметил:

— В этих событиях, можно сказать, я принимал непосредственное участие: был среди красногвардейцев и матросов, когда те освобождали царских узников из петроградской тюрьмы — Литовского замка. Кстати, вскоре после того я увидел в номере «Огонька» то ли рисунок, то ли фотографию сценки у Литовского замка и узнал на ней себя...

Я начал поиски этого номера журнала. Перелистал подшивку «Огонька» за 1917 год. На одной из обложек — рисунок с натуры художника В. Сварога. Красногвардейцы, огромный костер на фоне тюремных стен — и веселый парнишка в распахнутом пальто на переднем плане. Похож ли парнишка на Петра Павловича? Да, сходство есть, но ведь тогда Разумову было всего 15 лет.

Сам Петр Павлович не сомневался: «Я и пальто свое узнал и кепку, которую покупал в Финляндии. Правда, не припомню, чтобы кто-то меня в тот день рисовал, но до того ли было...»

Петя Разумов в феврале

ЗДРАВСТВУЙ, ЛУЖБА

Новосибирское бюро экскурсий и путешествий организует поездки в Горную Шорию. Обычно в пятницу вечером поезд «Горный» превращается в дом на колесах для сотен счастливчиков — рабочих, студентов, мастеров горнолыжного спорта и для тех, кто о лыжах знает лишь понаслышке. На станцию Лужба поезд приходит рано утром. Горожан встречают тишина, заснеженные сопки, близкая тайга. Слаломисты поднимаются на крутые склоны, любители прогулок бродят вдоль Томи, доморощенные изобретатели испытывают еще одну конструкцию аэросаней, романтики устремляются в Ущелье Сказок. И все, конечно, жадно пьют целебный смоляной воздух Шории. А как только начинает темнеть, там и тут загораются костры, звучат гитары... И никому не хочется расставаться с миром снежных просторов. Но каждого ждут город, работа, новые заботы. Новосибирцы говорят: до свидания, Лужба! До свидания и спасибо за несколько часов великолепного отдыха!

Ю. ЛУШИН

ГАВРОШ

1917-го был токарем на лесообрабатывающем заводе Семенова в Старой Деревне. Вместе с рабочими завода пошел 26 февраля на демонстрацию, был свидетелем ее расстрела. Ночевал у костра, на набережной. Утром услышал команду: «К Арсеналу!» Оказалось, что Арсенал на Литейном уже взят, и рабочие спешно вооружались. Пете досталась легкая винтовка-драгунка.

На следующий день он присоединился к большому отряду вооруженных людей, штурмовавших тюрьму.

— Никогда не забуду худых, заросших лиц заключенных и слез радости в счастливых глазах,— вспоминает Разумов.— Свобода! Объятия, поцелуи. Серые халаты арестантов смешались с шинелями, бушлатами. Меня, мальчишку, эти минуты глубоко потрясли. Через какое-то время на бесплатном пункте питания знакомый рабочий подозвал меня к столу в темном коридоре. «Смотри, Петя, никак ты?» Я увидел вот этот номер «Огонька» и себя на обложке...

Петр Павлович активно участвовал в событиях Великого Октября, воевал с белогвардейцами на фронтах гражданской войны, служил в ЧК, был известным спортсменом, в годы Великой Отечественной войны сражался с фашистами. Всю эту историю — и про штурм тюрьмы и про рисунок на обложке «Огонька» — он рассказал мне уже в больнице, незадолго до своей кончины.

И. ВОРОНЧУК

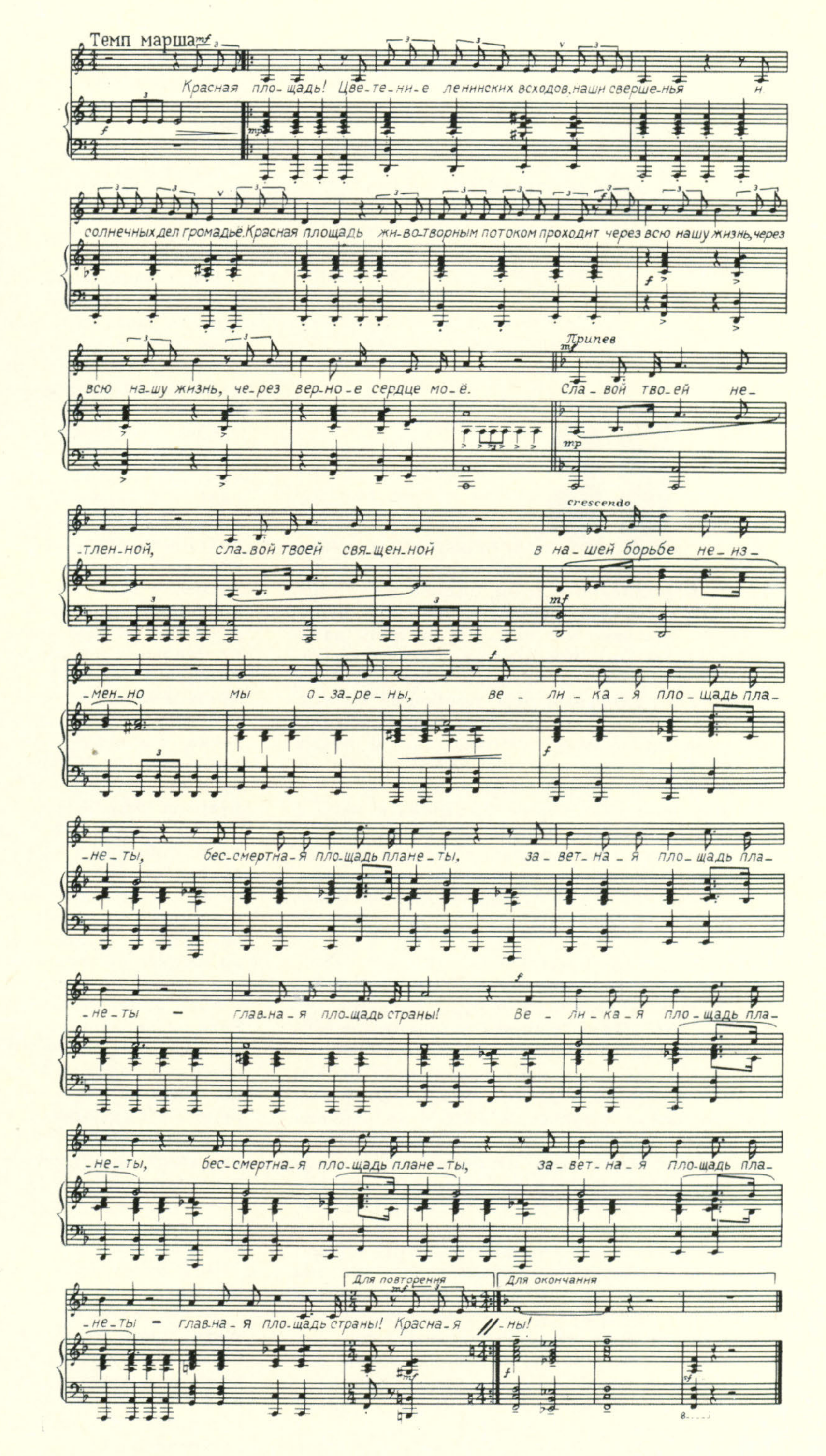

«Я верю, друзья», «Комсомольцы двадцатого года», «Моя Отчизна», «Огромное небо», «Старые пилоты», «Венок Дуная», «Фронтовики, наденьте ордена», «Элефтерия», «Белый свет», «Манжерок» — таков далеко не полный перечень полюбившихся народу песен талантливого композитора Оскара Фельцмана.

Лирические и героические, веселые и задушевные, самые разнообразные по ритму и мелодической окраске — все они неизменно носят на себе отпечаток свойственного композитору музыкального почерка: их не спутать с произведениями других авторов, а это по душе всем, кто любит советскую песню.

Оскару Борисовичу Фельцману исполнилось пятьдесят лет. Верный темам большого гражданственного звучания, он встретил свой юбилей созданием цикла героических баллад о бессмертных подвигах советских людей, свершенных во имя Родины... Адресованы они советской молодежи, которая не случайно причисляет Оскара Фельцмана к плеяде своих, комсомольских песенников.

XXIV съезду КПСС посвящен большой цикл песен о Москве и москвичах. Мы публикуем одну из песен этого цикла.

Стихи
Ц. Солодаря.

ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ СТРАНЫ

Музыка
О. Фельцмана.

Красная площадь!
Цветение ленинских всходов,
Наши свершенья
И солнечных дел громадье.
Красная площадь
Животворным потоком проходит
Через всю нашу жизнь,
Через всю нашу жизнь,
Через верное сердце мое.

Припев:

Славой твоей нетленной,
Славой твоей священной
В нашей борьбе неизменно
Мы озарены,
Великая площадь планеты,
Бессмертная площадь планеты,
Заветная площадь планеты —
Главная площадь страны!

Красная площадь!
Ты ленинский помнишь субботник,
Помнишь присягу
На фронт уходивших полков.
Красная площадь,
Видишь ты, как в строю всенародном
Наша юность идет,
Наша юность идет
Легендарной дорогой отцов.

Припев.

Красная площадь!
Ты нам дорога с колыбели,
Все континенты
Надежды свои тебе шлют.
Красная площадь,
О тебе уже в космосе пели —
О тебе и о нас,
О тебе и о нас
На планетах иных запоют.

Припев:

Славой твоей нетленной,
Славой твоей священной
В нашей борьбе неизменно
Мы озарены,
Великая площадь планеты,
Бессмертная площадь планеты,
Заветная площадь планеты —
Главная площадь страны!

Вл. ЛИДИН

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Вот и пошло́ так в жизни, и не оглянешься и не поймешь, как все это пошло. В родильном доме родила она, Юля, мертвого мальчика, лежала с тоской в душе, лежала с мыслью, что лучше и не жить дальше, а отцом был Кондратьев, мастер кондитерской фабрики, на которой Юля работала, повез ее в родильный дом, пообещал жениться, а когда узнал, что родился мертвый мальчик, прислал записку: «Может, оно и лучше так, Юля»,— и наверное, ног под собой не чуял, что все так удачно обернулось.

А она лежала в палате, смотрела в окно с матовыми стеклами, только во фрамуге был клочок серого, октябрьского неба, и вся ее жизнь представлялась ей, как это серое небо. На третий день к ней подошла одна из нянечек, добрая, с большим круглым лицом, спросила участливо:

— Ну, как себя чувствуете?

— Плохо,— ответила Юля,— так плохо...— и заплакала, а нянечка смотрела на нее.

— Вот что, Юля,— сказала она,— может, выручите... и ваш ангелочек на том свете порадуется. Тут у нас один неблагополучный случай получился, только в другом роде, чем у вас: девочка живой осталась, а мать и не увидела ее, такие неудачные роды... может, согласитесь — подложим вам девочку, она-то ведь ни в чем не виновата, а без материнского молока — сами знаете как, и вам тяжело сейчас, сразу полегче станет.

И октябрьское небо во фрамуге, хотя и было серым и безжизненным, подсказало, что так правильно, так хорошо будет это, и девочку принесли и положили рядом с ней, Юлей, она левой рукой дала ей материнскую грудь, но девочка не сразу взяла, ослабела, потом все же нащупала ротиком, стала сосать понемногу и заснула, когда насытилась, а капелька молока текла по ее подбородку.

Юля кормила девочку все время, пока была в родильном доме, а перед тем, как выписали ее, пришла мать той женщины, которой не привелось взглянуть на свое дитя. Валентина Флегонтова работала маляром, а ее мать приехала из деревни, старая и убитая горем, так убитая, что ее губы долго дрожали, прежде чем она сказала Юле:

— Кормилица ты моя святая... уж если случилось все так с Валечкой, не оставь ее дочку, возьми ее, тебе воздастся в твоей жизни, а я уже вся на исходе.

Но про мужа дочери она ничего не сказала,— должно быть, тоже вроде Кондратьева, и Юля ответила:

— Что же теперь делать, если так получилось... а она уж привыкла ко мне, такая тихая девочка.

У девочки еще не было имени, а старушка вытирала слезы, смотрела на нее, сказала: «Вылитая она — Валя»,— и за девочкой так это имя и осталось, так она и стала Валентиной Флегонтовой, а пять лет спустя, когда бабка умерла в деревне, а отец так и не объявился, Юля по закону удочерила ее, и Валя Флегонтова стала Валей Чижовой — по ее, Юли, фамилии..

Вот и пошло́ так в жизни, и не оглянешься и не поймешь, как все это пошло, а дочь есть дочь, и мать есть мать, и уже двадцать два года она, Юля, мать, а Валя — ее дочь, все материнские заботы связаны с ней, и не представишь себе теперь, как можно было бы жить без них.

Юля по-прежнему работала на кондитерской фабрике, не так давно перевели ее в бисквитный цех, и даже от ее волос немного пахло сдобой и ванилью, хотя бы накануне и вымыла их. А Валя два года назад окончила школу, поступила в медицинский институт, станет врачом со временем, станет облегчать людям жизнь; и все-таки серое небо во фрамуге окна родильного дома было не только безрадостным, но и сулило, что не совсем уходят от человека надежды, остается их краешек, и смотришь — снова растет в душе тихая радость и заполняет все собой.

В августе Юле полагался отпуск, но от отпуска, втайне от дочери, она отказалась, а в месткоме по ее просьбе достали одну путевку в дом отдыха на берегу моря, и Юля, вернувшись домой, как бы мельком спросила:

— У тебя когда каникулы, Валя? А то одна наша работница путевку в хороший дом отдыха для своей дочери купила, а та поехать не может, я для тебя просила уступить, и все так по-хорошему вышло. Мне это ничего и не стоило, Дарья Петровна давно старый долг хотела отдать, а тут такой случай расквитаться, так что все по-хорошему вышло.

Юля никогда не видела фотографии матери Вали, и неизвестно, в кого была Валя своими карими глазами и темно-каштановыми волосами — в свою ли несчастливую мать или в отца, который так и не объявился: может быть, решил в свое время, что бабка взяла ее к себе в деревню. А Кондратьев несколько лет назад ушел на пенсию, встретил как-то ее, Юлю, в продовольственном магазине, спросил:

— Ну, как живешь? Я твое имя на доске почета видел, тобой на фабрике довольны, значит. Ты сейчас в каком цехе работаешь?

— В бисквитном,— ответила она, и Кондратьев подумал и сказал:

— Ну и хорошо, в бисквитном люди с квалификацией нужны, а ты с квалификацией,— и больше они ничего не сказали друг другу, Кондратьев пошел в рыбный отдел, а Юля купила в бакалейном чаю и сахару и поскорее ушла, чтобы Кондратьев на обратном пути не встретился ей.

Кондратьев знал, конечно, что у Юли дочь, но это было его стороннее дело, и он не интересовался никогда, как после него сложилась жизнь Юли.

Директор фабрики, старый работник пищевой промышленности, Вера Егоровна Севастьянова, крупная и строгая, вызвав как-то Юлю к себе, сказала:

— Надо, товарищ Чижова, свой опыт молодым передавать, надо о смене нам с вами думать. У нас хорошие девочки есть, на выучку к вам с охотой пойдут... а вы по вашей жизни плохому не научите.

Неизвестно было, почему Севастьянова сказала так и что́ имела в виду, и Юля ответила:

— Я — что ж... конечно, чем могу — поделюсь.

— Ну, и хорошо, а вашей работой мы довольны.

Но суть была не в премии, которую Юля получила, а в том, как Севастьянова смотрела на нее, смотрела с уважением, и, может быть, знала не только то, что она хороший работник, может быть, знала и еще одну страничку...

Первого сентября начинались занятия в институте, Валя должна была вернуться из дома отдыха тридцатого августа, как раз в воскресенье, и так ладно получилось, что мать в этот день дома и сможет все приготовить, чтобы сели за стол вдвоем, а дочь начнет рассказывать, как покупалась она в море и что за это время повидала.

Юля испекла накануне бисквитный торт с миндалем, а работавший на фабрике по фигурным тортам Моргунов сделал по ее просьбе из сахара кораблик с парусом, так хорошо, так искусно сделал, подал ей на пергаменте, сказал: «Подношение»,— и Юля только покачала головой, радуясь его искусству, а Моргунов знал, что ее дочь побывала у моря и кораблик с парусом напомнит ей о приятных днях.

Дома Юля положила кораблик на бисквитный торт с миндалем и сама полюбовалась минутку, как красиво получилось, а Валя, наверно, только руками всплеснет и начнет целовать мать. Это были ясные, хорошие мысли, и весь день накануне Юля была с этими мыслями, постелила на постель дочери чистые простыни, вымыла пол, все в их комнате было как перед праздником, и синее августовское небо за окном тоже было праздничным, доброе небо, ожидавшее вместе с ней, Юлей, приезда дочери, еще совсем теплая осень, а в сентябре пообещали и позднюю — хорошую, бабье лето с золотыми днями.

Валя уже перешла на третий курс, еще два годика поучится, станет врачом, и в анкете, в графе о членах семьи, можно будет написать, что дочь Валентина — врач. В комнате пахло сдобой, торт, прикрытый бумагой, стоял на подоконнике. Юля испекла еще и крендельки с корицей, которые Валя любила, пахло немного и корицей, и Юле самой было приятно, что такие уютные, домашние запахи встречают Валю,— в гостях хорошо, а дома всё лучше, в доме и стены — друзья, да и она, мать, рядом...

К вечеру погода, однако, изменилась, августовское золото смыло, пошел дождь, и наутро, когда Юля встречала дочь на вокзале, площадь блестела от воды, перрон в той части, где кончалась крыша, был тоже мокрый, а над путями грузно торопились сизые дождевые тучи. Юля стояла на перроне и смотрела в ту дождливую даль, откуда должен был прийти поезд. Так это получилось в ее судьбе, что вся ее жизнь теперь — в дочери, всё с ней, все мысли с ней, никого нет и у Вали, кроме нее, матери... стоит маленькая, сухонькая, высохшая на фабричном жару, точно и сама испеклась понемногу, и есть такие женщины, которые ничего не боятся в жизни, смелые женщины, умеют брать свое в жизни, а что́ она, Юля, сумела взять, что́ успела ухватить,— все просы́палось между пальцев, если говорить о том, любила ли она кого-нибудь или любил ли ее кто-нибудь, а Кондратьев был в свое время рад, что так получилось, прислал записку в родильный дом: «Может, оно и к лучшему, Юля»,— и ей казалось сначала, что она все потеряла в этом доме, а потом получилось, что все нашла, и такой до самых краешков полной стала ее жизнь... Она давно не думала обо всем этом, но теперь, глядя в дождли-

КОРАБ

вую путевую даль, думала, беспокоилась, как бы в вагоне не было холодно, а через руку у нее висел плащ для Вали.

Женский голос объявил по радио о подходе поезда, номер вагона Вали был семь, Юля, вглядываясь в номера, торопилась по перрону, кто-то с букетом в руке едва не сбил ее с ног, и, конечно, это ее упущение — нужно было купить хоть несколько цветочков.

Валя легко спрыгнула с нижней ступеньки, обняла мать, а чемодан Вали вынес какой-то летчик, поставил рядом с ней на перроне, Валя сказала: «Спасибо, Дмитрий Николаевич... познакомьтесь, это моя мама», летчик почтительно козырнул, минуту выждал и пошел по перрону, а Юля с тревогой смотрела ему вслед.

— Это кто же? — спросила она дочь.

— Так, попутчик,— ответила Валя, и что-то осталось недосказанным.

Потом они пошли к выходу, Юля сказала: «Такая глупость... не догадалась цветочков купить»,— нужно было еще на вокзале встретить дочь поторжественней, но Валя ответила: «Ну, что ты, мама!»,— а у стоянки такси их дожидался летчик, занял для них очередь, наверно, договорились еще в вагоне.

Л И К

— Спасибо, Дмитрий Николаевич,— сказала Валя.

— А я — в метро, мне удобнее.

Летчик снова козырнул и пошел к входу в метро, а Юля смотрела ему вслед, и все стало вдруг как-то зыбко,— может, и торту с корабликом дочь не обрадуется, совсем другие у нее мысли.

Но Валя дома, сразу же как вошла, вдохнула запах сдобы, сказала: «Конечно, напекла, мама!»,— и Юля была довольна, что она сразу оценила ее материнские усилия, но бумаги с торта, стоявшего на подоконнике, не сняла, а поставила торт на стол только тогда, когда дочь умылась с дороги и они сели пить кофе и завтракать.

— Неужели это тоже ты, мама? — спросила Валя, глядя на кораблик с парусом.

— Это Моргунов для тебя постарался. Знал, что ты у моря отдыхаешь... сказал: надо бы соленый кораблик, но из соли не получится. Ну, как же ты, дочка... загорела, ничего не скажешь.

Юля довольно смотрела на загоревшее, как бы хранившее прохладу моря лицо дочери, и на ее карие глаза, и на каштановые волосы, прихваченные розовой лентой, так мило, совсем по-детски прихваченные.

— Какое же оно — море? Я моря никогда и не видела. Только на открытках, которые ты посылала.

— У моря хорошо,— сказала Валя.— Я каждый день по два раза купалась... и вылезать из него не хочется.

— Ну, и слава богу... на зиму напаслась здоровья, и я так рада за тебя. Люди-то хорошие были вокруг? — спросила Юля.— Подружилась с кем-нибудь?

Но дочь ответила как-то неопределенно, и Юля думала о летчике: «Ничего, вежливый по виду, и очередь для них занял на стоянке такси, а сам не поехал, постеснялся, должно быть». Но Валя сказала о нем лишь мельком, что это попутчик, и Юля не стала ни о чем расспрашивать, да и не нужно спрашивать, незачем спрашивать, а то щемит у нее немножко сердце, так уж оно, материнское сердце, устроено.

Они пили кофе, и так хорошо было, что Валя хрустит своими любимыми крендельками с корицей, съела два куска бисквитного торта, а кораблик под парусом осторожно сняла, положила на тарелку, смотрела по временам на кораблик и, наверно, вспоминала море с его шумом и красками.

Потом пошел домашний, тихий день, Валя разобралась в вещах, протянула матери красивую брошку из янтаря, спросила:

— Нравится?

Юля подержала брошку в руке, покачала головой:

— Еще спрашиваешь!

Она не знала, что это подарок ей, ревниво подумала: не подарил ли Вале брошку тот, кого назвала она попутчиком? Конечно, всему свое время, явится кто-нибудь и уведет за собой дочь, но только чтобы не получилось так, как было в ее, Юли, жизни, как было и в жизни той, которую Валя никогда не видела и ничего о ней не знала... После смерти бабушки прислал из деревни кто-то из родичей фотографию, на которой снята была молодая женщина с тремя дочерьми, а какая из них стала впоследствии матерью Вали,— Юля не знала, старалась только по сходству угадать, и, должно быть, старшая, рослая, со строгими глазами, и была ее матерью — Валентиной Флегонтовой с ее несчастливой судьбой, а фотографию Валя нашла однажды, спросила: «Кто эти люди, мама?», и Юля ответила: «Родственники мои»,— ответила так же мельком, как Валя мельком сказала о летчике-спутнике.

Но уже давно двойная книга ее жизни стала единой книгой: мать есть мать, и дочь есть дочь, и она, Юля — мать, а ее дочь — Валя, и теперь матери приходится думать о том, как будет в жизни дочери дальше, с тревогой думать, с таким страхом за ее судьбу думать об этом.

— Это тебе брошь, мама,— сказала Валя,— я тебе еще флакончик с морским песком привезла... ты, наверно, такого песка никогда и не видела. Идешь словно по мягкому шелку, он только по твоим ногам сыплется.

Валя открыла флакончик и насыпала в ладонь

матери немного морского песка, мягкого и воздушного, Юля пересыпа́ла его из ладони в ладонь, качала головой: «На что хороший речной песок, а этот еще легче», и Валя рассказала ей, что так по всему берегу и тянутся дюны, и хоть дождь или даже гроза — всегда сухо после них. Но и такой красивой брошки с янтарем Юля тоже никогда не держала в руках, и все добро дочери, все ее сердце было с ней в прежней близости, и она отгоняла от себя все страхи.

Так он и прошел, их день, по-морскому свежий их день, дочь вернулась, покупалась в море и загорела, ее гладкая кожа пахла немного солью, или это только казалось от ее свежести. Вечером телевизор не включили, сидели рядом на диване, дочь чинила порвавшийся купальник, а Юля смотрела на ее руки, думала о том, что станет Валя со временем врачом, не один человек доверится ее рукам, и они помогут ему.

— Я тебе, Валя, давно хотела про одно сказать, ты поймешь меня, поймешь материнскую дурость, все-таки я — мать, и как же мне не думать об этом?

— Ты о чем? — спросила дочь.

— О том, что нам с тобой не век вместе жить... я об этом все чаще думаю, только не о себе думаю — я в жизни свое получила... а вот как у тебя сложится — разве могу я не думать об этом?

Валя спросила раз, кто ее отец, и мать ответила тогда, что отец погиб на войне, в первый же год погиб, служил в пограничных войсках, те сразу приняли удар на себя в Брестской крепости, и обо всем так обстоятельно рассказала, что сама поверила в пограничника, который был отцом Вали, а фотографии, какие были, пропали в эвакуации, но красивый был он, отец, Валя — в него, а не в нее, мать, коротышку, с птичьим личиком, в их роду все женщины были с птичьими личиками, наверно, оттого и пошла их фамилия — Чижовы. Юля говорила о красивом отце Вали, а себя не жалела, сказала только:

— И слава богу, что ты на меня не похожа... ты у меня красавица.

Но, говоря о том, что не может не думать о судьбе дочери, не спросила все же о летчике, которого звали Дмитрием Николаевичем, хотя шептало что-то сердце, тайно, чуть шептало, но шептало. Она все же ждала, что дочь сама скажет, как провела время у моря и какие люди были вокруг, но дочь по временам перекусывала нитку, вдевала в иголку новую и словно что-то вспоминала при этом,— может быть, про море вспоминала, как оно бежит на берег, бежит и бежит и словно не может достигнуть его.

— Моя мечта, знаешь, какая? — сказала Юля напрямик.— Моя мечта — такой для тебя торт испечь, какого ты никогда и не пробовала. Будет такой день — испеку.

— Какой же это день? — спросила дочь.

— Не скажу, сама догадайся.

Юля не сказала, что в этот день вернутся все вместе домой, сядут за стол — наверно, и родители мужа Вали будут,— сядут все вместе за стол, а она, Юля, снимет салфетку с торта, и все ахнут — как она постаралась, старый московский кондитер, постаралась для дочери, такой день в ее жизни, и каждому она положит по большому куску, уж Моргунов продумает, какое украшение сделать: из сахара или из крема,— он всегда хорошо относился к ней, Юле, и ему она тоже рассказала как-то, что отец Вали был пограничником, храбрый человек, погиб в Брестской крепости, а дочь в него — красавица.

Но все это была не двойная жизнь с вымыслом, а единственная жизнь с правдой, так уж устроено сердце матери, что у него может быть только единственная правда, в которую и сама веришь и стараешься для этой правды. Юля хотела еще сказать дочери, что и о другом она тоже помышляет, если только доживет до этого времени, и уж так постарается она тогда, бабушка, если выпадет для нее это счастье, а сынок или дочка Вали будут уже совсем кровные, внуки ей, и о чем еще большем может она думать?

— Он ничего — вежливый,— сказала она вдруг,— он ничего.

Дочь спросила не сразу:

— Ты о ком, мама?

— О летчике... он где служит — летчик?

— Он в штурманском училище учится,— и Валя не удивилась, что мать спросила о нем, наверно, и сама думала о нем, упорно думала и уже не могла скрыть этого.

А больше Юля ни о чем не стала спрашивать, сказала лишь:

— Ложись сегодня пораньше спать, доченька... и завтра подольше поспи. Я перед уходом все приготовлю, а ты подольше поспи.

Дочь легла пораньше,— конечно, устала с дороги, сразу уснула, а Юля еще прибрала немного, потом потушила свет, тоже легла, дождь за окном перестал,— может быть, завтра заново выплывет золотой день, все просохнет, деревья на бульварах только слегка пожелтели, и до листопада еще далеко... Дочь спала,— наверно, казалось ей, что она еще возле моря, оно мерно шумит и накатывается на берег, а морской песок легче пуха, его и не чувствуешь в руке.

Утром Юля собрала все так тихо, чтобы дочь не услышала, приготовила завтрак и ушла, а дочь спала, и было хорошо представить себе, как она проснется, дома всегда спокойно спится, и ни на какие другие стены не променяешь домашних стен.

На фабрике Моргунов сразу же спросил:

— Ну, как с тортом?

Он сам был доволен, как хорошо получился сахарный кораблик под парусом, и, должно быть, подумывал о новом образце торта под названием «Кораблик» или вроде этого.

— Так понравилось,— сказала Юля,— и верно, Андрей Петрович, замечательно вышло у вас.

— Ладно, авось будет случай — еще что-нибудь сообразим,— пообещал Моргунов, но с какой-то своей мыслью пообещал, и Юля подумала и спросила все же:

— Вы что имеете в виду?

Работницы постарше называли Юлю по имени, а помоложе — тетей Юлей, но Моргунов звал ее Юлией Павловной, он уважал ее и, может быть, знал кое-что из ее жизни, как знала и директор фабрики Севастьянова, но никто никогда не говорил об этом. Вся ее жизнь — прямая, ни разу не уходила в сторону, и все она делала прямо в своей жизни, делала, как подсказывало сердце, а сердце плохо не подскажет, хотя бы и пришлось ему испытать немало горечи, немало и обидного, но оно все же отстояло себя.

— Ну, как она, дочка? — спросил Моргунов.

— Такая довольная вернулась, да и то сказать — море, красота какая, а я на море и не побывала ни разу.

— Не обязательно,— сказал Моргунов,— жизнь пошире моря, если правильно жить...

И она согласилась с ним, что жизнь пошире моря, если правильно жить, во всех странах побываешь, все народы увидишь...

— Вы бы познакомили как-нибудь с вашей дочкой,— сказал Моргунов,— или к нам на какой-нибудь вечер привели бы... все-таки интересно поглядеть на нее.

— Она у меня красавица,— сказала Юля с гордостью,—и на врача хорошо учится, я довольна ею.

И весь день пошел легкий, привычно пахло сдобой, миндалем и ванилью, такой же запах стоял вчера и в их комнате, когда вернулись с вокзала, надежный мир ждал их, и Юля упрекала себя, что могла усомниться в его надежности. Ей захотелось сказать еще Моргунову, что ни о чем плохом, что было в ее жизни, она и не вспоминает, встретила накануне в продовольственном магазине Кондратьева, подивилась сама себе, что могла когда-то страдать из-за этого человека...

— Значит, понравился мой кораблик,— спросил Моргунов,— поплыл?

— Поплыл,— и оба остались довольны, что так хорошо получилось с их выдумкой, а в ее с Валей комнате, наверно, еще по-сонному тихо, пусть поспит подольше, трудный учебный год впереди, пусть поспит подольше,— может, слышит море, как оно набегает на берег, и что бы ни снилось, все она заранее примет, мать, и Юля решила при случае осторожно выспросить у Моргунова, который отбывал когда-то воинскую службу,— осторожно выспросить, чтобы он ничего не подумал и не предположил,— что это за штурманское училище и чему там обучают?

Интервью «Огонька»

В. ШЕВЧЕНКО,

первый секретарь Ворошиловградского областного комитета КПУ

Два ордена на знамени Ворошиловграда. Первый — Красного Знамени. В 1924 году удостоился город этой награды за доблесть в борьбе с интервентами и белогвардейцами. То была высокая оценка заслуг луганского пролетариата, который всегда выступал боевым революционным отрядом рабочего класса России.

Вторым орденом — Октябрьской революции — Ворошиловград был награжден в конце 1970 года. Сорок шесть лет прошло между этими памятными для ворошиловградцев событиями. Неузнаваемо изменились за это время и город и вся Ворошиловградская область. Этот рабочий край стал одним из крупнейших промышленных центров страны. Теперь не только уголь, но и тепловозы, вычислительные машины, чугун и сталь, прокат, химические удобрения и многие другие виды продукции дают стране ворошиловградцы. И среди тех, кто продолжает славные их революционные и трудовые традиции,— молодежь. Есть в этом краю заводы, где средний возраст рабочих не превышает тридцати лет. Есть тут прославленные командиры производства, которые еще вчера были комсомольцами.

О том, как готовятся, воспитываются молодые кадры рабочего класса, рассказал корреспонденту «Огонька» первый секретарь Ворошиловградского областного комитета КП Украины В. В. Шевченко.

●

Корреспондент. Владимир Васильевич, мы просим вас, как уроженца Ворошиловградщины и как человека, много лет проработавшего в этих краях, рассказать о смене рабочих поколений, о той молодежи, которая сейчас принимает трудовую эстафету орденоносной области.

В. В. Шевченко. Эта тема очень большая, многогранная, и мне хотелось бы начать наш разговор вот с какой истории. Недавно проходил пленум Ворошиловградского горкома партии. Во время выборов бюро горкома была названа кандидатура Юрия Чернова, рабочего завода имени Артема. «А кто он такой, этот Чернов? Пусть встанет!» — раздались голоса из зала. И вот поднялся с места молодой, красивый парень, весь пунцовый от смущения. А рекомендующий его рассказыва-

ВЕРЮ В МОЛОДОСТЬ!

ет, что Юрий — младший представитель знаменитой на всю область рабочей династии Черновых, общий трудовой стаж которой на заводе составляет 90 лет. Сам Юрий пока еще ничем не прославился, но работает очень хорошо, ему можно доверить честь представлять в бюро горкома рабочий класс города. Коммунисты единодушно избрали Юрия Чернова в бюро горкома. И тут из глаз парня буквально потекли слезы. Представляете, каково ему было в те минуты! Ведь это доверие коммунистов не только ему, но и всему молодому рабочему классу! Да и мы, люди, много видевшие на своем веку, с огромным волнением смотрели на этого молодого человека. Ведь он олицетворял нашу смену, наш сегодняшний день и наше будущее. Невольно вспомнилось все, что было пройдено, сделано ради таких вот ребят. А теперь они встают рядом с нами. Как прекрасен, как торжествен был этот миг...

...О современной молодежи ведется много споров. Кое-кто из людей старшего поколения, бывает, нет-нет да и скажет: «Не та пошла молодежь, что раньше была, не та!» Ну, конечно, не та, но ведь и время сейчас совершенно не то. Сейчас у молодых людей гораздо больше сил, знаний, опыта, в руках у них самая совершенная техника. И главное их преимущество в том, что они выросли, воспитывались при Советской власти!

Корреспондент. Не вызывает ли каких-нибудь осложнений сам процесс смены рабочих поколений?

В. В. Шевченко. Процесс смены поколений — это естественный и необходимый процесс. Конечно, в капиталистическом мире в обстановке острой конкуренции старшее поколение всеми силами стремится не допускать на свои места молодежь, как можно более отсрочить день своей замены. Но у нашего общества цели совершенно иные, они прежде всего единые: способности всех людей — и молодых, и среднего возраста, и ветеранов — должны максимально эффективно раскрываться в интересах строительства новой жизни. А для способных молодость никогда не была у нас и не будет помехой.

Вот пример из жизни наших рабочих. Как-то я был в Красном Луче, у шахтеров шахты «Новопавловская», и присутствовал на выборах нового бригадира. До этого бригаду возглавлял Иван Иванченко — прекрасный шахтер, молодой парень, выпускник фабрично-заводского училища. Своей работой он прославил шахту и заслужил высокое звание Героя Социалистического Труда. Отличную работу Иванченко совмещал с занятиями в институте. Окончил его. И вот переводят Иванченко на инженерную должность. Кому теперь возглавлять бригаду? Вопрос сложный: в шахтерских коллективах замена бригадира не простое дело. Вся бригада обсуждает, думает, кому руководить. Я приехал к ним на собрание. Называют одного, другого, а люди эти здесь же сидят. И шахтеры решают: нет, не подходит, не справится! В этой бригаде есть много пожилых, опытных рабочих. И вдруг один старый шахтер, на пенсию ему уже скоро, говорит: «Товарищи, никого другого я не вижу, кроме Саши Силкина. Правда, молод он еще, опыта у него маловато, зато настоящий парень! Честный, любому правду в глаза скажет, толковый, энергичный. Давайте его бригадиром!» На том и порешили. Сейчас бригада Силкина — одна из лучших шахтерских бригад в Советском Союзе!

Вот вам пример, когда люди старшего поколения обеспокоены судьбами молодежи, судьбою нашего общего дела. Сами решают, кому передавать эстафету. Да и может ли быть иначе! Вы посмотрите, как происходит на многих наших предприятиях посвящение в рабочий класс. Это же настоящий праздник! Пожилые люди, ветераны труда, в торжественной обстановке поздравляют молодого парня, посвящают его в свои традиции, дают ему свой наказ... А ведь как это важно — дать молодому рабочему верное направление с самых первых шагов на трудовом поприще. Это во многом определяет его дальнейший жизненный путь. Но вот уже приняли молодого парня на завод, поставили к станку, а что дальше? Дальше он должен ежедневно, ежечасно ощущать внимание всего коллектива. Все окружающие его рабочие, товарищи и в первую очередь мастер должны чувствовать ответственность за воспитание новичка. Глаза его широко открыты, с любопытством смотрят на все и всех, и поначалу каждое слово окружающих, каждый на первый взгляд малозначащий эпизод оставляют глубокий след в его душе. И если забота о его воспитании носит чисто формальный характер, если окружающие не подтверждают личным примером того, чему хотят научить новичка, вряд ли тут можно рассчитывать на успех.

Мы не должны уповать на то, что человек, выросший при Советской власти и воспитывавшийся в советской семье, уже готов стать полноправным членом общества. Нет, он еще многое должен получить от коллектива! Поступление на работу — ответственный, я бы сказал, переломный момент в жизни молодого человека. Он пользовался всеми благами, жил на всем готовом, и вдруг с него самого начинают что-то требовать. Этот перелом в психике должны учитывать и комсомольские и партийные организации и руководители предприятий. Я по местному радио слушал выступление директора завода — Леонида Ивановича Галкина. Он говорил о воспитании молодых рабочих и привел такой пример: на завод поступили выпускники десятых классов, и все они стали хорошо работать, кроме одной девушки. Как уж они с ней бились — и комсомольское бюро и администрация завода! И все же своего достигли. Теперь, говорит директор, они нарадоваться не могут, так хорошо стала работать эта дивчина. Обычная, казалось бы, история, а какой большой в ней смысл! Строго говоря, заводской коллектив решил судьбу человека. А сколько бывает изломанных судеб, сколько недоразумений возникает на тех предприятиях, где руководители попросту отмахиваются от нерадивых молодых работников!

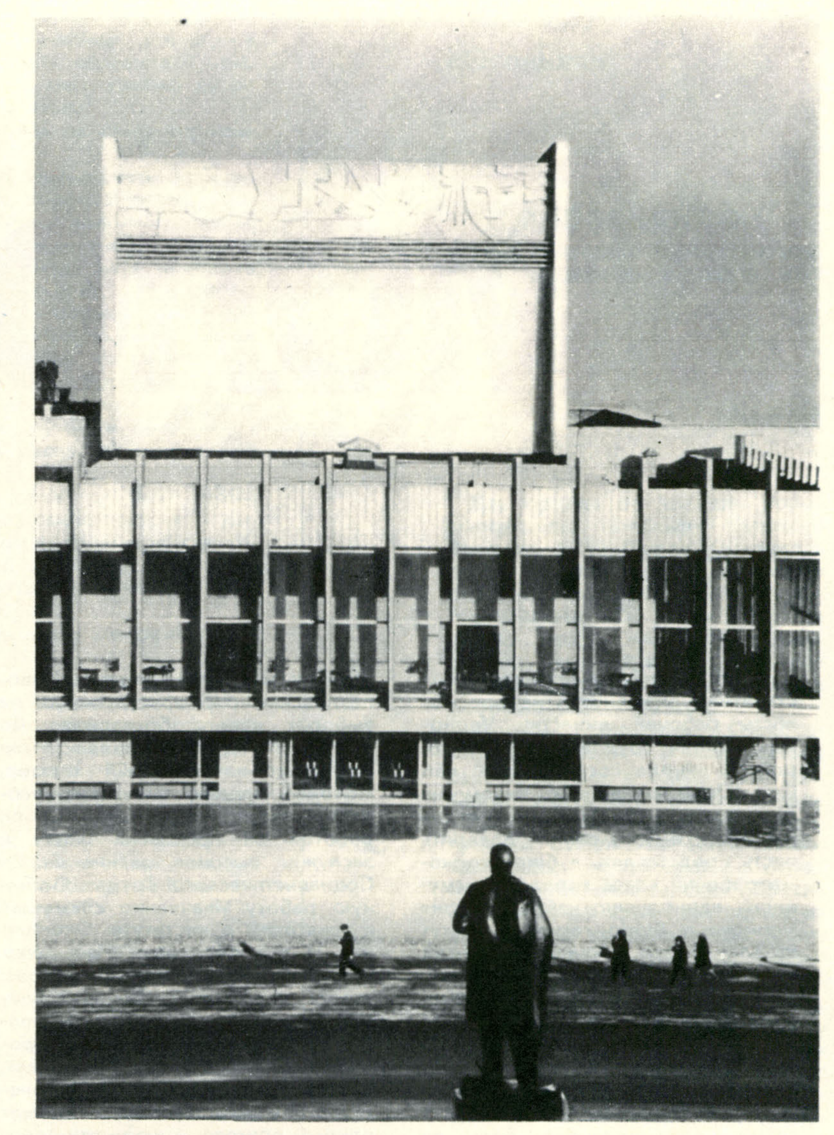
Корреспондент. Какую роль в формировании новой рабочей смены играют профессионально-технические училища?

В. В. Шевченко. Очень большую. В Ворошиловградской области работают 116 профессионально-технических училищ, дающих основное пополнение нашему рабочему классу. Учатся в ПТУ около 65 тысяч юношей и девушек. Мы очень рассчитываем на эту молодежь: они уже выбрали себе в жизни специальность, государство взяло их на полное свое обеспечение и готовит из них квалифицированных, перспективных специалистов. Выпускников ПТУ мы считаем тем костяком, вокруг которого формируется молодая рабочая смена. ПТУ помогают нам успешно решать задачу подготовки квалифицированных кадров для самых разных областей народного хозяйства.

Но как бы хорошо ни был подготовлен молодой рабочий в стенах ПТУ, основную жизненную школу он проходит на заводе, фабрике, комбинате, в шахте. Есть в этой школе, на мой взгляд, самый чудесный преподаватель — революционные, боевые традиции. Я не раскладываю их по полочкам. У нас, на ворошиловградской земле, они составляют единую славную историю луганского пролетариата. Здесь был один из центров революционного движения России, и не случайно в первые же дни после Великой Октябрьской социалистической революции Владимир Ильич Ленин дал указание о поддержке шахтеров оружием. На всех этапах развития Советского государства, в самую трудную пору его жизни рабочий класс Луганщины был на передовых позициях. Вспомните луганских рабочих, ставших полководцами революционных масс,— Ворошилова и Пархоменко. Вспомните зародившееся у нас стахановское движение и впервые прозвучавший на Луганском паровозостроительном заводе лозунг «Пятилетку — в четыре года». Вспомните мировые рекорды наших арматурщиков... А подвиг героев-краснодонцев, а легендарные сражения с немецко-фашистскими захватчиками рабочих шахтерских дивизий, сказочно быстрое послевоенное восстановление шахт и заводов, строительство крупнейших в СССР промышленных комбинатов и комплексов — все это страницы нашей истории, все это мы передаем молодежи как драгоценнейшее наследство,— поистине нет ему цены! И, передавая это наследство молодым, мы стараемся воспитать их гражданами, достойными традиций луганского пролетариата.

Корреспондент. В какой мере ваша личная жизнь, Владимир Васильевич, связана с луганской землей?

В. В. Шевченко. С луганской землей я связан самыми тесными узами. Здесь, неподалеку от

В новое помещение переехал недавно Ворошиловградский областной драматический театр.

сегодняшнего города Антрацит, работал в шахте мой отец. Во время гражданской войны он сражался в рядах Красной Армии, был подпольщиком — под видом гармониста собирал сведения о белогвардейцах. Его схватили и казнили на глазах у моей матери. Вот так начиналось для меня знакомство с революционными традициями...

Своей родной земле я верен всю жизнь: трудился шахтером, в годы войны воевал в этих краях в партизанском отряде. Я горжусь тем, что меня воспитала и закалила партийная организация Ворошиловградщины.

Мы, люди старшего поколения, не сомневаемся в том, что богатейшее наследство передаем в надежные руки молодых. Этими молодыми руками сейчас творятся подлинные чудеса. Разве не чудом современной химии стали возведенные молодежью комбинаты Северодонецка и Рубежного! Взять любую отрасль производства — в каждой из них ценнейшим вкладом явились дела нашей молодежи.

Новому поколению рабочих дается многое: благоустроенное жилье, спортивные комплексы, широкая возможность выбора будущей профессии. Но мы не упрекаем молодежь в том, что она приходит на все готовое. Кому многое дано, тому предстоит еще больше свершить...

Символом Ворошиловграда стал монумент рабочего, воздвигнутый на одном из городских проспектов.

●

Монтажницы цеха № 12 Северодонецкого приборостроительного завода Людмила Матина и Ольга Кагала.

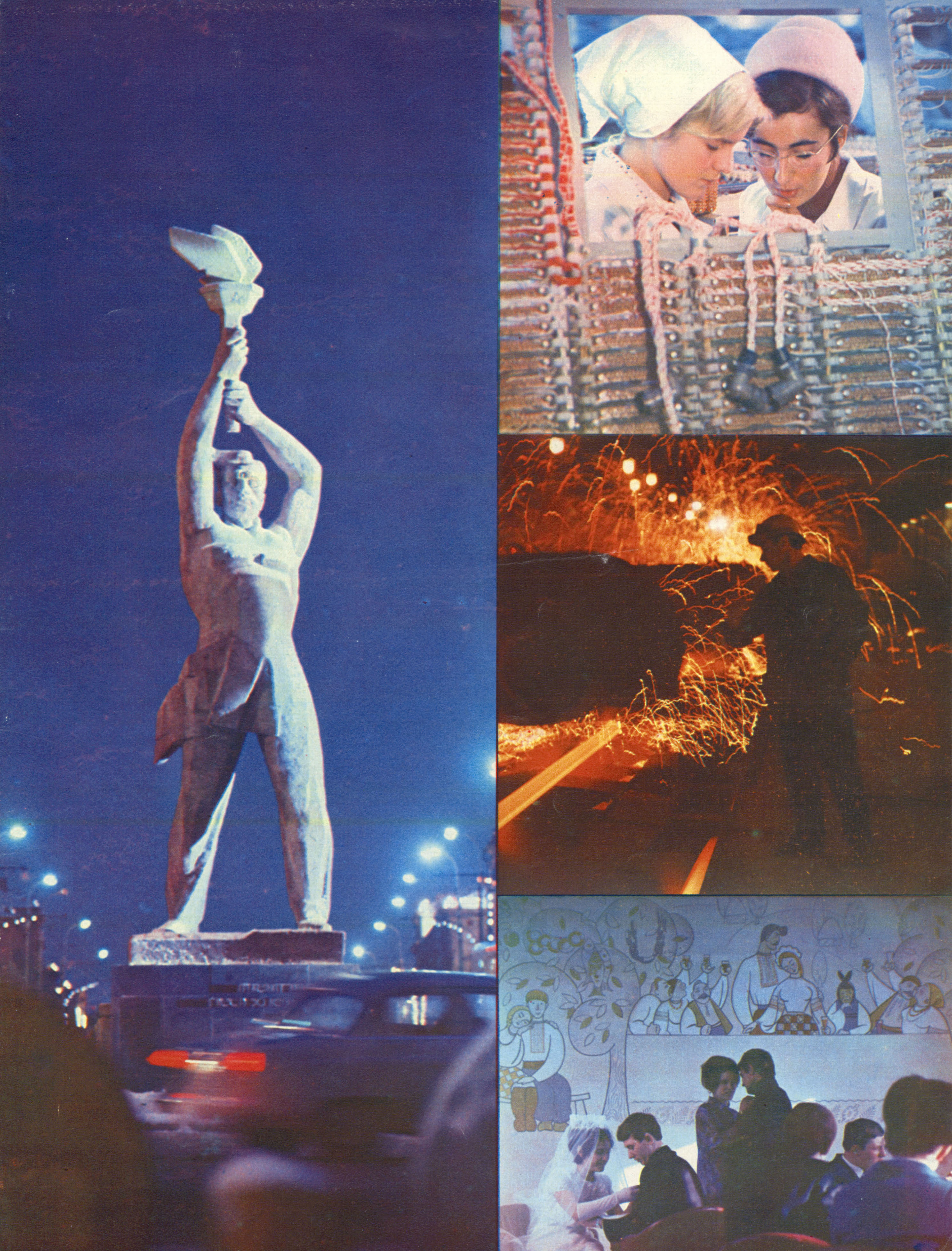
●

Коммунарский ордена Трудового Красного Знамени металлургический завод. Гордость этого предприятия — новейший прокатный стан. Механические пилы в мгновение рассекают раскаленные полосы металла.

●

Этот дом в Ворошиловграде называют «Дворцом счастья». Здесь начинают свой жизненный путь молодые семьи.

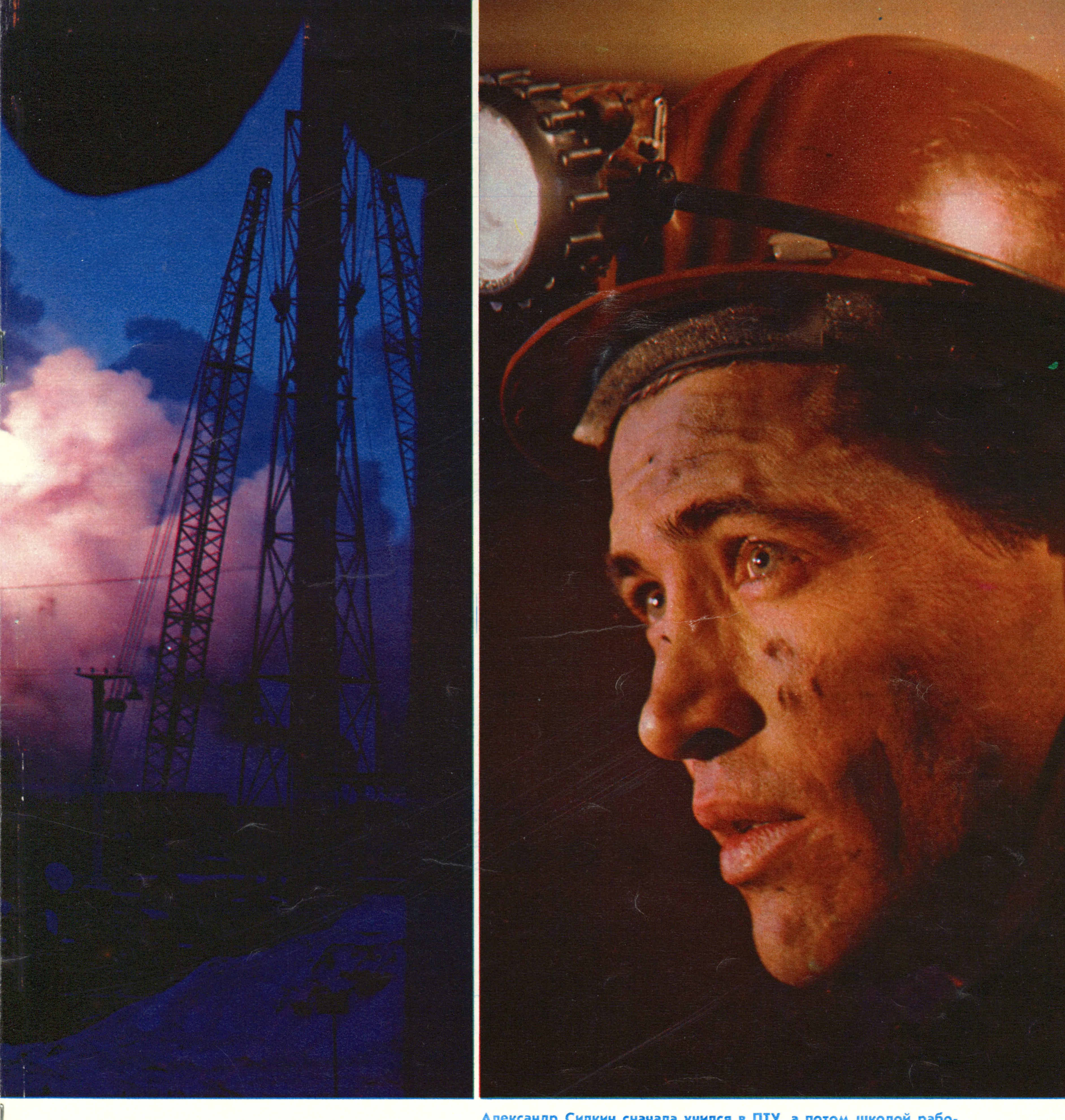
◀ **В Ленинском зале Ворошиловградской областной библиотеки. Преподаватель педагогического института В. Крот.**

Подручному сталевара Александру Лебедеву 20 лет. Он работает в коллективе, обслуживающем мартеновскую печь № 4 — лучшую на Коммунарском металлургическом заводе.

Узловым предприятием большой химии считается Северодонецкий химический комбинат.

Александр Силкин сначала учился в ПТУ, а потом школой рабочего опыта стала для него шахта «Новопавловская». Сейчас Силкин возглавляет бригаду, на которую равняются горняки всей страны.

«Подготовить за пятилетие в профессионально-технических учебных заведениях не менее 7,5 млн. квалифицированных рабочих для всех отраслей народного хозяйства».

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану.

А. А. БУЛГАКОВ,

председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию

ГЛАВНЫЙ РЕЗЕРВ

В тезисах ЦК КПСС к столетию со дня рождения В. И. Ленина отмечалось, что в социалистическом обществе, последовательно преодолевающем социальные различия, ведущей общественной силой продолжает выступать рабочий класс. Рабочий класс создает наибольшую долю общественного продукта, находится на передовых рубежах технического прогресса, занят в решающих сферах общественного производства. В облике советского рабочего сливаются воедино черты сознательного труженика индустрии, приобщенного к интеллектуальной деятельности, и активного борца за новую жизнь, утверждающего высокие нормы человеческих отношений. Именно рабочих такого типа призваны воспитывать и готовить профессионально-технические училища: они растят молодое поколение рабочего класса, отряды его активных борцов за новую жизнь, которые идут на смену ветеранам труда.

Директивами XXIII съезда КПСС предусматривалось довести в 1970 году прием в наши учебные заведения до 1 700—1 800 тысяч человек. Под руководством партийных организаций, при активной помощи всей советской общественности работники системы профтехобразования успешно выполнили эту директиву XXIII съезда КПСС. За 1966—1970 годы в профессионально-технические учебные заведения принято свыше 8 100 тысяч человек (против 5 500 тысяч в предшествующем пятилетии), а в 1970 году — 1 810 тысяч человек. За минувшее пятилетие народное хозяйство получило свыше 7 миллионов квалифицированных рабочих, выпускников ПТУ (против 4 800 тысяч в 1961 — 1965 годах). Примечательно, что из них почти одна треть — 2 034 тысячи — трудится в сельском хозяйстве. Это наш вклад в решение всенародной задачи ускоренного развития сельскохозяйственного производства.

В минувшую пятилетку темпы роста сети профессионально-технических училищ и числа обучающихся были в два раза выше, чем в предыдущем пятилетии. Сейчас в стране 5 300 училищ, в которых занимается 2 400 тысяч юношей и девушек.

В систему профтехобразования входят городские и сельские профессионально-технические училища для окончивших 8 классов со сроком обучения два года; технические училища со сроком обучения, как правило, один год — для тех, кто имеет полное среднее образование; вечерние (сменные) профессионально-технические училища, где повышают свою производственную квалификацию и технический уровень, приобретают вторые профессии рабочие, занятые на производстве. За последние два года начал широко развиваться новый тип училищ с 3—4-летним сроком обучения. Здесь вчерашние школьники одновременно с профессией получают законченное среднее образование.

Таким образом, юношам и девушкам предоставляется широкий выбор различных стационарных учебных заведений, где они могли бы получить основательную профессиональную подготовку по избранной ими специальности.

Какие профессии пользуются наибольшей популярностью среди молодежи? В какие отрасли народного хозяйства она стремится прежде всего? Статистика показала, что первое место занимают электронная и радиопромышленность. Молодежь охотно овладевает любыми профессиями, связанными с этими отраслями советской индустрии. На втором месте — управление комплексно механизированными и автоматизированными производственными процессами. Например, в угольной промышленности юноши хотят быть машинистами комбайнов, механизированных очистных комплексов и угледобывающих агрегатов, электрослесарями-наладчиками шахтных автоматических устройств, машинистами электровозов; в металлургии — операторами постов управления прокатных станов, машинистами разливочных и погрузочных машин; в химической промышленности — электрослесарями по ремонту и монтажу контрольно-измерительных приборов и установок автоматического регулирования. Девушкам полюбились швейные профессии, служба быта.

Значительно меньшей популярностью пользуются стройки, текстильные и обувные фабрики, мясокомбинаты. Почему? Да потому, что молодежь систематически не знакомят со всем многообразием существующих профессий, не воспитывают у нее интерес к определенным специальностям, стремление овладеть ими. Известное значение имеют также более сложные условия труда, недостаточный уровень механизации работ на предприятиях малопопулярных среди молодежи отраслей производства. Здесь есть над чем задуматься соответствующим министерствам. Юноши и девушки ныне стремятся иметь дело со сложными механизмами, хотят получить возможность сочетать труд физический и интеллектуальный. Желание естественное, справедливое...

В выборе профессии огромную роль должна сыграть и школа. К сожалению, она еще оказывает слабую помощь в профориентации своих воспитанников. Всего лишь четыре процента учащихся на вопрос о том, где они узнали об училище и кто им рекомендовал выбранную ими профессию, отвечают: «В школе... учитель». Не говорит ли это о том, что школы по-прежнему ориентируют своих питомцев большей частью на продолжение образования только в вузах? Между тем школа должна быть верным помощником молодежи в выборе профессии. Особенно это важно сейчас, когда страна вступает в новую пятилетку и масштабы профессионально-технического обучения будут значительно расширены. Уже в 1971 году профтехучилища должны выпустить квалифицированных рабочих на 76 тысяч больше, чем в семидесятом. А далее прием молодежи в ПТУ будет возрастать из года в год. Мы полагаем, что в будущем юноши и девушки, которые пожелают стать высококвалифицированными рабочими, должны будут получать необходимую для этого профессиональную подготовку, как правило, только в наших училищах.

Это обязывает нас значительно повысить качество обучения и улучшить воспитание молодежи. Пути достижения этой цели определило постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования. Я имею в виду прежде всего постепенное преобразование профессионально-технических учебных заведений в профтехучилища с 3—4-летним сроком обучения: молодой человек получает тут и квалификацию и среднее образование.

Партия требует от нас совершенствовать учебно-воспитательную работу во всех наших учебных заведениях. В ПТУ все шире и шире будут применяться новейшие технические средства обучения: экранные пособия, магнитофонные записи, сложное лабораторное оборудование, методы программированного обучения. Повышается культура педагогического труда, разрабатываются оригинальные тренажеры, отражающие новейшие достижения педагогики, инженерной психологии и кибернетики.

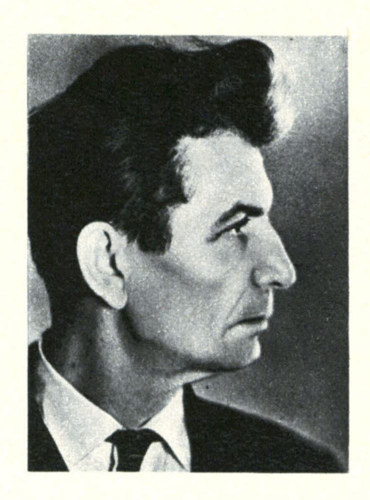
Многое делается и для улучшения воспитательной работы. Особое внимание уделяется формированию марксистско-ленинского мировоззрения молодежи, сознательного отношения к труду, общественной собственности, классового подхода к явлениям общественной жизни.

Успех дела здесь решает улучшение преподавания общественных дисциплин, повышение идейно-воспитательного уровня каждого урока по любому предмету, воспитание учащихся на примере жизни и деятельности В. И. Ленина, на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа. Мы используем для этого самые разные средства. В комсомольских организациях проведен Ленинский зачет под девизом «Мы делу Ленина и партии верны». Сейчас проходит II этап Ленинского зачета. Его девиз — «Учимся хозяйствовать». Организуются выставки, посвященные истории заводов и фабрик, встречи с питомцами училищ, ветеранами и Героями Социалистического Труда, передовиками производства. Все большее значение приобретают эстетическое воспитание и физкультурная подготовка.

Мы принимаем меры, чтобы обеспечить наши училища высококвалифицированными инженерно-педагогическими кадрами. Для этого расширяется сеть индустриально-педагогических техникумов, выпускающих мастеров производственного обучения. При некоторых вузах открыты специальные инженерно-педагогические факультеты для подготовки эрудированных преподавателей ПТУ.

●

Не одно рабочее поколение было воспитано на прославленном луганском паровозостроительном — ныне Ворошиловградском ордена Ленина тепловозостроительном заводе имени Октябрьской революции. Почти все тепловозы, выпускаемые в СССР, выходят из стен этого завода.

Дмитрий КОВАЛЕВ

ЗЕМНОЙ СВЕТ

Из новой книги стихов

НОЧНЫХ ЛЕСОВ ГЛАЗА

Леониду Леонову.

Поблескивает черное,
Как внутрь земли, окно.
Не забывайся в зарослях:
Не спит, глядит оно.
Пусть комары треклятые
Пируют, кровь сосут,
Пусть ядовитым пламенем
Печет укусов зуд,—
Терпи, как долголетие,
Прижав ладонь к груди.
И не дыши, как нет тебя,
Замри. Гляди, гляди!
Темно и душно. В озеро
Ты, как в себя, смотри.
Увидишь с удивлением
Глубь неба там, внутри.
Увидишь всю вселенную
В бездонной темноте.
Вблизи — дубы и ясени
В нестройной тесноте.
Светлей сквозь мрак орешины
Да на листве — роса.
Покрякивает утками
Кудрявая лоза.
Чернеют в ней отчетливо
Коряги-топляки.
Как от луны открошены,
Все ярче светляки.
Шуршат, мышами пискают,
Шушукнув, камыши.
Сомы, лягушки плюхают,
И шебаршат ежи...
Услышишь настороженно
Глубокий лося вздох,
Как белый гриб торопится
И раздвигает мох.
Гадюки ночью быстрые —
Не вскрикни, страх забудь,
Когда они невидимы,
Как черных молний жуть.
Не вздрогни, как послышится
Сквозь цвирканья, стречки:
Потрескивают медленно
Под мягкостью сучки.
Тьма вдохновляет хищников —
Опасны: есть хотят.
Когда они голодные —
И когти в ход и яд...
Во все орбиты круглые,
Как у старух очки,
У филинов горящие
Расширены зрачки.
Хохочут дико в темени,
Чудят их голоса.
Прекрасные и жуткие
Ночных лесов глаза.

НА ШОССЕ

Земной полет
Меж стен зеленых двух.
Все радужное.
Что еще милее?!
Замглено-солнечный,
Любовно млея,
Путь новизной
Захватывает дух...
Так царственны, так высоки
Деревья на песчаной крутизне,
В далекой утренней голубизне.
И по шоссе летят не рысаки.
Над черною асфальтной синью воздух
Дрожит, как отраженья на реке,
В дымкàх,
В далеких никелевых звездах...
И пролетают пары налегке.
И в зное,
Что мерцает и струится,
Охватывает быстриной остуд.
Дорога быстроглаза,
Остролица.
Летуче платья женские цветут.
И лель с прильнувшей за спиной
Русалкой молодою
Пронзает, как видение, до пят.
Как солнца круг,
Раздвоенный водою,
Колени заголенные слепят.
И все поет неслышно,
Все несется.
И освежает сыростью грибов.
И хвоя сосен
Хмурится на солнце.
И светится в тени
Листва дубов.
И так невинна
Нагота осинок.
И чернь ольхи —
В коричневых ручьях.
Блеск землю прошивающих ворсинок
У кустика черники,
Что зачах.
Свет капель сея
Из зеленых сит,
То шелохнется,
То чуть-чуть качаем,
Путь все сквозь темь
И пестроту сквозит,
Несет, неистощим
И нескончаем...
И не узнать вовек,
Где чья черта,
Где заземлишься
Плавно или круто...
Так празднична,
Так дивна широта!
И верится в бессмертье
Почему-то.

* * *

Рожь поднялась
И в трубочку пошла.
И вся
Шероховато-сизой стала.
А зелень от росы так тяжела:
Не шелохнется, сплошь темнея тало.
А днем,
Когда порывист ветерок,
Речные ряби —
Как сирень в цветенье.
Рожь — вся в затменьях,
Вдоль и поперек,
И зыбок свет,
И мимолетны тени.
Глазам невмочь от солнечной игры.
А там, где проблески песка у леса,
Ржаные шелковистые вихры —
Точь-в-точь как у сынов моих, белесы.
А к вечеру,
Когда закат в пыльце
Уже над колосом, еще зеленым,
Рожь — как улыбка на твоем лице,
Рассеянном, мечтательно влюбленном.
А ночью будущее рожь таит.
Усохший вяз безлистый —
Как сохатый.
Рожь, как туман,
Молочная стоит
И зябнет поутру
За теплой хатой.

ЛЕСНИК

Уже рассвет мне освежил лицо.
И занялóсь лесное озерцо.
А в озерце —
Пузырь на пузыре.
И в каждом — ночь,

И в каждом — по заре.
И есть ли в омутке, как в чаще, дно?
Тесовой крыши в нем видать рядно,
И вербы облако салатное над ней.
А новое крыльцо — всего видней.
А за жердями чуть чернеет ель.
А над бадьей колодца — журавель.
И у крыльца, как молнии надлом,
Велосипед сияет под седлом.
И конь уже запряжен у ворот —
Берет губами по былинке сено в рот.
Пока восток лишь розов,
Не в огне —
Печное полымя цветет в окне.
Я знаю: там печет драчены дочь.
Со сковород — на стол,
Как мать, точь-в-точь.
Когда она невестой стала вдруг?
Совсем отбилась у отца от рук.
Отец ей что!
Свое уже у них:
Шлет письма с флота через день жених.
Но как же из лесу, когда она уйдет,
В дом ехать, где никто тебя не ждет?
А был, давно ли, не двором богат.
Была у дочки мать,
Был старший брат.
С лосями был, как свой, и всем хорош.
Подкараулил браконьерский нож.
А мама — не свались беда, как снег,—
Ей жить да жить бы, радовать бы всех.
Бедовой партизанкою была.
Двоих ему в отряде родила.
Родимый лес их всю войну спасал.
Как благодарно сын его берег —
Ни деревца оплошно не списал.
Лес сына не сберег —
Ему ль упрек?
Все беды лес помог перенести.
Что стал отец рассеян,
Дочь, прости...
С победой вышли из таких атак!
А здесь не в битве — получилось так?..
И все темно, как в озерце вода...
Но с лесом не расстаться никогда.
И надо жить.
Утрат не возместишь.
И глубока перед восходом тишь.

БАБЬЕ ЛЕТО

Своя преемственность во всем и связь.
Летит к кобыле жеребенок пулей.
Рад Шарик, взвизгивает, носится, резвясь.
Поприутих, угомонился улей:
Повыгнал трутней всех отсюда рой.
Летают паутинки невесомы.
Чернеют фиолетово в дали сырой
Сквозь бирюзу озимых черноземы.
Сухой ботвы картофельной клубок
За сизыми колами и жердями,
Картофелины зеленеет бок,
Из рыхлой почвы вымытый дождями.
Посверкивают капли на старье
Листвы опавшей.
И ворон оравы.
Шиповник сохнет под столом,
А на столе
У матери
Лекарственные травы.
К природе мама приросла душой.
Слабеют ноги, что бегом привыкли.
И в кои веки отвезет меньшой
В любимый лес ее на мотоцикле.
В коляску сядет мама, так горда.
Упрячет под клеенку ноги, чтоб не зябли.
И словно сбросит с плеч свои года.
И только со щеки стирает капли...
Что материнская ей стоит седина?..
Как подсчитать нам все? Как взвесить?..
Муж бросивший. Нужда.
Два извещения. Война.
Я старший,
А всего нас было десять.
Осталось двое.
Младший возмужал.
А старший пожилой уже.
И внуки...
Давно ль Мишук впервой перо держал —
Уж постигает высшие науки.
Невестка Тоня заменила дочь.
А Женя — старший внучек — пишет редко.
Но как приедет — все для внука прочь.
О нем не переслушает соседка.
Простим ей, маме, слабости ее:
У матерей, у всех, они похожи.
Сверкает паутинками жнивье,
И, поздний, выдался денек погожий.
Бодрится он, от зноя отрезвясь.
У лета бабьего глубокое свеченье.
Во всем своя преемственность и связь.
И радости свои и огорченья.

ЧЕГО ТЫ ПЛАЧЕШЬ?..

Сыну Мише.

Чего ты плачешь?..
Сыновья — мужчины.
Меньшого собрала на выпускной.
А у самой заметнее морщины
И седина, закрашенная хной.
Какой он юный, сын, и смотрит строже.
Какой он стройный.
Все ему к лицу.
И то, что принималось за ленцу,
На основательность теперь похоже.
Чего ты плачешь?..
Вырастить такого!..
Высокий... Мать — лишь до плеча ему.
Басит. И судит сдержанно, толково...
Все смотришь вслед...
Никак все не уйму...
Да успокойся же!
Гордиться надо!
Водою освежись, лицо умой.
Иль непутевый он и ты не рада?..
А я нечаянно припомнил выпуск мой.
Слепили скатерти.
Цветов-то сколько алых!
Рубиновое в искорках вино.
Улыбок захмелелых в классах — залах
И музыки, как в сердце чувств, полно...
А гибель шла уже по заграницам.
У нас такие планы и мечты!..
Все в будущем, без бед, видать по лицам...
А как свой этот вечер помнишь ты?
Уже не вздрагиваешь. Нет, не плачешь.
Наплакалась, утихла. Спишь, не спишь?..
Припухлые глаза в подушку прячешь...
И наконец у нас под утро тишь.
День занимается. Погоже. Ясно.
Окно открыл, прохладою дыша.
Как в утренней заре Москва прекрасна,
Какая ширь с восьмого этажа!
И маковка ли в зелени, свеча ли?..
Торжественно, устало там и тут
Нарядных стайки от Кремля идут:
У Мавзолея солнышко встречали.
Вон чей-то так несмело, неумело
Хотел, видать, поцеловать, обнять,
Похоже, изумилась, онемела,
Крутнулась, вырвалась и ну бежать.
А он догнал — уже прощенья просит...
А нашего, гляжу, все не видать.
Наш из-за девочки друзей не бросит.
А что подумают?.. А как увидит мать?..
А золотая рань листвой одета.
И плавный, скорый ласточек полет...
Неужто на земле кому-то где-то
Счастливость их покоя не дает?..
Сияют стекла, солнечно, как плесы,
Их высота поет о новизне...
Тревожней, чем тебе, твои мне слезы.
Не плачь, ты плачешь даже и во сне.
Проснись!
Взгляни на стайки дорогие,
Заветные,
В согласии,
В ладу...
Ведь будут не они, уже другие
Так возвращаться в будущем году.
Я понимаю, почему ты плачешь:
Спешим, спешим,
А время нас не ждет...
А повторись бы юность —
Не иначе ж
Жить стали бы
Опять за годом год...
Смотри, как солнце из-за крыш блеснуло!
И за высотами синей зенит...
Вставай, вставай!
Теперь совсем уснула...
Встань... Доставай пирог твой.
Сын звонит.

МАРТОВСКИЙ СНЕГ

Ослепительный мартовский снег...
Потянуло отталостью с рек.
И темно еще зимним лесам.
А моим даже больно глазам.
Будто сразу в сугроб из сеней
Дверь открыл я:
Он неба синей,
Ярче солнца на взгорках полей,
Печи бело-молочной теплей.
Ослепительный мартовский снег!..
Взял напомнил твой девичий смех...
Домотканый, подсиненный лен.
Наготой чистоты ослеплен.
Грудь ознобом осыпала зной,
Все затмила своей белизной,
Светом розовым,
Вспыхнувшим в ней,
Жилкой каждой рассвета нежней.
Свет пугливой улыбки твоей.
И щелчок в самом сердце дверей...
Всю бы жизнь в ослепленье таком,
От смущения вспыхнув тайком...
Тот прерывистый шепот не смолк.
Хоть уже повториться не смог...
Хорошо, что один и навек
Ослепительный мартовский снег.

ТЕНИ

Шел за лугами пароход,
Румяно-бел.
У черно-серых ольх
Желтели гати.
Рыжели, как табун коней, стога.
Чернел
Пирамидальный тополь на закате.
Вытягивались тени,
Так длинны,
Что не видать конца,
И шли за мною.
И были голоса удалены,
И звуки стали тихостью земною.
И до всего дойти — как долететь.
И крыльями распростирались руки.
Позеленелая, темнела медь
Предсумеречной
Луговой округи.
Казалось, тени убегали прочь
От тех, кто их родил,—
Меня и солнца,
Туда,
Откуда шла навстречу ночь,
И квакало им гимн в логу болотце.
От гама глохли зыбкости трясин:
Вот станет скоро все сплошною тенью.
Но свет таился в лепете осин,
Не уступал он тьмы хитросплетенью.
И, занимая высоту за высотой,
Он подымался в бездну небосвода,
Чтоб лунным стать,
Чтоб замерцать звездой
Перед зарей —
Предвестницей восхода.
А пароход
У ночи на краю
Сиял прощально стеклами
И, плавно
Пуская пара белую струю,
Разливно пел...
И облако пылало.

У каждого народа есть свои святыни. В Армении выше золота и любых богатств издревле чтут рукописи. Столетия отделяют нас от того времени, когда впервые были написаны на пергаменте мягкие четкие линии букв, придуманных одним из любимых сыновей Армении Месропом Маштоцем. Передавая их от отцов к сыновьям, пронеся через огонь воин, сохранили армяне свое духовное сокровище. Ведь древние письмена — это воссозданная человеческим разумом жизнь народа. Ученые прочли труды древних математиков и врачей, философов и историков, неразгаданной осталась лишь тайна старинных нотных знаков — хазов. Народ сохранил рукописи, где запечатлены песни, но в годину страшного нашествия забыл, как они поются; забыл, как читаются хазы.

Наверное, долго не мог петь этот жизнелюбивый народ. Потом родились новые песни: армяне прогнали со своей земли захватчиков. Но хазы так и не заговорили... Только один музыкант — великий Комитас — сумел расшифровать старинные музыкальные записи, но и его труды погибли.

Творческий подвиг Комитаса вдохновил в наши дни композитора Эдгара Оганесяна и балетмейстера Максима Мартиросяна, создавших балет «Антуни».

Сюжетная ткань новой постановки на сцене Ереванского государственного театра оперы и балета имени А. Спендиарова не просто вмещает в себя эпизоды жизни классика армянской культуры. Музыкант Антуни, прообразом которого стал Комитас,— обобщенный образ художника. И главная философская проблема, которую ставят авторы балета,— взаимоотношение и взаимовлияние художника и народа, неразрывность их судеб и стремлений.

Антуни впервые проник в тайну хазов. Обретенная, разгаданная старинная мелодия претворяется в танец — одновременно причудливый и простой, мягкий и порывистый. Но не раз еще прочтем мы мучительный вопрос в глазах героя; не раз увидим, как Антуни отрешенно сдавливает виски ладонями... Он ищет не только смысл хазов, он ищет себя, свою мелодию, заключенную в нем самом. Мелодия эта появляется вместе с воздушным видением — прекрасной девушкой Хумар и так же легко, как это видение, бесследно ускользает от него... Она рождается в песне пахарей, вместе с которыми трудится Антуни, и бежит прочь, пугаясь монашеских сутан... И, наконец, она обретает себя в песне народа, прекрасной и бессмертной, чтобы остаться в ней и после гибели Антуни, чтобы оплакивать его вместе с народом.

Новая постановка театра имени А. Спендиарова получила широкое признание. Из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Новосибирска любители балета и специалисты приезжают в Армению смотреть спектакль. Что же выделяет его из числа других постановок — интересная хореография, хорошая музыка или мастерство исполнителя главной роли!..

«Антуни» привлекает тем, что это армянский балет. Не стилизованная «под Восток» интерпретация одной из «вечных» тем театра, а полнокровный современный народный спектакль, где национальная хоральная мелодика прекраснейшей музыки Э. Оганесяна как бы материализуется в тонких и ясных красках костюмов и декораций, созданных художником А. Минасом, в хореографии, сочиненной балетмейстером М. Мартиросяном, и прежде всего в одухотворенном, свободном, мастерски безукоризненном танце В. Галстяна.

О ведущем танцовщике Ереванского театра оперы и балета написано немало добрых слов и в связи с его гастролями в нашей стране и за рубежом, и по поводу завоеванной им в 1968 году золотой медали на балетном конкурсе в Варне... Он танцует Альберта в «Жизели», Принца в «Лебедином озере», Базиля в «Дон Кихоте», заглавную роль в «Спартаке»... И всегда зритель восторженно аплодирует его легким, высоким прыжкам, экспрессивным и точным вращениям. В Ереване и Лондоне, Праге и Москве восхищается публика легкостью, с которой выполняет танцовщик самые сложные па, самые трудные поддержки. Зрителей пленяет мужественная мягкость

Вилен Галстян в заглавной роли балета «Антуни».

Ольга САХАРОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ОБРЕТЕНН

АЯ МЕЛОДИЯ

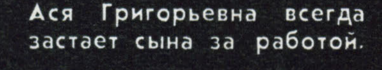
«Антуни».

Репетиция...

Окончился спектакль... Соня Вартанян — Джульетта и Вилен Галстян — Ромео прощаются со зрителями.

Ася Григорьевна всегда застает сына за работой.

В классе надо работать так же точно, как на сцене.

Па-де-де из балета «Дон Кихот» танцуют Вилен Галстян и Белла Худинян.

и героический лиризм, которыми наделяет Галстян своих героев. Каждая партия не просто танцуется, а служит основой для создания законченного драматического образа.

Но даже для тех, кто давно следит за творчеством Вилена Галстяна, его работа в балете «Антуни» стала откровением. Художник-танцовщик создал вдохновенный образ художника-музыканта, вложив в него все богатство своей собственной натуры, выразив свою слитность с богатством родной армянской культуры, высказав языком танца свое личное отношение к сегодняшней миссии искусства.

Осознанно ли все это произошло, или главную роль здесь сыграло интуитивное понимание танцовщиком внутренне близкой ему натуры героя?.. Актеру такой вопрос задавать не стоит, лучше вспомнить, как, каким путем шел он к этой своей роли...

В музыкальное училище Вилена привела мать. Вряд ли она, простая женщина, потерявшая на фронте мужа, весь день хлопотавшая с детьми, думала о возможности блестящей карьеры для сына. Просто она очень любила музыку и хотела, чтобы ее полюбил и сын. А в училище было так много детей и взрослых, так много дверей, за которыми звучала музыка, что Ася Григорьевна растерялась... Произошла, как теперь со смехом рассказывает Вилен, «роковая ошибка»: мальчик предстал перед приемной комиссией хореографического класса, вместо того чтобы подняться на второй этаж и участвовать в конкурсе музыкального отделения. И оказалось вдруг, что у Вилена прекрасные данные не только музыканта, но и танцовщика. Так он и остался на первом этаже. Мальчишки во дворе дразнили Вилена, советовали ему сбежать. Может быть, он и сбежал бы, если б не увидел на сцене того, кто стал его кумиром на всю жизнь: Вахтанга Чабукиани. Вилен боготворил этого прекрасного танцовщика: он, тогда еще мальчишка, глядя на Чабукиани, чувствовал и в себе какие-то дремлющие силы, обнаруживал понимание смысла каждого движения... Это давало ему надежду научиться когда-нибудь танцевать так, как Вахтанг Чабукиани...

Училище позади, он едет в Тбилиси, прямо к Вахтангу Михайловичу, и тот, в свою очередь, «открывает» танцовщика Галстяна; больше года работает он с юношей в классе, на репетициях, передавая ему не только мастерство, но и безгранично бережное отношение к искусству, тем более необходимое художнику-новатору.

Вернувшись в Ереван, Вилен стал танцевать все ведущие партии, и сразу обратили на себя внимание отшлифованные у Чабукиани артистизм, певучая пластичность движения, смысловая наполненность жеста, драматизм танца. Все это развивалось с каждым новым образом, углублялось с каждой новой победой.

И еще один великий мастер прикоснулся к дарованию Вилена Галстяна — Галина Сергеевна Уланова. Душевная поэтичность, благородство натуры непревзойденной балерины оставляют неизгладимое впечатление у любого, кому посчастливилось общаться с ней. Надо ли говорить, какой глубокий след оставила она в душе молодого танцовщика... Уроки с Улановой в Большом театре стали для Вилена не просто высшей школой профессионализма, они обогатили и человеческую его сущность.

Истинный художник обладает даром тонкого, глубоко эмоционального восприятия богатств, созданных всей человеческой культурой. Но главное в жизни для него — стремление как можно более полно отдать свой дар родному народу. Отдать все то, что им, художником, выстрадано и перечувствовано... Думается, в «Антуни» Вилен Галстян не случайно подчеркивает у своего героя способность радостного и осознанного служения людям; сценический образ героя стал выражением жизненного и творческого кредо танцовщика.

Кажется, Вилен не мыслит себе спокойного, созерцательного восприятия жизни: он может ночи напролет сидеть над книгами, изучая описания древних обычаев и танцев армянского народа, еще и еще раз вчитываться в новые клавиры; в любую погоду уезжать к величественным развалинам Звартноца и Гарни; в короткие минуты отдыха делать наброски к будущим постановкам... Для чего все это? Для себя? Да, конечно, чем больше он узнáет, переживет сам, тем богаче одарит людей, передав им свои знания, свою страсть, свое волнение в старой роли, по-новому прочтенной, в сочиненном им танце, балете...

Так что же, чувство или разум помогли Галстяну создать на сцене образ бессмертного музыканта из легенды?.. Да и правомочен ли такой вопрос, когда речь идет о творчестве настоящего художника. Нельзя делить на составные части прекрасный дар, именуемый талантом.

Евгений ОСЕТРОВ

ИСТОКИ И КРИНИЦЫ

Известно, какой могучий взлет пережила наша поэзия в пору Великой Отечественной войны. Нет нужды называть имена поэтов-воинов, чье слово обрело на фронте крепость уральской стали, чьи стихи были нужны людям, как хлеб. В многоструйном, сильном и чистом потоке литературы военных лет не затерялся поэтический голос Аркадия Кулешова, продолжателя и обновителя народных традиций таких замечательных певцов Белоруссии, как Янка Купала и Якуб Колас.

Мы не можем себе представить литературу огненных сороковых без «Знамени бригады» — эпической поэмы Аркадия Кулешова, полюбившейся русскому читателю в бережном переводе Михаила Исаковского, поэтической повести о том, как люди Белоруссии поднялись на защиту родной земли. Автору удалось сплавить эпическое, общее, героическое с нежными, лирическими мотивами, издавна присущими белорусской народной поэзии.

Мне лично, как человеку, воевавшему в белорусских лесах и много общавшемуся с населением сожженных деревень и партизанами, особенно дорога и близка поэма Кулешова «Цимбалы». Дело не только в том, что в «Цимбалах» проникновенно воспроизведен колорит национальной жизни, хотя и это само по себе значит не так-то уж и мало. Поэт создал трепетное, певуче-лирическое творение, впитавшее в свою художественную ткань народные легенды и песни.

В последние годы поэт также много и плодотворно работает. В журнале «Новый мир» (№ 7 за 1970 год) опубликована поэма Аркадия Кулешова «Далеко до океана». В новом произведении автор остался верен неторопливой повествовательной интонации, да, пожалуй, и своей теме, связанной прямо или косвенно с белорусским селом, его людьми — чистыми, цельными и добрыми. В основу эпического сказания, обильно оснащенного народными диалогами и пейзажами родных мест, положены незабываемые впечатления детства и юности.

Читатель имеет возможность совершить с автором путешествие в пленительную страну детства, которое, увы, не было идилличным. Ступая шаг за шагом по строфам поэмы, переносясь «дорогой строчечной в молодости край», мы ничуть не удаляемся от современности. Незримый образ современности присутствует во всех главах произведения, пронизанного токами живой жизни. Это и дает мне возможность сказать, что «Далеко до океана» — поэма о наших днях, когда любого человека касается все, что происходит во всем мире, в любом уголке планеты. Поэтому, признаваясь в любви к своему «краю криничному», автор не может отрешиться от мысли о том, что его — этот любимый край — «смерть засевала из жерл Европы, да не смогла — заросли окопы, а не дороги, травой и лесом».

Привязанность поэта к своей земле так велика, что он готов раствориться в родных просторах:

Там Сож и Проня,
 Вихра и Бесядь
Колышут в добрых
 руках-пригоках
Луга, и пущи,
 и ясный месяц.
Мне б вместе с ними
 весной разлиться,
Струиться вольно
 из лета в осень...

Лирическая интонация, зазвучавшая во вступлении так пронзительно и сладостно, прослеживается на протяжении всего произведения. Ее мы слышим даже тогда, когда речь идет о самых прозаических сторонах действительности, будь то разгром в старой, еще дедовских времен деревне казенной винокурни или приобретение купчей на хату. Но «прозаические» куски произведения лишь сильней оттеняют, подчеркивают господствующую в поэме стихию лирического.

Через всю поэму проходит образ родной сельской хаты, с которой, подчеркивает автор, начинается «свет, что людям люб». Хата не просто «малая держава» (есть в произведении и такой троп!), она, пережив вместе с селом и семьей горе и радости, став свидетельницей и соучастницей событий, развертывавшихся во времени, делается подобной «самой истории». Не просто воспоминание, а голос сердца нельзя не услышать в поэтическом описании хаты: «Печка — жарким сполохом, ветер — под стрехой, колыбель — под пологом, крест — над головой. Песня самопрядьная на краю села... Хата моя дальная, ты такой была!» Через образ хаты мы видим все — и людские судьбы, и нелегкий для детей разлад между родителями, и социальные катаклизмы; и, наконец, в хату врывается небывалая и неслыханная новь... Но юности уже тесно в своих пенатах, она рвется на простор, и приходит неизбежный час: «До свидания, старый отчий дом с лугом, садом, банею, плугом и конем, что везет с пожитками расставанья грусть на железный, ниткою вдаль бегущий путь».

Автор не ставит задачу рассказать читателям о дальнейшей жизненной дороге. Возвращаясь в край юности, поэт не ощущает себя «беглецом от старости в молодость свою». Нет, «нынче я — поток устья, посетившего чудом свой исток». И, разумеется, поэт не мог в родных местах не подумать о трагедии деревень и сел Белоруссии, начисто выжженных войной:

Сколько, сколько их
Пало, не воротится
Больше в круг живых!
Русла их веселые
Высохли до дна,
Выжгла жадным полымем
Пущи их война.

А как же обстоят дела с хатой, что вошла в сердце не только художника, но, смею думать, и читателя? Теперь уже поэт ощущает родным домом все окружающее, весь огромный мир: «Небосвод кругом мне жилища стенами служит, пень — столом». Но одно осталось неизменным, как небосвод над головой, как обильно политая кровью белорусская земля,— «все служу упрямою в счастье и в беде службой той же самою — зерен в борозде».

Отсюда завет человека, прочно ходящего по дорогам, уверенного в праве на землю и счастье для себя и своего народа, завет, обращенный не только к самому себе, но и к нынешней юности:

Свой продолжить бег
Ярый и безбоязно,
Широко шагнуть
В мураву — до пояса
И в хлеба — по грудь...

В свое время печать отмечала, что поэма Аркадия Кулешова «Знамя бригады», созданная в тяжелую пору вражеской оккупации, не только плач о Белоруссии, но и песня, выражавшая уверенность в неизбежном и скором освобождении.

О поэме «Далеко до океана» можно сказать, что она — песня о судьбе родины и судьбе человека, нераздельно познавших счастье борьбы и победы. Мне хочется нынче поздравить с творческим успехом не только поэта Аркадия Кулешова, но и всю белорусскую литературу.

АРОМАТНЫЕ ДОЛИНЫ

На севере Азербайджана, в цветущей долине города Закаталы, окаймленной высокими горами, раскинулись владения самого крупного в Закавказье эфирномасличного совхоза-завода. На 70 гектарах земли выращивается всего один, но зато «королевский» сорт цветов — знаменитая казанлыкская роза. Эти розы не дарят молодоженам и матерям новорожденных, не вручают юбилярам и именинникам. Из свежих лепестков получают ценное эфирное масло — основной компонент для производства духов высшего качества. В прошлом сезоне предприятие выработало рекордную для себя продукцию — почти тонну розового масла. Нынче раздвигаются границы совхоза-завода. Этой весной еще на 70 гектарах земель 30 тысяч саженцев, выписанных из братской Болгарии, обретут здесь вторую родину, расцветут нежными розовыми улыбками.

В нынешнем пятилетии республика станет одной из ведущих в стране по выращиванию эфирномасличных культур. Ученые Азербайджанского научно-исследовательского института ботаники имени Комарова выявили в растительном мире республики почти 800 ценных технических растений и рекомендовали наиболее перспективные из них в производство.

Весной 1971 года в республике на ста гектарах будут заложены новые ароматные плантации розовой герани, высокоментольной мяты, ордубадской и закатальской роз. Они появятся в долине Аракса, в Щеке, Белоканах и на Апшероне. Близ Баку, в Зыхском шафрановом совхозе, намечается строительство эфирномасличного завода. Пройдет год-другой, и фармацевтическая, парфюмерная и пищевая индустрия страны получит большое количество ценного сырья, вырабатываемого из даров ароматных плантаций Азербайджана.

Г. ПОГОСОВ

И. Грабарь. МАРТОВСКИЙ СНЕГ. 1904.
Государственная Третьяковская галерея.

И. Грабарь. ХРИЗАНТЕМЫ. 1905

Государственная Третьяковская галерея.

М. ХРОМЧЕНКО

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

ПРИЗНАНИЕ

«В соответствии с решением коллегии Министерства здравоохранения СССР, в целях широкого внедрения в медицинскую практику методов компрессионного и дистракционного остеосинтеза, предложенных доктором медицинских наук Г. А. Илизаровым, с применением аппаратов автора, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Провести симпозиум врачей ортопедов-травматологов в г. Кургане...

Министр здравоохранения СССР Б. В. Петровский».

(Из приказа № 432 от 30 июня 1970 г.)

Черенок от лопаты

Илизаров оказался в Кургане, как говорится, волею судеб. Он учился в Крымском медицинском институте, институт эвакуировали в город Кзыл-Орду, и когда в 1944 году Илизаров сдал государственные экзамены, его направили в Курганскую область, главным врачом Долговской районной больницы.

Главным и единственным: война продолжалась. Но и когда закончилась, он долго еще продолжал оставаться един во всех лицах: оперировал, принимал роды, лечил детей, больных скарлатиной, занимался санитарным благоустройством района.

И все эти годы беспредельно, казалось бы, загруженный хлопотливыми и разнообразными обязанностями общего, «земского» врача, врача на все случаи жизни, он лелеял мечту вплотную заняться одной, чрезвычайно для него заманчивой дисциплиной — восстановительной, реконструктивной, пластической хирургией.

В послевоенной травматологии и ортопедии было немало проблем. Илизаров замахнулся на одну из самых сложных: проблему остеосинтеза, сращивания сломанных костей. Зачастую такие больные — а их тысячи и в дни войны и в мирное время — месяцами прикованы к постели, вынуждены по нескольку раз ложиться на операционный стол. Но даже длительное лечение помогает далеко не всегда, многие остаются инвалидами.

Когда к травматологу привозят больного с переломом, первая задача хирурга — сопоставить и закрепить костные отломки. Покой есть одно из важнейших условий для быстрого сращивания костей, для восстановления нормальной функции конечности.

Более ста лет назад врачи — одним из первых наш Н. И. Пирогов — предложили с этой целью гипсовую повязку. Она обозначала революционный рубеж в травматологии. Однако тяжелая гипсовая повязка закрепляла и соседние суставы, ограничивала кожное дыхание, нарушала кровоснабжение тканей. Бездействующие мышцы слабели, и больной уже после того, как ему снимали гипс, нуждался в дополнительном лечении. И самое главное: гипс не позволял добиться абсолютной неподвижности костных отломков. А даже микроскопические смещения то и дело разрушали молодые, вновь прорастающие костные балочки.

В последние перед второй мировой войной годы и особенно после нее начал интенсивно развиваться метод оперативного соединения отломков. Из всех известных способов Илизарова особенно привлекал один — соединение отломков через кость — так называемый метод компрессионного остеосинтеза. Первые аппараты для такого лечения были предложены еще в начале века. И забракованы, как многие последующие. Но молодой врач, живущий к тому же в далеком провинциальном городе, знал одно: прошить и сдавить костные отломки спицами — лучшее из всего предложенного. Только как прошить? И как закрепить спицы, чтобы не смещались отломки?

С того времени, как он решил эту проблему, прошло двадцать лет, а в воспоминаниях, как известно, многое сглаживается. Сжимаются дни, недели, месяцы. В памяти сохраняется — в соответствии с характером — главное.

Первым вспоминается день, когда он работал еще в Долговке. Его вызвали к очередному больному, добираться пришлось, как всегда, в телеге, запряженной старым конягой.

Сотни раз приходилось ему ездить в телеге, и в жару, и в холод, и в снег, и в дождь, но почему-то именно в тот раз, в ту поездку, долгую, как многие до нее и после, он впервые иначе, иным, что ли, глазом взглянул на все это снаряжение. Хомут обнимал шею лошади и крепился к оглоблям... Постойте, постойте: хомут — оглобли — стержни... Как просто!

Он вернулся домой за полночь, бросился в сарай, оторвал от лопаты черенок, сломал его пополам, ниже и выше слома прошил спицами, соединив их затем дугами для скелетного вытяжения...

В ту ночь он так и не заснул, много и мрачно курил, потом пошел в сарай приделывать к лопате новый черенок. Пришлось признать, что его ньютоново яблоко еще не созрело...

В следующий день, точнее, сутки, сохраненные памятью, Илизаров, бортхирург областной больницы (его уже перевели в Курган), летел на самолете.

Что в том полете намекнуло Илизарову на решающую точку в его поисках, сегодня он не помнит. Но как бы там ни было, именно тогда концы хомута проследились до полной окружности, и в сознании ярко засверкали кольца.

Ну, конечно, кольца, в которых спицы надо крепить крест-накрест, как в велосипедном колесе, если втулку этого колеса представить себе участком сломанной кости.

В Кургане у него уже не было сарая, и лопаты ломать не пришлось. Домой он, как в прошлый раз, вернулся за полночь и, с нетерпением дожидаясь рассвета, исчертил не один лист бумаги. С ними он и пошел будить соседа—слесаря трикотажной фабрики Григория Николаева. Тот привлек себе в помощь своего напарника Колю Рукавишникова, затем к ним подключился третий, токарь с машиностроительного, Иван Калачев. Первый аппарат был готов спустя два месяца.

Возмутитель спокойствия

— Всякий новый метод лечения не всегда и далеко не всеми признается сразу. Надо отдать должное страстности автора.— Профессор М. С. Жуховицкий, Москва.

— Чрезвычайно убедительно. Приходится менять свои взгляды на ходу.— Кандидат медицинских наук Е. Н. Молчанов, Ростов-на-Дону.

(Из выступлений на симпозиуме.)

Илизаров предложил свой аппарат в 1951 году. Это были два кольца с крестообразно расположенными в них двумя спицами, которыми он прошивал кость выше и ниже перелома, и четыре стержня, которые накладывали параллельно кости. Стержни крепились к кольцам винтами, с их помощью можно было сближать кольца и сжимать отломки.

В эффективности такого устройства коллеги Гаврилы Абрамовича по Курганской областной больнице убедились на первом же больном, на сломанную голень которого автор наложил свои кольца. Убедились — хотя неожиданным было все, от начала и до конца.

Впервые в истории современной травматологии хирург сращивал кость без гипсовой повязки: аппарат закрепил отломки настолько прочно, что дополнительных средств фиксации не потребовалось. Свободными, подвижными остались оба соседних сустава. Больной встал на сломанную ногу уже на третий день после операции. И был выписан из больницы здоровым и трудоспособным не спустя 2,5—4 месяца после перелома — в конце третьей недели.

Но такие же чудеса автор изобретения продемонстрировал на втором, третьем, десятом больном. Чудеса переходили в категорию обыденной реальности.

Илизаров мог пользоваться своим аппаратом сам, учить желающих. Не лезть в бой, ничего никому не доказывать. Но не такой у него оказался характер. Как никто другой понимая значение предложенного им устройства, он спешил убедить в его пользе, в его преимуществах как можно больше своих коллег, уделяя равное внимание рядовому врачу из глубинки и облеченному степенями, званиями и властью корифею.

Весной 1955 года Гаврила Абрамович докладывает результаты первых четырех лет применения своего детища на Ученом совете Центрального института травматологии и ортопедии в Москве. В резолюции по докладу, подписанной тогдашним директором института, членом-корреспондентом АМН СССР Н. Н. Приоровым, было записано: «Аппарат Илизарова Г. А. может получить в клинике широкое применение».

Признание? И да и нет. Скорее, пожелание. В то же время противники нового метода высказывались куда как резче.

Два года спустя доклад курганского новатора обсуждали на конференции в Свердловске:

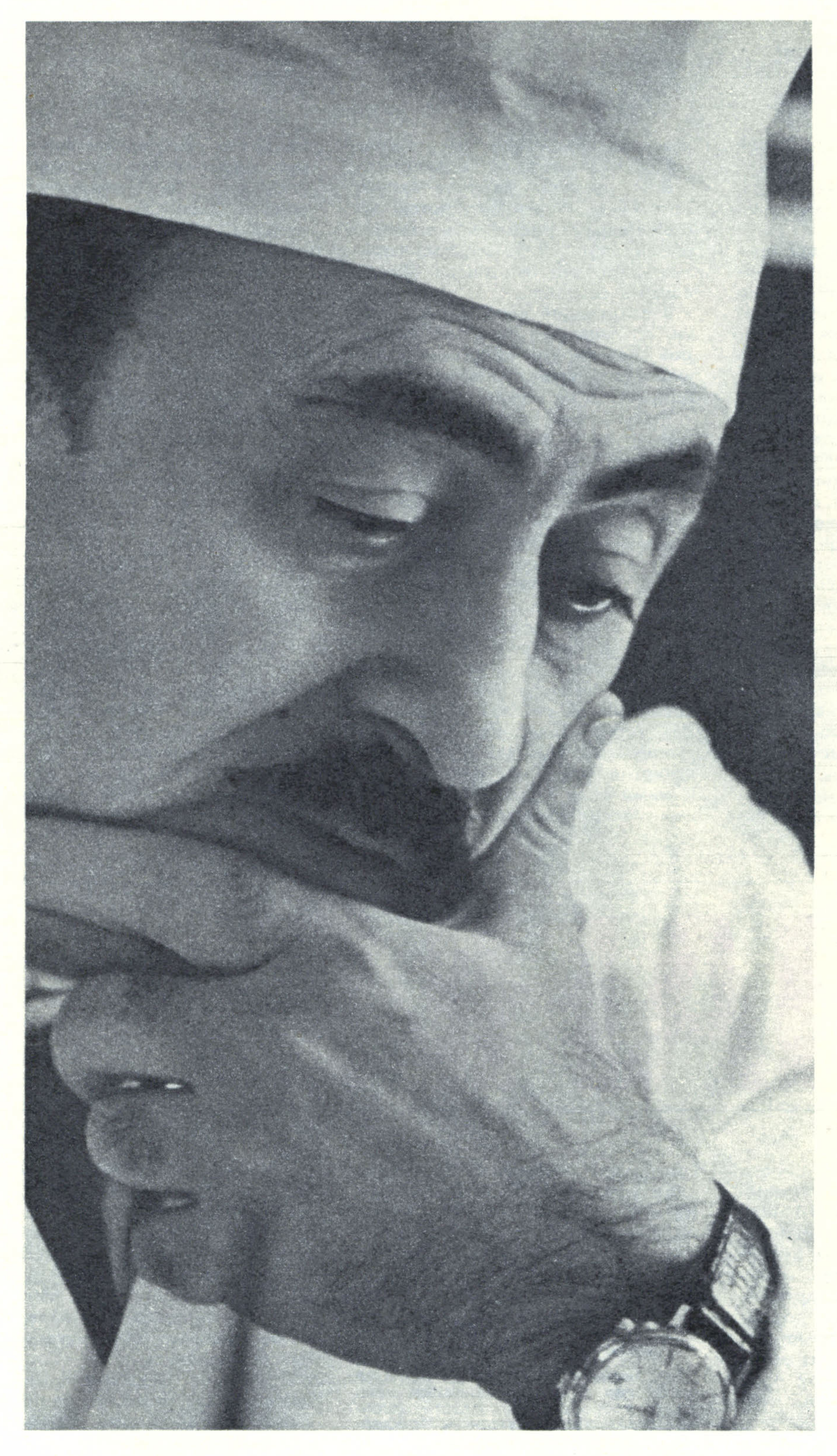
— Доктор Илизаров демонстрирует слесарный подход в хирургии...

— Прекращение фиксации костей на семнадцатый день граничит с лихачеством...

— Это иллюзия. Чудес нет. Для сращения необходим определенный биологический цикл...

— Надо напомнить, что в настоящее время за рубежом (!) уже имеется специальная монография Чарнлея... Зарубежные специалисты настаивают на прежних сроках лечений...

Врачи, как известно, народ предельно осторожный. Их первая заповедь, провозглашенная еще во времена великого Гиппократа, гласит: не повреди! Что тут скажешь? И заповедь справедлива и осторожность вековым опытом оправдана. Да, лучше не спешить.

Г. А. Илизаров

В первые дни после перелома.

Но если бы Гаврила Абрамович предлагал утвердить свой метод, предварительно опробовав его на трех-четырех, пусть бы даже на пятнадцати — двадцати больных? В 1957 году за него говорил опыт лечения почти 90 больных в возрасте от 9 до 67 лет.

И приходится произнести неприятные слова: в этой истории печальную роль сыграла уже не одна только осторожность, не одно пресловутое «как бы чего не вышло». Иные из коллег Илизарова упорно отказывались признать принципиальную новизну и преимущества его метода прежде всего потому, что не желали расставаться со своими.

Что ж, и среди врачей есть люди, которым не чуждо желание славы, ревность, зависть. Не выкинуть слова из песни...

Ортопедический ренессанс

— Очень ценный, чрезвычайно перспективный метод. В нем сплавились воедино и практика, и наука, и вдохновенное искусство.— Член-корреспондент АМН СССР В. Н. Калнберз, Рига.

— Впечатление ошеломляющее, хотя большинство из нас не новички в травматологии и ортопедии.— Доцент Я. Н. Родин, Саратов.

— Благодаря энтузиазму Илизарова советская травматология и ортопедия заняла лидирующее положение в мировой практике.— Профессор В. С. Балакина, Ленинград.

(Из выступлений на симпозиуме.)

Он возвращался в Курган из очередной командировки, со съезда, симпозиума, конференции, шел в отделение больницы, госпиталя, рассказывал о словесных баталиях первым единоверцам. Они, не искушенные еще, зеленые, огорчались. Он их успокаивал, подбадривал:

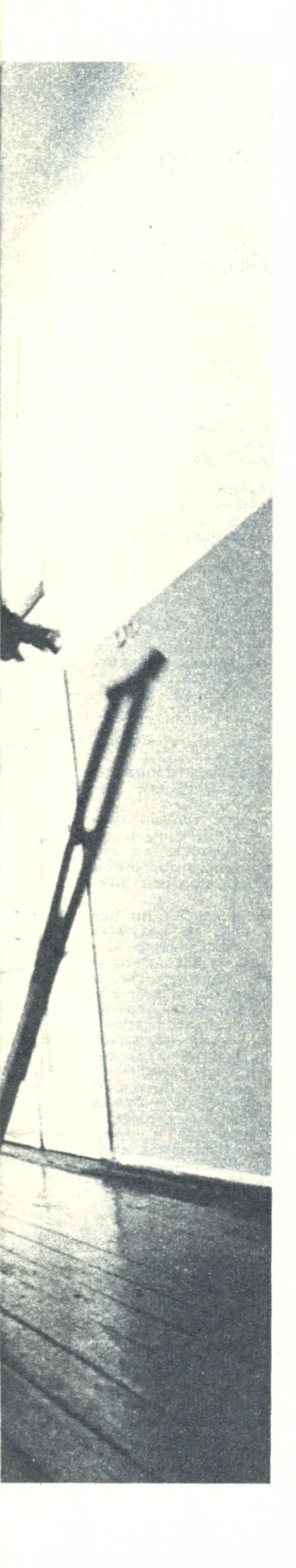
— Ничего, не расстраивайтесь. Сегодня нас не поняли, поймут завтра. Вот накопим факты...

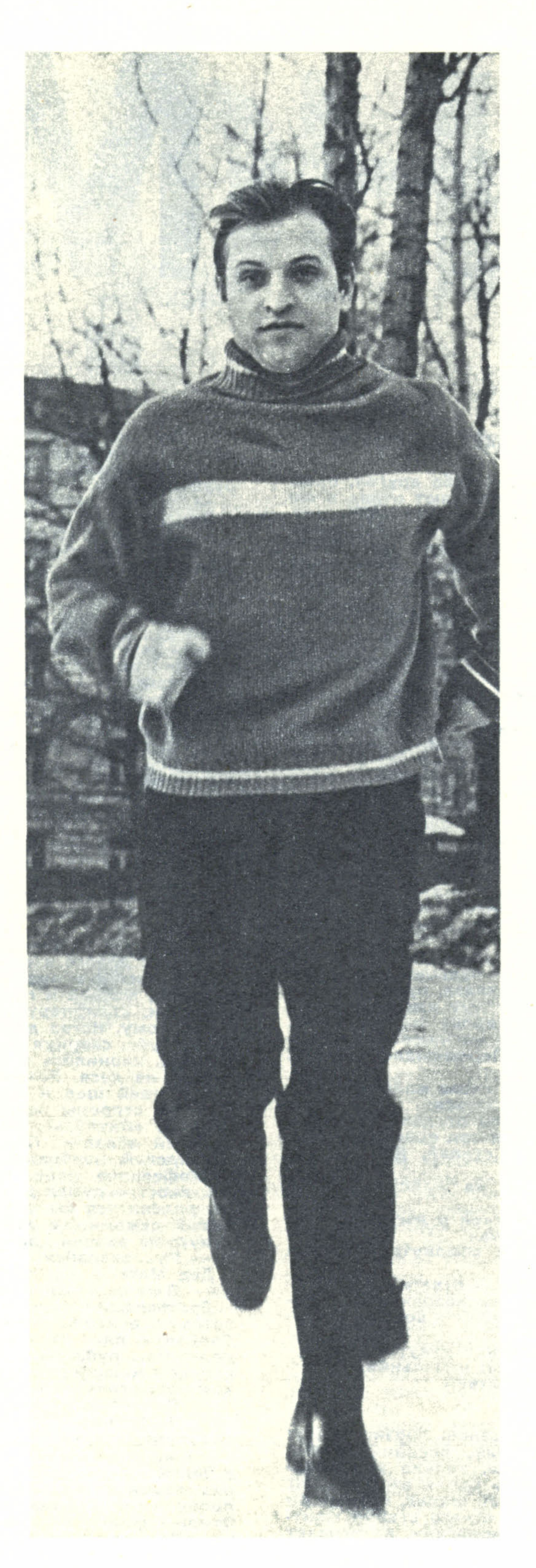
Он ставил эксперименты. Свыше двухсот опытов на животных доказали его правоту. Оказалось, что кость срастается уже на пятые сутки. А через три недели выдерживает на разрыв нагрузку свыше двухсот килограммов!

Теперь, когда найдены были средства прочной фиксации отломков, появилась возможность нагружать сломанную кость как можно раньше. Как же не воспользоваться движением, усиленным кровотоком к месту перелома, коль скоро это становится дополнительным лечебным, стимулирующим фактором!

Убедившись, что найденный им метод раскрывает еще не познанные, действительно фантастические резервы организма, он разработал много способов лечения, дополняя аппарат различными деталями и узлами.

Ортопеды всего мира пытались восполнить разрушенные остеомиелитом, гниением участки костей с помощью популярной ныне, но до сих пор коварной трансплантации, пересадок, пытались найти стимуляторы, которые, подстегивая организм, ускоряли бы сращение. А Илизаров оставался верен себе. Без чужеродных трансплантатов, без стимуляторов научился лечить сложнейшие формы костной патологии, и тут сокращая сроки лечения, сроки инвалидности и нетрудоспособности в несколько раз.

Спустя месяц.

Есть такой тяжелейший дефект ноги или руки — врожденные ложные суставы, при котором больной практически лишен конечности. Срастить такие кости удавалось крайне редко. Илизаров нашел возможность успешно лечить и таких больных. Нашел потому, что научился видеть. Сомневаться. Анализировать.

Нет, он не отмахивался от возражений, внимательно слушал. Но и не склонял головы перед авторитетами. Однажды убедившись, что не все то, чему его учили, справедливо, проверял не только впитанные догмы — самого себя.

Так в его лексиконе рядом с термином «компрессия» появился второй — «дистракция» — растяжение. И заодно с избавлением больных от ложных суставов он научился **удлинять кость!..**

Однажды, спустя уже лет десять после изобретения своих колец, он оперировал больного, у которого нога была искривлена в коленном суставе и укорочена на тринадцать сантиметров. Гаврила Абрамович и не думал ее удлинять. Нет уж, увольте, он не лихач, как пытаются его обвинять. Хотел лишь выпрямить. Наложил аппарат и принялся медленно, неторопливо, как всегда осторожно — традиционная врачебная осторожность остается правилом и для него — возвращать кость в естественное для нее положение.

И вот тут-то он заметил нечто странное. Так, пустяк, от которого мог отмахнуться другой хирург, не подготовленный к подобным неожиданностям. Илизаров увидел, что в совмещенных и закрепленных поверхностях вроде бы намечается рост молодой кости. Он проверил себя еще раз. Да, кость жила, росла. И помогали ей — в этом он удостоверился позднее — все та же прочная фиксация и строго дозированное, едва заметное растяжение. В сутки — на миллиметр, не больше.

Сегодня в активе Илизарова имеется 200 разработанных методик применения его аппарата!

Признание

— Этот метод преобразует современную травматологию и ортопедию. Цифры удлинения костей астрономические.— Ассистент В. Ф. Волков, Горький.

— Приоритет отечественной медицины бесспорен: то, что мы видели здесь, в мировой практике отсутствует полностью.— Профессор А. В. Воронцов, Ленинград.

— Необходимо срочно перестроить преподавание: тот, кто не владеет этим методом, сегодня не может считать себя полноценным травматологом и ортопедом.— Е. А. Иванов, главный травматолог Чечено-Ингушской АССР.

— На наших глазах совершилась революция в травматологии и ортопедии. Утверждаю это как участник всех войн, начиная с первой мировой.— Профессор Н. Д. Флоренский, Кострома.

(Из выступлений на симпозиуме.)

Рядовой, «неостепененный» врач. Вначале, в первые годы, он работал один. Затем к нему стали прикипать покоренные его поисками, фейерверком интереснейших идей молодые врачи. Такие же, как он, энтузиасты. Иные из них приезжали в Курган по распределению сибирских медвузов. Так, одиннадцать лет назад встал рядом с ним Анатолий Каплунов. Другие, работая здесь же, в Кургане или в области, переквалифицировались, как поступили, например, Коля Смелышев и еще один Анатолий — Девятов, сменивший амплуа преуспевающего стоматолога на шаткие в то время позиции илизаровского сотрудника.

Признание пришло не сразу.

Ему писали, к нему приезжали врачи из Омска, Рязани, Саратова, Петропавловска, Челябинска, Грозного, Уфы, Орджоникидзе, Чебоксар. Они просили его кольца и стержни, их у него не было, медицинская промышленность тогда еще их не выпускала. Врачи принимались готовить их сами.

Он продолжал совершенствовать свои методы, разрабатывал новые, пропагандировал их. За прошедшие годы выступил, наверное, на нескольких десятках конференций, съездов, симпозиумов. Подготовил диссертацию на степень кандидата медицинских наук. На защите ему присудили степень доктора.

Летом прошлого года приказом по Министерству здравоохранения РСФСР, где Илизарова поддерживал заместитель министра А. В. Сергеев, в Кургане был организован филиал (пока филиал) Ленинградского института травматологии и ортопедии. Директором назначили Г. А. Илизарова.

И вот наконец этот всесоюзный симпозиум.

В последний день делегаты присутствовали на показательных операциях. Их было несколько. Ведущий хирург одной — Илизаров. Ведущие хирурги остальных — его питомцы, ныне заведующие отделениями: Анатолий Каплунов, Анатолий Девятов, Валентина Грачева... Сегодня к этому готовы почти все сотрудники института.

Накануне делегаты симпозиума заполонили крыло здания городской больницы, где временно размещается институт, присутствовали на обходах, знакомились с лечением оперированных прежде больных, сидели в лабораториях.

А в первый день, день открытия, мы слушали доклады. В том числе главный — Илизарова.

Он вышел на трибуну, положил перед собой стопку машинописных страниц и принялся читать. На экране вспыхивали диапозитивы: рентгеновский снимок кости до операции; рентгеновский снимок кости после операции; отдаленные результаты лечения...

А затем на освещенную сцену, за спиной Гаврилы Абрамовича, начали выходить люди. Кокетливо улыбалась залу миловидная девушка в черном купальнике. Размахивал руками юноша. Вышел, опираясь на палку, пожилой мужчина.

Сколько так продолжалось? Десять минут? Пятнадцать? Или двадцать? Не знаю. Никто не следил за временем. Столь необычны были эти люди, выходившие на сцену. Невозможно было поверить, что это были они же, те, кто только что, за несколько секунд до их выхода, смотрел в зал с экранных фотоснимков. То были многолетние инвалиды, еле передвигающиеся или вообще неподвижные, лишенные возможности обходиться без посторонней помощи, люди, которые пытались избавиться от своих несчастий и вернуться к естественному человеческому существованию, неоднократно ложась на операционный стол.

Мы же видели на сцене здоровых, полноценных, обычных людей. Даже лица их стали иными, краше, что ли.

Пусть, приглядевшись, на ноге девушки можно было заметить небольшой рубец. Пусть левая рука юноши еще была тоньше правой: он только недавно начал делать укрепляющую гимнастику. Пусть пожилой мужчина еще боялся оставить свою палку, не свыкся с мыслью, что может ходить, как все люди.

Но слишком велик, неосознаваем сразу был контраст между их прошлой и нынешней жизнью. Это были теперь, в сущности, новые люди.

Зал каждого провожал аплодисментами, приветствуя обоюдный подвиг врача и больного. Так прошли перед нами один за другим все те, кто по вызову Гаврилы Абрамовича, тут же бросив все свои дела, приехал в Курган. Прошли те, единицы из сотен, им возрожденных, чья вера в него и чье исцеление все эти долгие годы питали его уверенность, его мужество, давали, как Антею — земля, силу.

Илизаров закончил доклад, собрал листки и хотел спуститься в зал: симпозиум продолжался, своей очереди дожидался следующий докладчик.

Но Илизаров еще долго не мог уйти со сцены. Зал встал и долго, молча, сурово аплодировал — двести врачей из пятидесяти двух городов страны. Многие прошли фронт. Врачи вообще народ закаленный, их не так легко пронять...

* * *

Но почему все-таки так трудно складывается судьба изобретений?

Курган — Москва.

Сцена из спектакля: А. Нестерова — Люба, Н. Верещенко — Орест.
Фото М. Строкова.

О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ...

В золото старинных рам заключена сцена Московского театра имени Ленинского комсомола, образуя своеобразные полотна, куда и вписывается действие спектакля «Голубая роза», создавая атмосферу романтической приподнятости, ожидания встречи с прекрасным...

День рождения Леси Украинки, ее столетний юбилей стал событием не только для театра. Это значительный шаг на пути непрекращающегося сближения русского искусства с искусством братского украинского народа. Спектакль интересен тем, что его создали на московской сцене украинцы: заслуженный деятель искусств УССР М. Гиляровский — режиссер Львовского драматического театра имени Марии Заньковецкой; художник — заслуженный деятель искусств УССР, лауреат Государственной премии В. Борисовец; артистка Львовского театра А. Нестерова, играющая Любовь Гощинскую — главную героиню пьесы.

Судьба «Голубой розы» при жизни Леси Украинки была столь же трагична, как и судьба ее героев. Пьеса доселе ни разу не ставилась. И лишь недавно Львовскому театру удалось найти ключ к решению сложной драматургической коллизии, построенной писательницей.

На русский язык пьеса была переведена еще самой Лесей Украинкой, и тем не менее только сейчас она вышла на русскую сцену. Вышла и сразу стала заметным событием благодаря тому, что коллектив театра имени Ленинского комсомола очень внимательно, глубоко прочел главную тему «Голубой розы» как тему трагического заблуждения людей, ищущих любви нереальной, неземной.

Молодой поэт Орест Михайлович Груич — его играет артист Н. Верещенко — жертва болезненной страсти Любы: эта экзальтированная девушка отвергает значение любви жизненной, дающей человеку радость и счастье. В поисках эфемерной «Голубой розы» Люба и гибнет, поняв обреченность своей мечты...

Огромными чувствами живут главные герои. Понять их вовсе не способно чопорное, пустое светское общество. Здесь прежде всего видишь мать Ореста, ходячее ханжество, Марью Захаровну Груич в исполнении народной артистки РСФСР Е. Фадеевой, сыгранный В. Корецким Сергей Петрович Милевский — притворщик, светский манекен... Это эгоистический, мелкий мирок, который делает неизбежной не только гибель героев, но и гибель веры в чувство большой любви, способной рождать великие свершения...

Н. ЗЫБИНА

С. ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ДЕД МАТВЕЙ ВЫПОЛНЯЕТ ПОРУЧЕНИЕ

Млынский лучше, чем кто-либо другой, представлял, какие трудности ожидают отряд в окружении, он прекрасно понимал, что удача первого боя еще далеко не все решила. Без связи и взаимодействия с партизанскими отрядами и подпольными партийными организациями, без помощи из центра через линию фронта отряду пробиться не удастся.

Надо было немедленно связаться с партизанами. Как? Через кого?

Сколько Млынский ни прикидывал, лучшей кандидатуры для решения такой задачи, чем дед Матвей, он не находил.

Первый разговор у них с дедом Матвеем проходил с глазу на глаз.

Дед Матвей был человеком бывалым, долгая жизнь научила его осторожности. Он не сразу дал согласие. Помолчал, подумал.

Млынский не торопил его с ответом: как-никак старику семь десятков лет. Шутка ли?

Дед Матвей свел в кулаке бороду, опустил глаза, медленно проговорил:

— Тяжковатое дельце ты для меня придумал, товарищ начальник!

— Знаю, что нелегкое, потому и обращаюсь к вам,— ответил Млынский.— В этих местах вы каждую тропку знаете. Знаете людей, они — вас. Понадобятся помощники, подберете без промаха. Не так ли?

— Так-то оно так, да не очень так,— ответил дед Матвей и забарабанил пальцами по столу. Затем, вскинув на майора глаза, продолжил: — до войны ко мне доверие тут имели стар и мал... Да, да. Авторитетом вроде бы значился... Война повышибла люд из насиженных гнезд. Кто ушел, кто пришел. Перемешались люди, што твои грибы в кузовине.

Посмотрел дед Матвей в глаза майору и сразу стал вроде бы оправдываться:

— Не к тому сказ, чтобы от дела стороной пройти. Не такой Матвей. Я так понимаю, товарищ начальник, взялся — сделай. Думаю, как бы исправнее дело сделать.

Дед Матвей посмотрел на майора, лукаво подмигнул:

— Не сумлевайтесь, Матвей в жизни никого не подводил и не обманывал.

— А вот немцев нужно обмануть! — сказал майор.

— Какой же это обман? — ответил дед Матвей тоном, не допускающим возражений.— Само собой разуметь надобно — военная хитрость!

Дед Матвей встал, протянул руку:

— Так по рукам, товарищ начальник.

— По рукам, дедушка Матвей.

Черная ночь окутала поселок. Грозно шумит лес, накрапывает холодный, осенний дождь. Пробирается по тропинкам, только ему ведомым, дед Матвей. Крупные капли отстукивают дробью по потертой кожаной шапке, струйками скатываются за воротник, отчего старик ежится, то и дело поправляет воротник, натягивает поглубже шапку.

Промокший до нитки, он пришел наконец в свой поселок, который покинул с отрядом, оставив здесь жену Анастасию Васильевну. Здешние леса дед Матвей знал, как свой двор, как свой поселок, а вот подошел к родному крыльцу, и стало на душе как-то легче и светлее.

Дед Матвей постучал в окно, прислушался. В ответ ни звука. Постоял немного, постучал сильнее.

Анастасия Васильевна проснулась. Не спросила даже кто. По стуку узнала: ее Матвей пришел. Засветила лампу — и скорее в сенцы, откинула засов, распахнула дверь.

— Ма-тве-юшка...

Не торопясь, он прошел в комнату, сбросил мокрую одежду, обтерся рушником, посмотрел на жену, важно сказал:

— Цыть, Настаська! Не помер, чего голосить?

— Не буду, Матвеюшка, не буду. Я от радости, что живой. Покормить тебя, Матвеюшка, да и на отдых. Небось, намаялся.

— Кончились наши сны, Настенька. Теперь не до них. Слыхала, как немчура прет?

— Слыхала, слыхала, Матвеюшка. Голова ходит кругом от того, что люди говорят.

— Оно, конешна, не грех соснуть маленько. Утром конец побы́ва.

— Ты што, рехнулся, Матвей? Какой из тебя вояка? Ай не отвоевал своего? Нам помирать пора, а он «на побывку». Нехай молодые воюют, а тебе место на печи! — растревоженно запричитала Анастасия Васильевна.

— Ты што затараторила? Не бабьего ума это дело! — остановил ее дед Матвей.

— Матвеюшка, ты же хворый! Как воевать будешь?

— Как все,— ответил дед Матвей.

Укладываясь спать, дед Матвей наказывал:

— Собери, Настенька, чистое бельишко мне, рюкзак и инструмент. Завтра в город держать путь буду.

— Соберу, соберу! — отвечала Анастасия Васильевна.

У старости сон тревожный. Со вторыми петухами дед Матвей уже был на ногах. Сложил в мешок инструмент, кое-какие харчишки, наполнил самосадом кисет, не забыл и флягу с первачом. До калитки его провожала Анастасия Васильевна, дальше идти не разрешил.

Вытирая краем платка набежавшие слезы, сказала мужу:

— Побереги себя, Матвей.

— Постараюсь, Настенька. Только ты не реви, не помер же и не собираюсь пока ишо.

— Да сохрани тебя господь! — напутствовала Анастасия Васильевна, беря на крючок калитку.

Дед Матвей подтянул на плечах мешок, поправил шапку и зашагал по лесной дороге. В лесу стало веселее, когда из-за горизонта лениво выкатилось солнце и его лучи пробились сквозь намокшие деревья, заиграв яркими зайчиками.

Опираясь на палку, дед Матвей шагал по наезженной дороге в сторону города. «В задумке начальника я спица важная»,— рассуждал про себя дед Матвей и гордился тем, что не вышел в тираж, коли поручено такое задание ему, а не другому. Когда дошел до старого, в два обхвата дуба, свернул на тропу. Солнце смотрело в глаза, клонилось к закату, когда дед Матвей вышел из леса. Хотелось есть. Ныли ноги, но дед Матвей шел и шел, не думая об отдыхе. По обе стороны шоссе — поля пригородного колхоза «Октябрь», до войны самого богатого во всей области. По правую сторону — стена перезрелой, неубранной кукурузы, по левую — картофельное поле. «Такое богатство и коту под хвост,— думал дед Матвей.— Как жить стали, радоваться бы, а тут проклятая война». Занятый думами, не заметил дед Матвей, как из кукурузы вышли два немецких солдата:

— Рус, сдавайся!

Дед Матвей поднял руки.

— Я не опасный! Сдаюсь!

Долговязый немец направил на деда Матвея автомат, а второй подбежал, ощупал карманы. Сорвал с плеч вещевой мешок, вывернул содержимое: рубанок, фуганок, топор, харч в отдельном мешочке. Поднял немец топор, со страхом посмотрел на лезвие, закричал:

— Партизан, партизан!

— Я по плотничьей части, не партизан,— спокойно ответил дед Матвей.

На крик прибежали фельдфебель и полицай с белой повязкой на рукаве. Фельдфебель еще раз обыскал деда Матвея, поднял мешочек с провиантом, как бы взвесил на руке, развязал. Открыл флягу с первачом, понюхал раз, другой. Дал понюхать полицаю. Тот поднес горлышко к приплюснутому носу.

— Самый что ни на есть первачок, господин фельдфебель! Антик с мармеладом, как у нас говорят. Пальчики оближешь,— пояснил дед Матвей.

Полицай приставил палец к губам, чмокнул.

Фельдфебель снял с себя прорезиненный плащ, расстелил его на траве, вынул из мешка у деда Матвея кусок сала, хлеб, положил на плащ. Налил из фляги в стаканчик — он тоже оказался в мешке — чуть-чуть первача, подал деду Матвею, приказал:

— Пейт!..

Дед Матвей выпил, аппетитно провел пальцем по усам. И только посмотрел на свое сало. Немец не предложил закуски. Фельдфебель до края наполнил стаканчик и стал пить, словно это была сладкая фруктовая вода, а не самогонка. Опорожнил, слегка поморщился:

— Гут русска водка, гут!

Тесаком откроил кусок сала, закусил. Ел так, словно сроду не видал такой закуски.

К фляге потянулись солдаты. Полицейский вытряхнул из мешка все съестное и покосился на деда Матвея.

— Не отрава?

— Побойтесь бога, това... господин начальник. Дед Матвей сроду ни на кого руки не поднимал.

Флягу опорожнили мигом. Повеселевшие немцы стали рассказывать что-то смешное, смеялись, перебивая друг друга.

Дед Матвей решил, что обстановка благоприятная, обратился к полицаю:

— Отпустите меня с богом, господин начальник. Плотник я, на заработки в город иду.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 8—10.

вернемся

Полицай придирчиво осмотрел паспорт деда Матвея, на ухо шепнул что-то фельдфебелю.

— Иди, дед. Они тебя отпускают. Спасибо за хорошую водку говорят.— От себя добавил: — Из тебя песок сыплется, а ты на заработки.— Пристально посмотрел на деда Матвея.— Ежели чего не так, смотри у меня! На старость скидки не будет!

— Можете не сумлеваться, начальник. Все буде так, как должно быть: ни убавить, ни прибавить! — бурчал дед Матвей. Он согнулся, чтобы собрать инструмент. Немцы не разрешили. Сказали: на всякий случай пусть у них останется. «Ироды они и есть ироды»,— подумал про себя дед Матвей, покачал головой и несмело зашагал прочь.

Скорым шагом отошел подальше. Отдышался, перекрестился. Первая встреча с немцами состоялась. Первый экзамен выдержан. Как пойдет дело дальше? Мимо, громыхая гусеницами, проползали танки, проносились военные машины с немецкими солдатами.

Выждав, когда шоссе опустело, дед Матвей как мог быстро перешел на противоположную сторону, вышел на проселочную дорогу и зашагал к городу. Солнце село. Усталый, голодный, ступил дед Матвей на улицы оккупированного города, того самого города, который еще совсем недавно радовал его глаз аккуратностью и чистотой, зеленью улиц и скверов. Улицы изрыты воронками, всюду битое стекло, оборванные провода, вывороченные деревья и телеграфные столбы, горы битого кирпича и изуродованного железа, обгорелые коробки домов. Черные прямоугольники окон — словно глазные впадины черепов. Запах гари и копоти.

Деда Матвея душили слезы. Только сейчас он почувствовал всю глубину беды, обрушившейся на его родную землю. Подошел к женщине, спросил, как пройти на Песчаную улицу.

— Город знал, как хату свою, а тут заплутался,— разъяснил он.

Женщина подняла на него воспаленные глаза, тяжело вздохнув, ответила:

— Ни улиц, ни переулков, одни развалины остались...

— Дедушка, идемте, я покажу эту улицу! — вмешался в разговор веснушчатый мальчуган, одетый в замасленную фуфайку. Деду Матвею показалось даже, что он знает мальчонку с этим озорным, усыпанным веснушками лицом.

— Пошли, внучек, пошли! — ласково сказал дед Матвей.

— Меня Петькой звать,—сказал мальчик, как бы предлагая знакомство.

— А меня дедушкой Матвеем кличут.

Петька ловко преодолевал завалы и старался идти не там, где легче, а по самому бездорожью, по самым трудным местам. Песчаная улица находилась в уцелевшей части города.

Дед Матвей поблагодарил мальчугана за помощь, быстро подошел к дому, в котором жил его старый приятель, тридцать лет проработавший токарем на местном заводе. Постучал в дверь. В окно выглянула молодая женщина, старшая дочь приятеля — Вера. Дед Матвей узнал ее. Кивнул головой, она ответила тем же и побежала открывать дверь.

Дед Матвей вошел в дом медленно, тяжело. Болела спина, ныли ноги.

— Где отец-мать? — спросил он, опускаясь на старенький диванчик в прихожей.

— Проходите в комнату, дедушка Матвей,— пригласила Вера, а когда гость отказался, сославшись на то, что ему и тут хорошо, да и чумазый он, пришлось наглотаться пыли, она присела тоже на диван, стала с опаской рассказывать:

— Страшно даже подумать, что случилось, дедушка! Вчера ночью ворвались полицейские и немцы. Все перерыли. Унесли с собой хорошие вещи. Думали, и конец на этом, так нет. Через полчаса немцы возвратились, отца и маму увели. Куда — и сама не знаю.

— Беда,— сказал, покачав головой, дед Матвей.

Дед Матвей поговорил еще немного, а когда собрался уходить, Вера не пустила, прикрыла собою дверь и с испугом:

— Разве можно идти в ночь, дедушка? Немцы схватят, и поминай, как звали. Они всех хватают, кто без пропуска.

— Правда твоя,— согласился старик.— Заночую у тебя, дочка, а завтра подамся дальше.

Вера засуетилась, накрыла на стол, подала ужин.

Поел дед Матвей, запил холодной водой — давнишняя привычка его — и прилег на диван. А Вера сидела долго еще, рассказывала о зверствах немцев и полицаев, о том, как живут люди в городе. Беспокоилась за судьбу родителей, за младшего братишку, который ушел гулять, да не возвращается. А на улице темно уже. А когда дедушка Матвей захрапел, она погасила свет и ушла в другую комнату.

Брат Веры, Ленька, пришел совсем поздно.

Ночью за окнами началась сильная стрельба. Стреляли из винтовок, пулеметов. Донеслось несколько глухих разрывов, а затем ухнуло так, что задрожали стекла. Дед Матвей проснулся. Он подошел к окну, отодвинул чуть-чуть шторку и приложил глаз к щелочке. Из-за домов, разрезая темноту ночи, поднимались вверх языки пламени, постепенно разливаясь огромным заревом.

Вера и Ленька проснулись тоже.

— Ишь, как полыхат,— сказал дед Матвей.— Ты не знаешь, дочка, что горит?

— Должно быть, жилые дома,— ответила Вера.

— Дома, дома! — передразнил ее Ленька, лежавший в кровати и не пожелавший поглядеть в окно.

— Немецкая нефтебаза это,— сказал он после небольшой паузы.

...Рано утром дед Матвей стоял у дома своего старого сослуживца по леспромхозу Касаткина. «Человек он изворотливый, должон все знатЬ»,— думал Матвей и постучал в дверь кулаком. Только сейчас заметил ручку звонка и машинально дернул за нее. Дверь открыла жена Касаткина, краснощекая и моложавая для своих пятидесяти лет женщина. За ее спиной показался и сам Аркадий Демьянович. Обрадовался вроде бы, схватил деда за руку, повел к столу.

— Вот и позавтракаем вместе!

Жена подала чай, колбасу, масло, пирожки. Сидели, беседовали. Аркадий Демьянович расспрашивал, что нового в леспромхозе, кто остался в лесном поселке, были или нет там немцы. Дед Матвей, не торопясь, попивал чай, ел бутерброды, отвечал на все вопросы.

Неожиданно Касаткин спросил:

— Станки не растащили? Как быстро можно было бы лесопилку пустить?

Старик насторожился и вместо ответа сам поинтересовался:

— А зачем лесопилку восстанавливать, на кого она должна работать?

— Жить-то надо! — недвусмысленно намекнул хозяин.

— Так ведь жизнь, она разная бывает,— ответил гость.

Касаткин не сразу нашел, что ответить. А может, другой резон был. Сначала закурил сам, угостил сигаретой деда Матвея и только тогда важно и наставительно сказал:

— Власть переменилась, хотим мы этого или не хотим. Есть нам тоже нужно каждый день. Еще никто не пробовал отучить себя от этой привычки. Вот так, Матвей Егорович. Будем помогать немцам — они нас кормить будут, не будем — подохнем, как голодные кошки.

— Лучше с голодухи помереть, нежели совестью торговать! — отрезал дед Матвей. Затушил сигарету и направился к двери.

— Дедушка, вы мужа не так поняли,— оправдывалась жена Касаткина, провожая старика до калитки.

— Мозги ему проветрить надобно, вот что,— ворчал дед Матвей, сурово насупив брови.

Отошел два квартала от дома Касаткина, вслух стал ругать себя: «Ведомо, старый дурень. Млынский наказывал не пылить в любых переплетах, а я с Касаткиным понятливого языка не нашел. Пшик, а не разговор получился. Горе ты мое, Матвей, а не разведчик!»

Ранним утром следующего дня дед Матвей удивил своим приходом лесника Захара, которому приходился далеким родственником.

— Откуда тебя в такую рань прибило к нам? — удивился Захар.

— С города домой ноги волочу. Тебя вспом-

нил, решил повидаться, покалякать. Как знать, може, и не свидимся больше.

Захар сидел напротив и молчал, словно воды набрал в рот.

— Ты што, Захар, разговора лишился ай приходу моему не рад?

Хозяин усмехнулся:

— Решил меня сразу на абордаж?

— Ты, Захар, по-чудному беседу ведешь. Я тебе дело, а ты абордажами размахался. Ежели доверия нету мне, так и скажи. За свою жисть я уже видывал германца. Знаю ему цену в святой день и в будний. Ешо в четырнадцатом я ему огоньку под одно место о-ой как поддал! — Насупил брови, спросил: — Не тансь, говори, ты с фрицами, со старостами не снюхался?

— Ты что, крен дал? — обиделся Захар.— За кого меня принимаешь?

— А ты меня? Зачем секретничаешь? Стежка к партизанам ведома тебе?

Дед Матвей не спускал с Захара хитрого взгляда.

Захар прищурил на деда глаз.

— Ишь какой скорости захотел! Так я тебе и расскажу... сразу.

— Лиса ты, Захар! — заулыбался старик.— Ведома, ведома, по зенкам видать.

— Ничего не видать! — отбивался Захар, однако отвел глаза в сторону.

Вышел в другую комнату, вернулся с графином. Принес из кухни лук, хлеб, разливая в стаканы, сказал примирительно:

— Давай лучше подлечимся!

— Давай, давай! Меня тоже познабливает!

Налили, чокнулись.

— За то, чтобы от фашистского супостата землю расейскую скорей очистить! — сказал Матвей.

— Лучше не придумаешь тоста!

Выпили, нюхнули хлеба. Закусили луком.

— За твоих сыновей, Захар! За здоровье ихнее, за возврат скорый с войны!

Хозяин молча выпил, но не ускользнуло от деда Матвея, что слова его больно резанули Захара. Проступившие на глазах слезы убедили в том, что промашку дал, не то сказал.

— Старшего уже в живых нет,— волнуясь, объяснил Захар.— При защите границы нашей уложили, сволочи.

Захар закрыл глаза, чтобы скрыть слезы.

Дед Матвей похлопал его по плечу, стал успокаивать:

— Слезы горюшку не помощник, Захар. Нужно мстить гадам. Мстить и днем и ночью. Истреблять их, паршивцев, надобно! Всюду! В лесу и в городе, на фронте и в тылу. Где появятся...— Помолчал немного.— За тем к тебе и притопал... Крюк дал такой... Не то время, штоб шаландаться по-пустому... Сам понимать должон! — как бы оправдывался и в то же время прощупывал собеседника дед Матвей.

— Правда твоя,— оживился Захар.— Время дело подскажет! А сейчас отдохни! Вижу, с ног валишься.

— А может, зараз?

— Что, аврал? Дело сурьезное. Конспирация.

Дед Матвей не знал, что означает слово «конспирация», но понял: надо тайну соблюдать в этих делах, потому сказал:

— Твоя правда, Захарушка. Ты человек ученый...

Когда стемнело, Захар вошел в сарай, забитый сеном. Постоял, прикинул что-то, припал на колени, втиснул по самое плечо руку в сено, повозился, повозился и не без труда вытащил немецкий автомат. Решив, что время самое подходящее, пошел будить Матвея. А тот уже стоял на крыльце в полной боевой готовности, с берданкой Захара за плечами, как и порешили вечером.

Хозяин спустил с цепи собаку, закрыл на ключ дверь. Взял под руку Матвея, сказал:

— Пошли!

Огородом они вышли на лесную дорогу, прошли немного, натолкнулись на подводу, запряженную парой лошадей. Рядом стоял молодой парень.

— Матвей, садись,— приказал Захар.

Помог забраться деду на телегу. Ловко прыгнул сам и скомандовал:

— Поехали!

Парень отпустил вожжи, и кони, казалось, ожидавшие этого, понеслись рысцой. Ехали долго проселочными дорогами, лесом. К середине ночи, миновав молодой ельник, подъехали к озеру.

— Тут спешимся! — сказал Захар.

Взял деда за руку, помог сойти и повел вдоль берега. Осторожно, бесшумно. Только тихие всплески воды нарушали тишину. Налетавший с озера свежий ветер холодил лицо. У зарослей замерли. Захар вынул из кармана фонарик и трижды бросил им свет на озерную гладь. Прошло минут десять, прежде чем Матвей услышал плеск весел. В берег ткнулась лодка. Из нее вышел человек. Дед Матвей заметил автомат, который держал незнакомец наизготовку.

— Привет вам с поселка,— сказал негромко Захар.

— Спасибо за посылку! — ответил подошедший.

— Поплыли! — сказал незнакомец и пошел к лодке.

В лодке сидел еще один человек. Только сейчас его заметил дед Матвей: темнотища, хоть глаз выколи.

Незнакомцы сели на весла. Лодка плыла и плыла себе вперед, может, час, а может, два. Когда пристала к берегу, хлопцы не сразу вышли. Как бы притаились.

Широкий, приземистый, крепкого сложения человек — откуда появился он, Матвей не успедил — тряс руку Захара.

— Узнаешь? — спрашивал он.

— Ванюшка, браток, как же не узнать. Вот хорошо, что встретились... здесь. Быстрее веди нас к начальнику.

Остановились, как потом выяснилось, у землянки. Иван по-хозяйски открыл дверь и пропустил всех. Сам вошел последним.

Тусклый свет «летучей мыши» падал на самодельный стол, за которым сидел худощавый человек в гимнастерке.

Командир тепло и очень просто поздоровался с вошедшими. И сразу же обратился к деду Матвею:

— Рассказывайте, рассказывайте, с какими вестями к нам прибыли!

— Приплыл до вас от Млынского... Думаю, наслышаны о нем...

— Знаем, знаем, дедушка! — подтвердил командир.

— Так вот...— продолжил было дед Матвей, но потом махнул рукой, присел на скамейку, достал из-за голенища самодельный ножичек, сделал надрез в подкладке пиджака, достал записку, протянул командиру: — Читай, от Млынского!

Командир прочитал, спросил:

— Лес немцами окружен. Как до города добрались?

Дед Матвей рассказал о встрече с фашистами.

— Вам повезло, дедушка,— улыбаясь, сказал командир.— Других живыми они не отпускают.

Перевел взгляд на Захара.

— Отдохните в соседней землянке...

ЧЕКИСТЫ УХОДЯТ В ТЫЛ ВРАГА

После отъезда генерала Дроздова началась тщательная подготовка разведывательной группы.

Полковник Куликов не знал ни сна, ни отдыха. Он находил время заняться с каждым разведчиком, ибо ошибка одного могла провалить всю группу. Там, в тылу у врага, ошибиться можно было только один раз.

Разведчики упражнялись в стрельбе, метании гранат, изучали подрывное дело, овладевали искусством прыгать с парашютом.

Ночь выдалась дождливая. Утром тучи разбежались, и день обещал быть хорошим. Как всегда, раньше всех встал Афанасьев, а через несколько минут вся группа была уже на ногах.

Быстро погрузились в автобус — и на аэродром. Прыгали по одному. Самолет «У-2» выходил в зону. По команде пилота разведчик оставлял самолет и стремительно падал, пока над ним не раскрывался белоснежный купол.

Последней прыгала Аня. Возле нее хлопотали Карлышев и Дьяур. Помогали надеть ранцы с парашютами. Что-то на ухо ей шепнул Афанасьев. Аня улыбнулась.

Инструктор помог Ане подняться на крыло, забраться в кабину.

Все переживали за Аню больше, чем за других.

Разрешили взлет. Самолет задрожал, покатился по дорожке и, ускорив бег, оторвался от земли, повис в воздухе. Сделал разворот, начал набирать высоту.

Разведчики неотрывно следили за полетом. А самолет уже набрал нужную высоту, уже вошел в район выброски. Еще мгновение — и черной точкой Аня стремительно летит к земле. Что это? Время открыться парашюту, а его нет. Почему не раскрывается? Афанасьев волнуется больше всех. Лицо бледное-бледное.

— Анечка, дерни кольцо!

— Кольцо дерни! — кричат Дьяур и Карлышев.

И вдруг в небе словно бы громадным тюльпаном раскрылся парашют.

Аню унесло в сторону. Она опустилась далеко от заданного района, и все бросились к ней. Опрометью, обгоняя друг друга. Каждому хотелось добежать до нее первому.

Нужно было видеть Аню в эти минуты. К ней приближались товарищи, а она стояла счастливая, гордая.

— Молодец, Аннушка!

— Молодец!

За три дня до заброски разведчиков полковник Куликов по совету генерала Дроздова включил в группу Афанасьева опытную радистку Наташу. Она закончила специальные курсы радистов и удивила всех своим необыкновенным знанием радиодела.

Наташа с одного взгляда полюбилась Ане. Обо всем рассказала Наташа новой подруге: о Бондаренко, о своих чувствах к нему. Наташа призналась, что каждый день ждала писем, а их все нет да нет. Наташа рассказала и о том, как после ухода Бондаренко на фронт она стала обивать пороги военкомата: просилась на фронт, но ей всякий раз отказывали. Последний раз она беседовала с пожилым майором. И тот, уступив ее просьбам, записал в блокнот ее фамилию, адрес и сказал:

— Не волнуйтесь, девушка, когда потребуется, вызовем!

Дни шли, а вызова не было.

Но однажды после занятий она пришла в общежитие. На тумбочке лежала повестка, предлагавшая явиться в военкомат, и извещение на получение ценной бандероли. В военкомат нужно было идти через два дня, бандероль можно получить сейчас, немедленно. Наташа накинула пальто и побежала в почтовое отделение. Ей протянули бандероль, она обмерла: совсем такая же, какую получила недавно ее преподавательница Нина Васильевна. В пакете она обнаружила сообщение о гибели мужа и его документы. Как же этот пакет похож на пакет Нины Васильевны! Дрожащими руками она взяла его, попыталась вскрыть тут же, немедленно, и не смогла. Пальцы не слушались. Она присела на скамейку у стола, опустила голову на ладони и заплакала. От слез стало легче. Она развернула бандероль. Портсигар... Листок бумаги... Почерк Бондаренко! Да, да, его почерк. «Значит, он... значит, любит»,— зашептали ее губы. И не уследила даже, как стала целовать эту обычную бумагу, этот простой беленький листок.

И вот сегодня, готовясь вместе с товарищами в тыл врага, Наташа наполнила портсигар папиросами, завернула в газету, положила в рюкзак.

Перед разведывательной группой «Пламя» поставили большие и сложные задачи. Их изложил генерал Дроздов.

— На бумаге они выглядят так,— сказал генерал и положил перед Афанасьевым и Белецким документ.

В нем значилось: «Разыскать в районе Черных лесов отряд майора Млынского и передать для связи с командованием фронта радистку Наташу, а также шифры, коды, позывные;

— создать в тылу противника базу для приема и оказания помощи советским разведчикам и боевым разведывательным группам, засылаемым в тыл с конкретными заданиями;

— организовать сбор сведений о важных военных объектах противника, аэродромах, складах с боеприпасами, горючим и отравляющими веществами;

— подобрать и установить связь с группой советских патриотов; с их помощью установить контроль за прохождением воинских эшелонов, переброской войск противника по железным и шоссейным дорогам».

Кроме того, лично капитану Афанасьеву поручалось разыскать разведчика «Степана», действовавшего в районе дислокации армии генерала фон Хорна, обусловить с ним связь и оказать содействие в выполнении заданий особой важности.

Афанасьев внимательно читал документы, с разрешения генерала делал краткие заметки в блокноте, пользуясь специальным кодом.

Беседа заняла часа два. Афанасьев и Белецкий задавали вопросы, не стесняясь. Им так и сказали: «С вопросами не стесняйтесь».

— Вы будете получать от нас и другие задания,— говорил Дроздов.— Но это потом, когда обоснуетесь, когда определятся ваши возможности, когда прояснится оперативная обстановка в районе вашего действия.

Ровно в полночь крытая брезентом машина прибыла на аэродром. Ее поджидал майор. Ловко пристроившись на подножке рядом с водителем, он выполнял роль «лоцмана», то и дело командуя: «Вправо», «Чуть левее», «Замедли ход», «Поддай газку». Ехали с погашенными фарами. Остановились у самолета «ЛИ-2».

— Прибыли точно по графику.

Из кабины вышел Афанасьев и почти столкнулся с полковником Куликовым — он стоял у самолета.

— Разрешите посадку, товарищ полковник?

— Разрешаю.

Афанасьев отдал команду.

Пришла минута прощания.

У трапа полковник Куликов крепко пожал руку командиру и комиссару группы:

— Больших вам успехов и возвращения на Большую землю!

— Спасибо за добрые слова! Мы сделаем все, что в наших силах.

Взревели моторы, зажглись синие огни, сверху прикрытые черными колпаками. Они очертили взлетную полосу. По ней помчался самолет в темноту...

Приближаясь к линии фронта, летчик прибавил нагрузку на моторы, самолет полез вверх. Немецкие зенитные орудия ударили дружно и неожиданно. Гирлянды желтых огней разрывали темноту справа, слева. Всякий раз Ане казалось, что самолет неизбежно должен загореться.

Бежали томительные минуты, казавшиеся часами... вечностью. Не сразу почувствовали разведчики, что самолет благополучно ушел из зоны зенитного огня и летит по заданному курсу. Они поняли это, когда из пилотской кабины вышел штурман и, улыбаясь, сказал:

— Линию фронта прошли благополучно.

Летели еще час, а может, и больше. Время шло очень медленно. Разведчики оживились, когда пилот подал команду: «Приготовиться к высадке!»

Сначала бросили груз. Затем по команде Афанасьева провалился в темноту Белецкий, за ним Дьяур, Дьяков... К радости Афанасьева, девушки сделали это спокойно.

Последним, как и положено, оставил самолет капитан, пожелавший летчикам благополучного возвращения.

Афанасьев приземлился на кукурузном поле. Быстро погасил парашют, взял наизготовку автомат. Осмотрелся. Тихо, темно. Терпеливо выждал, потом нажал на кнопку фонарика.

Через каждые десять минут он повторял сигнал сбора, а сам терпеливо ждал, готовый к любой неожиданности.

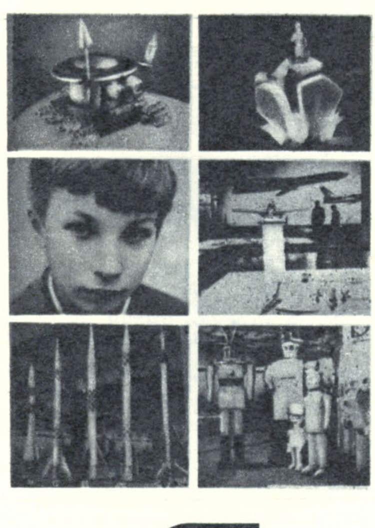
Первым нашел его Дьяур. После него подошли другие. Аня и Наташа явились вдвоем: опустились на землю почти рядом.

И все-таки не обошлось без ЧП. Не появлялся Белецкий. Все уже были в сборе, а его не было. Где он, что с ним? Афанасьев решил организовать поиск.

Наташе Афанасьев велел развернуть рацию и быть готовой для связи с Москвой.

Разведчики искали Белецкого всю ночь. Под утро совершенно случайно на него наткнулся Корецкий. Комиссар лежал возле кучи сушняка в глубоком обмороке. У Белецкого была сломана нога.

«Я — РОБОТ»

Посетителей встречал «Юпитер» со своими железными собратьями. Именно такими в пору моего детства изображали писатели-фантасты пришельцев с других планет. Мои сверстники изучали азы фото- и радиодела, запускали первые авиамодели, мечтали о самолетах. Сейчас не то время! В наши дни школьники знакомы с кибернетикой и радиоэлектроникой, знают о космосе, мечтают о межконтинентальных полетах.

...Загорелись ярко-красные глаза «Юпитера», он «ожил» заговорил:

— Я — робот! Старший брат робота Рэра!..

Плотным кольцом окружив семью электронных «людей», созданных юными техниками города Калининграда, ребята с интересом слушали «Юпитера». Он не просто экспонат, а уже честно поработал в трамвае и, чтобы никто в том не сомневался, приглашает сейчас купить билеты. Все тянутся с монетами, и железная рука необычного кондуктора выдает им трамвайные билеты.

Так начиналось наше знакомство с первой всесоюзной выставкой «Творчество юных». Готовилась она необычно. По всей стране были проведены смотры, конкурсы детского творчества. 10 тысяч лучших работ были присланы в Москву. 8 тысяч из них экспонировались в Манеже. Здесь были представлены макеты и модели ракет и ракетоносителей, космических кораблей и планетоходов, автоматические железнодорожные узлы и автотрассы, различные станки и механизмы, приборы и инструменты.

Не верится, что все нами увиденное сделано руками таких же мальчишек и девчонок, как эти шумные посетители, заполнившие Манеж.

Позабыв все наставления взрослых, они радостно и громко смеются: по залу важно вышагивает забавный электронный малыш «Марсик-2». Юные умельцы города Орши научили его не только ходить, но и отвечать на вопросы. А ребята рады стараться! Вопросы сыплются со всех сторон. Но «Марсик» не смущается, он бойко отвечает на их вопросы...

...Искусно выполненный «Луноход-1» словно доставлен не из Курского Дворца пионеров и школьников, а прямо с Луны. Осторожно двигается он, «прощупывая» каждый метр и осматривая все вокруг своим «телевизионным глазом». Тотчас на экранах телевизоров появляется его изображение. И рядом — счастливые ребячьи физиономии.

...В пионерской телестудии идет импровизированный концерт. Две смущенные девчушки поют веселую песенку и с удовольствием сами себя слушают и смотрят.

...Будущие моряки собрались у бассейна, где демонстрируются радиоуправляемые модели. И ребята уже видят себя на капитанских мостиках фантастических кораблей. А что такие корабли они построят, можно не сомневаться. Даже у взрослых вызывают удивление неуемная фантазия молодых изобретателей и конструкторов, их смелая устремленность в будущее.

Но не только в будущее устремлены мысли ребят. Они авторы настоящих открытий и изобретений. Сотни приборов, инструментов и машин, созданных ими, применяются в медицинских учреждениях, в школах, на промышленных предприятиях.

Три миллиона школьников работают в ученических производственных бригадах. Рядом со старшими мальчишки восседают за рулем комбайна и трактора, девочки работают на фермах, в садах и огородах. Плоды их трудов ныне представлены на стендах сельскохозяйственного раздела выставки.

Из мира механизмов и моторов словно попадаешь в сказочный сад. За окном — снег, мороз, а здесь — аромат полей и садов, поют птицы, прямо на глазах распускаются яркие цветы... Ребята показывают товар лицом — свежие фрукты и овощи, зерно, кусты хлопчатника и... огромный, румяный каравай. Тут все говорит о любви ребят к земле, об их уважении к труду хлебороба. Они выводят новые сорта пшеницы, получают высокие урожаи на пришкольных делянках...

В добрый путь, дорогие мальчишки и девчонки!

Л. МУРАШОВА

Афанасьев и Корецкий бережно взяли комиссара на руки и понесли к месту сбора...

...Обязанности врача в группе выполняла Наташа. Когда-то она училась в медицинском училище. Осмотрела ногу комиссара, дала обезболивающее лекарство, обработала место повреждения, поставила на место кость, наложила самодельную шину.

— Через два месяца танцевать будете! — сказала Наташа комиссару.

— Да ты что? — удивился тот.— Надо, чтобы через две недели я был в строю...

Дни в это время года короткие. Не успеешь осмотреться, уже вечереет. Зато ночи — великаны. Разведчикам Афанасьева это на руку. Шутка ли — сделать бросок в тридцать километров за одну ночь!

С грузом, с больным комиссаром. Все это усложняет задачу.

О ней, о предстоящей задаче, и рассказывал сейчас Афанасьев:

— До Ободовских лесов дорога нелегкая будет, товарищи! До села Ивановки самостоятельно дойдем. Там проводника захватим. Наводка у нас имеется. Только бы дома застать. Человек надежный и безотказный. Одним словом, наш человек.

Решили, что впереди группы пойдет Карлышев, с тыла прикроет Ляшкевич. Комиссара и груз понесут поочередно.

Корецкий и Дьяков аккуратно уложили Белецкого на самодельные носилки, осторожно подняли, понесли. Другие взвалили на себя грузы и зашагали вслед.

На подходе к селу Ивановка сделали привал. К проводнику, которого рекомендовал генерал Дроздов, Афанасьев решил направиться сам. На всякий случай прихватил Дьяура. Хата Антипа — так звали проводника — была крайней, и капитан сразу узнал ее по приметам: две огромные липы над крышей, два больших валуна.

Афанасьев оставил Дьяура у калитки, сам зашел во двор, припал ухом к двери. Разговаривали мужчина и женщина. Вели обычный семейный разговор о житье-бытье. «Хозяин и хозяйка»,— решил Афанасьев и постучал.

— Кого там, на ночь глядючи, несет? — отозвался хозяин.

Загремел засов, да так, словно не дверь, а железные ворота открывали. На пороге Афанасьев увидел ладно сбитого человека лет пятидесяти с густыми рыжими усами. Точно такого, какого обрисовал ему генерал Дроздов.

— Дядя Антип? — спросил капитан.

— Антип, Антип. Пока он тут хозяин.

— А я от Николая Павловича.

Афанасьев заметил, как глаза незнакомца подобрели, лицо тронула улыбка.

— Какой может быть разговор, заходи,— сказал хозяин.— Ты один ай еще кто с тобой? — поинтересовался он, пропуская вперед Афанасьева.

— Пока один.

Вошли в хату. Присели. Хозяин обратился к жене:

— Анфиса, подала бы на стол чего. Человек с дороги, намаялся.

Его удержал Афанасьев:

— Дядя Антип, и не думайте. Я забежал поговорить с глазу на глаз.

Хозяин понял. Когда из другой комнаты вышла жена, он сказал:

— Сбегай, Анфисушка, в погребок, холодненького кваску принеси, что ли.

Все так же лениво хозяйка накинула на себя платок, вышла из хаты.

— Мы в Ободовские леса путь держим, нам проводник нужен,— шепнул Афанасьев.

— Подлецов в нашем селе, кажется, нема. Любому поручи — доставит. Да только...— Хозяин на минуту задумался.— Говоришь, Николай Павлович? — И не дожидаясь ответа: — Махонький такой?

По хитрому прищуру глаз Афанасьев видел, что дядя Антип проверяет его. Как можно спокойно ответил вопросом:

— Разве Николай Павлович, у которого вы на московской квартире чай пили, махонький?

— Твоя правда,— сдался хозяин,— тот большой. Во-о! — поднял кверху руку.— Коли просил тот, поведу вас сам.

Он стал собираться.

Анфисе дядя Антип сказал, что домой возвратится на следующий день к ночи. Женщина вопросов не задавала. Молча собрала узелок с харчами, передала мужу...

Идти с дядей Антипом было легко. Он знал каждую тропку, каждый кустик в этих местах. Вел, как сказал он сам, по самому короткому и надежному пути.

Далеко за полночь вышли в Ободовские леса. До места, облюбованного под базу, оставалось совсем немного. Усталые, проголодавшиеся разведчики почувствовали прилив сил. Зашагали бодрее.

А вот и молодой ельник, густо заросший кустарником. Дядя Антип завел в самую чащобу.

— Вот вы и дома! — объявил он.

Афанасьев поручил Корецкому, Дьяуру и Карлышеву провести ближнюю разведку, подобрать самое удобное место для базы.

— Остальным — отдыхать,— распорядился он.

На второй день к вечеру база была готова. В четырех добротных землянках разместили людей, упрятали имущество.

Ночью в Москву передали телеграмму: «В заданный район прибыли благополучно. Создали базу. Приступаем к выполнению задания. «Орел».

Продолжение следует.

Творительный падеж

Глеб **ПАНШИН**

Рассказ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

У Тимки Тяпкина был приятель Федор. Он учился вместе с Тимкой в третьем классе и мечтал стать водолазом или продавцом мороженого.

Однажды Федор пришел к Тимке и говорит:

— Ты урок по письму сделал?

— Нет,— ответил Тимка.— А что?

— А то никак не получается. Давай вместе попробуем.

— Это можно,— сказал Тимка.

Мальчишки разыскали задание. Тимка посмотрел его и заявил важно:

— Подумаешь, дело: сочинить такое предложение, чтобы слово «рожь» стояло в творительном падеже. Да это каждый дурак сможет!

— Ты сначала сделай, а потом говори,— обиделся Федор.

— Перво-наперво,— сказал Тимка,— эту рожь просклонять надо. Именительный падеж: кто, что? Рожь. Родительный: кого, чего? Ржи...

— А может быть, рожи? — неуверенно спросил Федор.

— Какой еще такой рожи? — сказал Тимка.

— Ну, обыкновенной. Физиономии, что ли. У собак ее мордой зовут.

— При чем здесь, Федька, собачья морда? Здесь она никак не выходит.

— А ты откуда знаешь? — заупрямился Федор.

— Я точно не знаю,— сказал Тимка.— Я просто так думаю. Давай, Федька, лучше ржи.

— Это ты мне говоришь: ржи?— спросил Федор.

— А кому же еще? Конечно, тебе.

— Ты, Тимище, не дразнись лучше,— загундел Федор.— Я тебе лошадь, да? Сам ржи, если хочешь!

— Во, чудило! — сказал ему Тимка.— Ведь я не нарочно. У меня само так получилось. Ну, ладно. Пойдем дальше склонять. Дательный: кому, чему? Ржи...

— Ты опять?!

Тимка пожал плечами:

— Если тебе не нравится, возьми и склоняй сам.

— Ну, и просклоняю.

Федор начал думать. Тимка ждал. Наконец, набравшись духу, Федор вытаращил глаза и бухнул:

— Винительный: ржу!

— Вот видишь? — сказал Тимка.— Сам же говоришь, что ржешь, а на меня обижаешься. Значит, так. Значит, теперь самый нужный падеж остался — творительный. Кем, чем? Ну, чем?

— Ржой, чем же еще?! — скорее простонал, а не выговорил Федор.

— Таких и слов нету, чтобы ржой,— сказал Тимка,— уж складнее выходит ржоем.

— Слушай, Тимка,— спросил Федор,— а ты знаешь, что такое рожь?

— Откуда мне знать! — сокрушенно махнул рукой Тимка.— В жизни никакого ржоя в глаза не видел. Это, наверное, и слово-то нерусское. Вот если бы про сурдобарокамеру задали, тогда проще простого — склоняй, сколько влезет.

— Это точно,— согласился Федор.— С этим ржом надо во какую голову иметь — как у слона! Давай лучше у Таньки спросим. Ты ей по телефону позвони.

— Ладно,— согласился Тимка и вышел в соседнюю комнату.

Минуты через две он вернулся и сообщил:

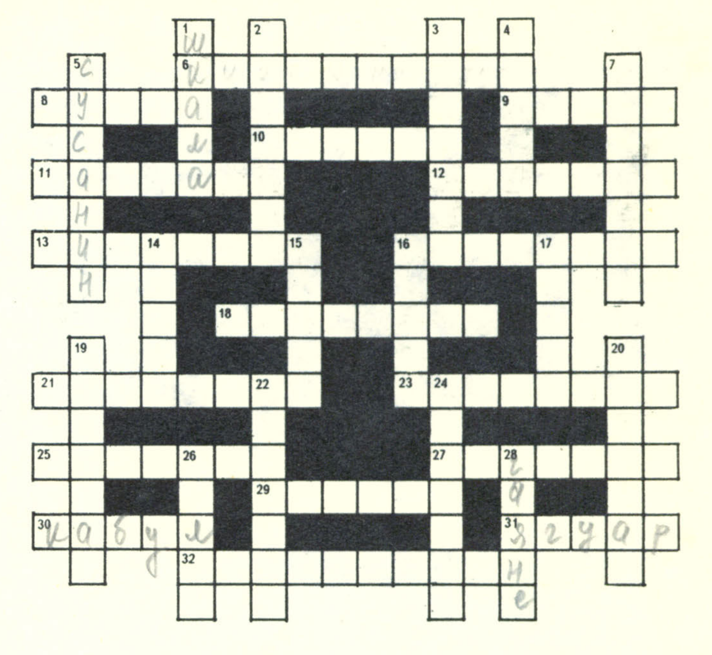
— Танька говорит, как будто рожь — это растение, из которого черный хлеб делают. Может, и взаправду так? Ведь черный хлеб еще ржаным называют.

— Во врет! — возмутился Федор.— Это она назло. За то, что я ей в чернильницу синюю муху посадил. Ты сам подумай, хлеб-то ржаным называют, а не рожьным! По-Танькиному выходит, что «орловский» хлеб из орлов делают, да? Если хочешь знать, всякий хлеб у нас в городе на хлебозаводе из муки делают. У меня папка там работает. И вообще, ну ее, эту рожь! Спишем завтра у кого-нибудь, и все.

— Придется! — со вздохом согласился Тимка.— Эх, зря я не пошел в кружок космонавтов. Они там о звездах все изучают. А узнать, что делается на земле, им раз плюнуть.

— Давай вместе запишемся,— сказал Федор.— Только вдруг там нас сразу спросят про эту ржою?

— Не может быть! Там сначала объясняют, как в школе, а потом спрашивают. Мне ребята говорили. Ладно. Запишемся...

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Раздел механики. 8. Порт в Камеруне. 9. Советский писатель. 10. Птица отряда воробьиных. 11. Стихотворное произведение. 12. Элементарная частица. 13. Вьющееся растение. 16. Герой русских былин. 18. Первообраз. 21. Рассказ А. П. Чехова. 23. Типографский работник. 25. Духовой инструмент. 27. Персонаж трилогии К. А. Федина. 29. Материал для нанесения изображений на переплеты книг. 30. Столица Афганистана. 31. Хищное животное. 32. Номер цирковой программы.

По вертикали: 1. Линейка или циферблат с делениями в различных приборах. 2. Штат в США. 3. Актер МХАТа, народный артист СССР. 4. Рабочее место горняка. 5. Герой оперы М. И. Глинки. 7. Пушной зверь. 14. Способ печатания. 15. Спутник планеты Сатурн. 16. Хлопчатобумажная ткань. 17. Промысловая рыба. 19. Вершина Главного Кавказского хребта. 20. Курорт в Армении. 22. Кондитерское изделие. 24. Терраса для воздушных ванн. 26. Приток Камы. 28. Балет А. И. Хачатуряна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 7. «Школьник». 8. Анатомия. 9. Балластер. 12. Капица. 13. Адажио. 14. Басня. 16. Агат. 17. Адан. 18. Опока. 19. «Молох». 20. Явор. 22. Сито. 24. Росси. 27. Тренер. 29. Драпри. 30. Смородина. 31. Фурманов. 32. Одеколон.

По вертикали: 1. Акваланг. 2. Ангара. 3. Околица. 4. Бассейн. 5. «Мазепа». 6. Кинетика. 10. Викторина. 11. Казахстан. 14. Бекар. 15. Якоби. 21. Веракрус. 23. «Турандот». 25. Острава. 26. Стадион. 28. Романс. 29. Дунаец.

На первой странице обложки: Торжественны праздники посвящения молодежи в рабочий класс на шахте «Новопавловская» города Красный Луч. Недавно героем такого праздника был Василий Рудык, молодой рабочий очистного забоя. Его поздравляет Герой Социалистического Труда, кавалер трех степеней знака «Шахтерская слава» Иван Васильевич Иванченко и все его товарищи по бригаде.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Первая всесоюзная выставка «Творчество юных» (см. в номере репортаж «Я — робот»).

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 23/II-71 г. А 00530. Подп. к печ. 9/III-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 649. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 528.

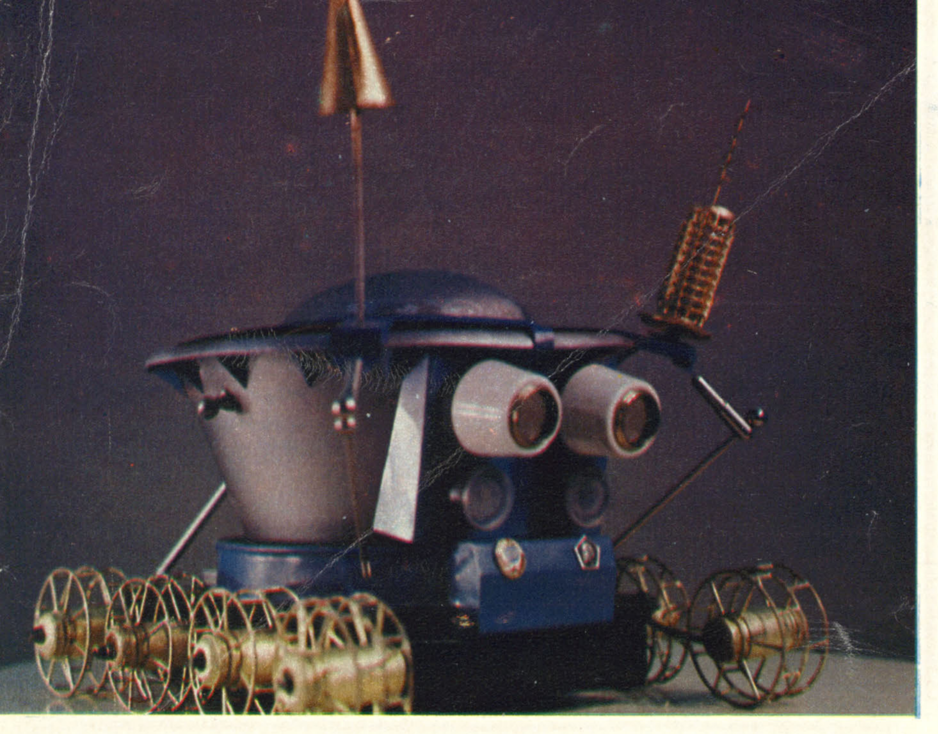
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

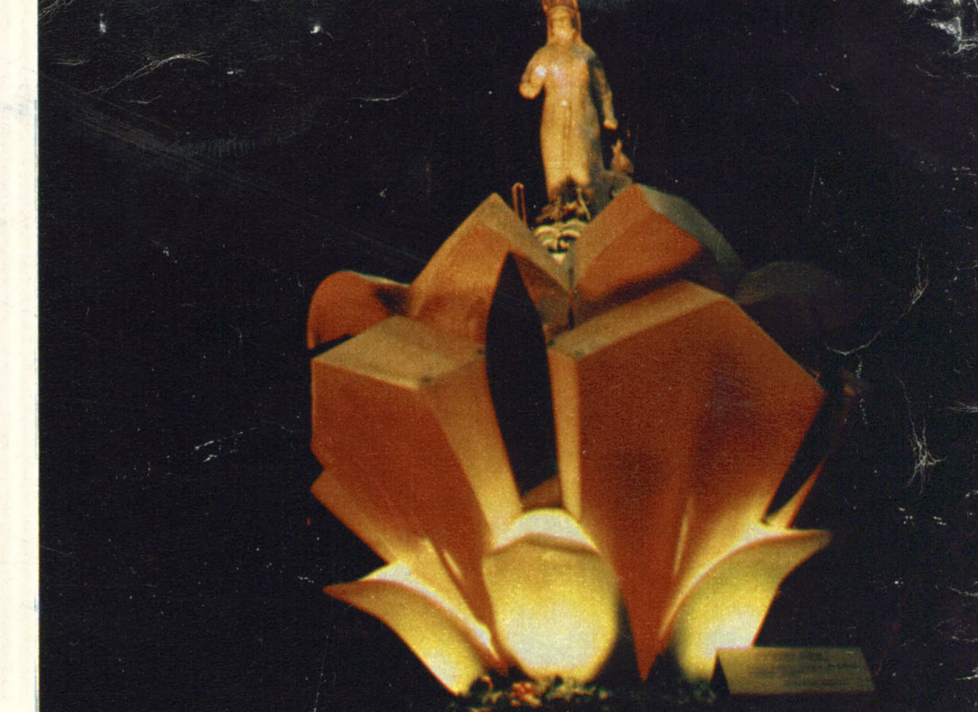

Махровые гвоздики.

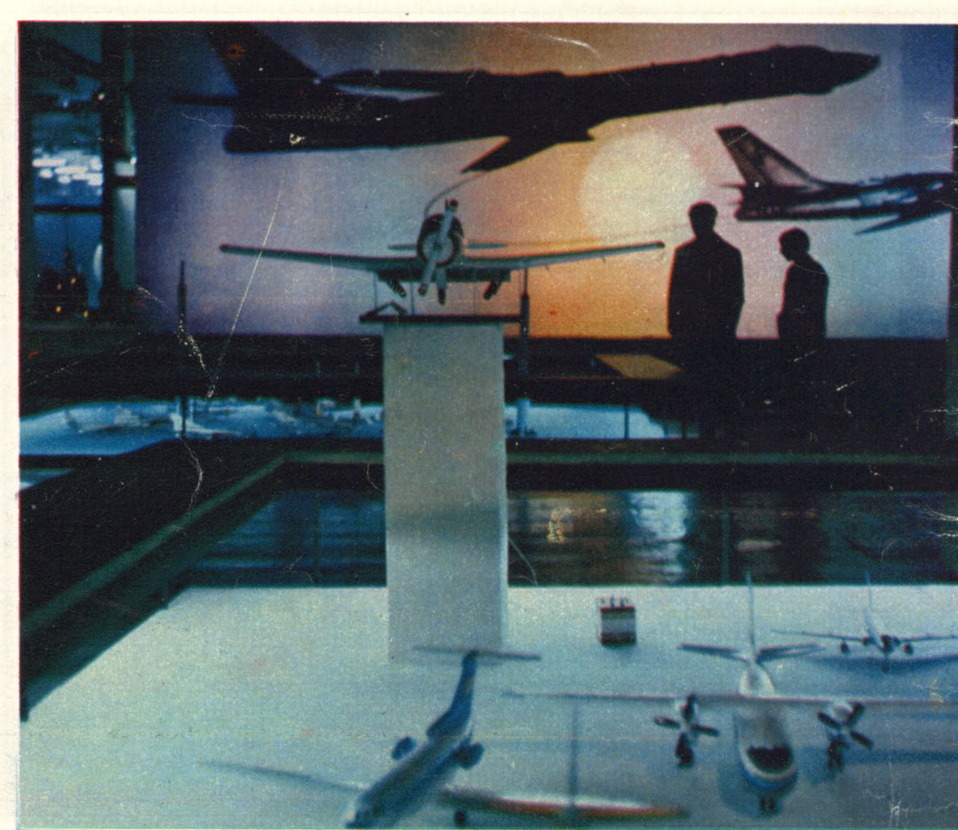
См. 2-ю обл. и титул.

Весенние радости мальчишек. **Фото И. Тункеля.**

Цена номера 30 коп. Индекс 70663.

